

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ

Ведьмак

КРОВЬ ЭЛЬФОВ
ЧАС ПРЕЗРЕНИЯ

Анджей Сапковский

Кровь эльфов. Час презрения

Серия «Ведьмак (сборники)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51692915

Кровь эльфов ; Час презрения : [романы] / Анджей Сапковский: АСТ;

Москва; 2020

ISBN 978-5-17-118219-9

Аннотация

Новеллы о ведьмаке Геральте из Ривии, его друзьях и недругах, о смертельно опасной его «работе» по истреблению кровожадной нечисти, о мире, в котором среди обычных людей живут эльфы, гномы, оборотни и драконы, давно стали классикой...

Сага Анджея Сапковского занимает одно из первых мест в отечественных и зарубежных списках лучшего фэнтези, а Геральт, культовый персонаж литературы и компьютерных игр, уже во второй раз появляется на телеэкранах.

Смотрите экранизацию великолепной саги и сравнивайте приключения любимого героя в кинематографическом и литературном мирах!

Содержание

Кровь эльфов	4
Глава первая	6
Глава вторая	62
Глава третья	109
Глава четвертая	156
Конец ознакомительного фрагмента.	221

Анджей Сапковский

Кровь эльфов. Час презрения

Кровь эльфов

*Elaine blath, Feainnewedd
Dearme aen a'caelme tedd
Eigean evelienn deireadh
Que'n esse, va en esseath
Feainnewedd, elaine blath!*

«Цветочек». Колыбельная песня и популярная детская считалка эльфов

Истинно, истинно говорю вам, придет век Меча и Топора, век Волчьей Пурги. Придет Час Белого Хлада и Белого Света. Час Безумия и Час Презрения, Tedd Deireadh. Час Конца. Мир умрет, погруженный во мрак, и возродится вместе с новым солнцем. Воспрянет он из Старшей Крови, из Nen Ichaer, из зерна засеянного. Зерна, кое не прорастет, не проклюнется, но возгорится Пламенем.

Ess'tuath esse! Да будет так! Внимайте знамениям! А каковы будут оные, глаголю вам: вначале изойдет

земля кровью Aen Seidhe. Кровью Эльфов...

«Aen Ithlannespeath», пророчество Ithlinne Aegli аep Aevenien

Глава первая

Город горел.

Забитые дымом узкие улочки, ведущие ко рву, к первой террасе, полыхали жаром, языки пламени пожирали притулившиеся друг к другу соломенные крыши домов, лизали стены замка. С запада, от портовых ворот, накатывался крик, звуки яростного боя, глухие, сотрясающие стены удары тарана.

Нападающие неожиданно окружили их, проломив баррикаду, которую защищали немногочисленные солдаты, горожане с алебардами и арбалетчики. Покрытые черными попонами кони призраками перелетали через заграждения, блестящие мечи разили отступающих защитников.

Цири почувствовала, как везущий ее на луке седла рыцарь резко осадил коня. Услышала его крик. «Держись, – кричал он. – Держись!»

Другие рыцари в цветах Цинтры опередили их, с ходу сцепились с нильфгаардцами. Цири видела это всего лишь одно мгновение, краешком глаза – бешеный водоворот сине-зеленых и черных плащей, лязг стали, удары клинков по щитам, ржание лошадей...

Крик. Нет, не крик – вой.

«Держись!»

Страх. Каждый рывок, каждый удар, каждый скачок коня

до боли рвет стискивающие ремень руки. Ноги, сведенные болезненной судорогой, не находят опоры, глаза слезятся от дыма. Обхватившая ее рука душит, давит, чуть ли не ломает ребра. Вокруг нарастает крик, какого она никогда раньше не слышала. Что надо сделать с человеком, чтобы он так кричал?

Страх. Сковывающий волю, парализующий, удушающий страх.

Опять лязг железа, храп коней. Дома вокруг пляшут, исходящие огнем окна неожиданно оказываются там, где только что была забитая грязью улочка, усеянная трупами, заваленная пожитками беглецов. Рыцарь у нее за спиной вдруг заходится странным хриплым кашлем. На вцепившиеся в ремень руки хлещет кровь. Крик. Свист стрел.

Падение, болезненные удары о доспехи. Рядом бьют копыта, над головой проносится конское брюхо и разорванная сбруя, снова конское брюхо, развевающийся черный плащ, звуки ударов наподобие тех, что издает лесоруб, валящий дерево. Но это не дерево, это железо о железо. Крик, сдавленный и глухой, совсем рядом валится в грязь что-то черное и огромное, разбрызгивая кровь. Закованная в железо нога дергается, раздирает землю огромной шпорой.

Рывок. Какая-то сила подхватывает ее, затягивает на седло. «Держись!» Опять галоп. Руки и ноги отчаянно ищут опоры. Конь становится на дыбы. «Держись!» Нет опоры. Нет... Нет... Кровь. Конь падает. Нельзя отскочить, нель-

зя выбраться, вырваться из тисков покрытых кольчугой рук. Нельзя укрыться от крови, хлещущей на голову, на шею.

Рывок, чавканье грязи, резкий удар о землю, удивительно неподвижную после дикой скачки. Хрип и пронзительный визг коня, пытающегося поднять круп. Удары подков, мелькающие бабки и копыта. Черные плащи и попоны. Крик.

На улице огонь, ревушая красная стена огня. На ее фоне наездник, огромный, уходящий, кажется, выше пылающих крыш. Покрытый черной попоной конь пляшет, мотает головой, ржет.

Наездник глядит на нее. Цири видит, как блестят его глаза в прорези огромного шлема, украшенного крыльями хищной птицы. Видит отблеск пожара на широком клинке меча, который тот держит в низко опущенной руке.

Наездник глядит. Цири не может пошевелиться. Ей мешают одеревеневшие руки убитого, охватывающие ее талию. Удерживает что-то тяжелое и мокрое от крови, что лежит у нее на бедре и притискивает к земле.

И еще ей не дает двигаться страх. Чудовищный, выворачивающий все внутри страх, из-за которого Цири уже не слышит стон раненого коня, рев пожара, крики убиваемых людей и грохот барабанов. Единственное, что существует, с чем приходится считаться, что имеет значение, это страх. Страх в обличье черного рыцаря с украшенным перьями шлемом, рыцаря, застывшего на фоне кроваво-красной стены бушующего пламени.

Наездник сдерживает коня, крылья хищной птицы на его шлеме расправляются, птица устремляется в полет. Кидается на беззащитную, парализованную страхом жертву. Птица – а может, рыцарь – кричит, вопит страшно, жутко, торжественно. Черный конь, черные доспехи, черный развевающийся плащ, а за всем этим огонь, море огня.

Страх.

Птица верещит. Крылья трепещут, перья бьют по лицу. Страх!

«На помощь! Почему мне никто не помогает? Я одинокая, я маленькая, беззащитная, я не могу пошевелиться, даже звука не могу издать перехваченным судорогой горлом. Почему никто не приходит мне на помощь?

Я боюсь!»

Горящие в прорези огромного крылатого шлема глаза. Черный плащ заслоняет все вокруг...

– Цири!

Она просыпается вся в поту, застывшая, а ее собственный крик, крик, разбудивший ее, все еще дрожит, вибрирует где-то внутри, в груди, разрывает высохшее горло. Болят вцепившиеся в попону руки, болит спина...

– Цири, успокойся.

Кругом – ночь, темная и ветреная, монотонно и мелодично шумящая кронами сосен, поскрипывающая стволами. Уже нет ни пожара, ни крика, осталась только эта шумящая колыбельная. Рядом играет огнем и пышет теплом костер би-

вака, пламя вспыхивает на пряжках упряжи, горит пурпуром на рукояти меча и оковке ножен, прислоненных к лежащему на земле седлу. Нет другого огня, другого железа. Касающаяся ее щеки рука пахнет кожей и пеплом. Не кровью.

– Геральт...

– Это был всего лишь сон. Скверный сон.

Цири дрожит, сжимает руки, подбирает ноги.

Сон. Всего лишь сон.

Костер уже успел пригаснуть, березовые чурки стали красными и прозрачными, потрескивают, то и дело стреляя голубоватым пламенем. Пламя освещает белые волосы и резкий профиль мужчины, который укутывает ее попоной и накрывает кожушком.

– Геральт, я...

– Я рядом. Спи, Цири. Тебе надо отдохнуть. Нас еще ждет долгая дорога.

«Я слышу музыку, – вдруг подумала она. – В этом шуме... таится музыка. Звуки лютни. И голоса. Княжна из Цинтры... Дитя Предназначения... Дитя Старшей Крови, крови эльфов. Геральт из Ривии, Белый Волк и его Предназначение. Нет, нет, это легенда. Вымысел поэта. Ее нет. Она мертва. Ее убили на улицах города, когда она убегала...»

«Держись... Держись...»

– Геральт?

– Что, Цири?

– Что он со мной сделал? Что тогда произошло? Что он...

со мной сделал?

– Кто?

– Рыцарь... Черный рыцарь с перьями на шлеме... Ничего не помню. Он кричал... и смотрел на меня. Я не помню, что случилось. Помню только, что боялась. Ужасненько боялась...

Мужчина наклонился, пламя костра заплясало в его глазах. Станных глазах. Очень странных. Когда-то Цири боялась этих глаз, не любила в них глядеть. Но это было давно. Очень давно.

– Ничего не помню, – шепнула она, ища его руку, жесткую и шершавую, как необработанное дерево. – Черный рыцарь...

– Это был сон. Спи спокойно. Это больше не повторится.

Цири уже слышала подобные заверения. Давно. Ей множество раз повторяли их, множество, множество раз успокаивали, когда она просыпалась среди ночи от собственного крика. Но теперь было иначе. Теперь она верила. Ведь теперь это говорил Геральт из Ривии, Белый Волк. Ведьмак. Тот, который был ее Предназначением. Которому она была предназначена. Ведьмак Геральт, отыскавший ее в хаосе войны, смерти и отчаяния. Геральт, который взял ее с собой и обещал никогда не расставаться.

Она уснула, не отпуская его руки.

Бард кончил песнь. Слегка наклонил голову, проиграл на

лютне основную мелодическую линию баллады, тонко, тихо, чуть-чуть громче, чем аккомпанирующий ему ученик.

Никто не проронил ни слова. Кроме затихающей музыки, был слышен только шум листвы и поскрипывание ветвей огромного дуба. А потом вдруг протяжно заблеяла коза, привязанная к стоящему у древнего дерева возу. Тогда, будто по сигналу, один из слушателей встал. Отбросил за спину темно-синий, изукрашенный золотом плащ, чопорно и изысканно поклонился.

– Благодарим тебя, маэстро Лютик, – проговорил он звонко, но негромко. – Да будет позволено мне, Радклиффу из Оксенфурта, магистру Магических Тайн, от всех здесь собравшихся выразить признание твоему возвышенному искусству и благодарность твоему таланту.

Чародей обвел взглядом более сотни собравшихся у основания дуба тесным полукругом, стоявших в стороне, сидевших на возах. Слушатели кивали головами, шептали. Некоторые начали хлопать, другие благодарили певца поднятием рук. Растроганные женщины шмыгали носами и вытирали глаза чем могли, в зависимости от профессии, общественного и имущественного положения: кметки – предплечьем или тыльной стороной ладони, купеческие жены – льняными тряпочками, эльфки и дворянки – батистовыми платочками, а три дочери комеса Вилиберта, который ради выступления известного всем трубадура прервал со своей свитой соколиную охоту, громко и смачно сморкались в изящные шелко-

вые шарфики цвета пожухшей зелени.

– Не будет преувеличением, – продолжал чародей, – сказать, что ты, маэстро Лютик, растрогал нас до глубины души, заставил задуматься и воспарить, тронув наши сердца. Да будет мне дозволено, повторяю, выразить тебе наше уважение.

Трубадур встал и поклонился, обметая колени пером цапли, приколотым к фантазийной шапочке. Ученик прервал игру, заулыбался и тоже поклонился, но маэстро Лютик грозно глянул на него и что-то буркнул вполголоса. Паренек опустил голову и снова принялся тихо бренчать на струнах лютни.

Собравшиеся оживились. Купцы из каравана, пошептавшись, выкатили к дубу солидный бочонок пива. Чародей Радклифф погрузился в тихую беседу с комесом Вилибертом. Дочери комеса перестали сморкаться и влюбленно тарасились на Лютика. Бард не замечал их взглядов, поскольку полностью был поглощен тем, что раздаривал улыбки, подмигивал и демонстрировал блеск зубов гордо молчавшей группе странствующих эльфов, в особенности же одной из эльфов, темноволосой и глазастой красавице в маленьком горностаевом токе. Не обошлось и без конкурентов – обладательницу огромных глаз и прелестного тока заприметили и тоже ласкали взглядами его слушатели – рыцари, жаки и ваганты. Эльфка, явно польщенная вниманием, пощипывала кружевные манжетики блузки и трепетала ресницами, но

эльфы из ее группы плотно окружали ее, не скрывая неприязни к потенциальным волокитам.

Поляна у дуба Блеобхериса, место частых встреч, вече, стоянок путешествующих и странствующих, славилась терпимостью и открытостью. Опекающие гигантское дерево друиды именовали поляну Местом Дружбы и охотно привлекали здесь любого желающего. Но даже при таких исключительных событиях, как только что закончившееся выступление всесветно известного трубадура, путники держались обособленными группками. Эльфы кучковались с эльфами. Ремесленники-краснолюды тяготели к вооруженным до зубов побратимам, нанятым в качестве охраны купеческого каравана, и терпели рядом с собой разве что горняков-гномов да фермеров-низушков. Все нелюди вели себя сдержанно по отношению к людям. Люди платили нелюдям той же монетой, но и среди них тоже не заметно было особого единения. Знать с презрением поглядывала на купцов и лоточников, а солдаты и кнехты сторонились пастухов в духовитых кожухах. Немногочисленные чародеи и их ученики полностью обособлялись, всех вокруг справедливо считая грубиянами. Фон же образовывала плотная, темная, угрюмо молчавшая толпа кметов. Эти, лесом вздымающихся над головами граблей, вил и цепов напоминая армию, игнорировали все и вся.

Исключением, как обычно, были дети. Покончив с необходимостью соблюдать тишину во время выступления барда, ребятня с дикими визгами и криками помчалась в лес,

чтобы там целиком отдаться играм, правила которых были совершенно непонятны тем, кто уже успел распрощаться с розовыми годами детства. Маленькие человечки, эльфики, краснолюдики, низушки, гномы, полуэльфы, четвертьэльфы и малышня загадочного происхождения не знали и не признавали ни расовых, ни социальных различий. Пока что.

– Действительно! – выкрикнул один из находящихся на поляне рыцарей, худой как жердь дылда в красно-черном суконном кафтане, украшенном тремя шагающими на задних лапах львами. – Господин чародей прекрасно сказал! Это были прелестные баллады, милсдарь Лютик, клянусь честью. Ежели когда-нибудь вам доведется побывать вблизи Лысо-рога, владений моего сеньора, загляните, не задумываясь ни на миг. Угостим по-княжески, да что там, прям-таки по-королевски, не хуже короля Визимира! Клянусь мечом, слыхивал я множество менестрелей, только куда им до вас, маэстро. Примите от нас, высокородных и посвященных в рыцари, уважение и почтение вашему искусству!

Безошибочно учуяв соответствующий момент, трубадур подмигнул ученику, тот отложил лютню и поднял с земли шкатулочку, служившую для сбора более существенных выражений признательности. Поколебавшись, он повел глазами по толпе, потом отложил шкатулку и поднял стоявшее рядом средних размеров ведро. Маэстро Лютик ласковой ухмылкой одобрил сообразительность паренька.

– Маэстро! – воскликнула дородная женщина, сидевшая

на загруженном изделиями из ивовых прутьев возу с надписью «ВЭРА ЛЁВЕНХАУПТ И СЫНОВЬЯ». Впрочем, сыновей не было видно, похоже, они занимались тем, что активно транжирили нажитое мамашей состояние. – Маэстро Лютик, ну как же ж так? Вы оставляете нас в неведении! Ведь же ж не конец баллады? Пропойте-ка, что было дале-то?

– Песни и баллады, – поклонился артист, – никогда не оканчиваются, милсдарыня, ибо поэзия вечна и бессмертна, ей не ведомы ни начала, ни концы...

– Но что было дале-то? – не сдавалась торговка, щедро и звонко сыпанув монеты в ведро, подставленное учеником. – Скажите хотя б, ежели нет охоты петь. В ваших песнях вовсе не было имен, но мы же ж знаем, что воспеваемый вами ведьмак – не кто иной, как известный всем Геральт из Ривии, а чародейка, которая распалила в его грудях любовный, как вы поете, жар, это не менее известная Йеннифэр. Что же до Неожданного Дитяти, обещанного и предназначенного ведьмаку, так это же ж Цирилла, несчастная княжна из разрушенной напастниками Цинтры. Разве ж нет?

Лютик гордо и таинственно улыбнулся.

– Я пою о проблемах универсальных, благородная благотельница. Об эмоциях, кои могут быть уделом любого и каждого. Не о конкретных лицах.

– Как же! – крикнул кто-то из толпы. – Всем ведомо, что в песенках говорилось о ведьмаке Геральте!

– Да, да! – хором пискнули доченьки комеса Вилиберта,

отжимая мокрые от слез шарфики. – Спойте еще, маэстро Лютик! Как там было дальше? Встретились ли наконец ведьмак и чародейка Йеннифэр? И любили ли друг друга? А были ли счастливы? Мы желаем знать! Маэстро, ну маэстро же!

– Эй, вы там! – гортанно крикнул вожак группы краснолюдов, трясая могучей, до пояса, рыжей бородой. – Дерьмо это, все ваши княженки, чародейки, предназначения, любовь и прочие бабские бредни! Потому как все это, с вашего, господин поэт, позволения, враки, то бишь поэтский вымысел для того, чтобы поскладней было слезу выжимать. А вот военные дела, навроде резни и грабежа в Цинтре аль битвы под Марнадалем и Содденом, энти вы нам знаменито пропели, Лютик! Да, не жаль серебришком потряхнуть за такую песню, сердце воина порадовавшую! И видать было, что не привираете ничуть, это говорю я, Шелдон Скаггс, а я лжу от правды отличить умею, потому как я под Содденом был и супротив напастников нильфгаардских стоял там с топором в руке...

– Я, Донимир из Тройи, – крикнул тощий рыцарь с тремя львами на кафтане, – был в обеих битвах за Содден, да что-то вас там не видел, господин краснолюд!

– Потому как не иначе обозы стерегли! – ответил Шелдон Скаггс. – А я стоял на первой линии, там, где горячше всего было!

– Думай, о чем говоришь, бородач! – пошел пурпурными пятнами Донимир из Тройи, подтягивая отягощенный ме-

чом рыцарский пояс. – И с кем!

– Сам-то думай! – Краснолюд хватил рукой по заткнутому за пояс топору, повернулся к своим друзьям и ощерился. – Видали его? Рыцарь поиметый! А еще герб нацепил! Три льва на щите! Два пердят, а третий вонь пускает!

– Мир! Мир! – Седовласый друид в белом одеянии властным голосом упредил готовую было вспыхнуть ссору. – Не дело, милсдари. Не дело. Только не здесь, не под кроной Блеобхериса, дуба, пережившего все споры и свары этого мира! И не в присутствии поэта Лютика, баллады коего должны учить нас любви, а не пререканиям!

– Верно! – поддержал друида невысокий полный монах с блесевшим от пота лицом. – Смотрите, а глаза не видят, слушаете, а уши ваши глухи. Любови божеской нету в вас, ибо вы – аки бочки порожние...

– Коли уж о бочках речь, – запищал длинноносый гном с воза, украшенного надписью «СКОБЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ. ИЗГОТОВЛЕНИЕ И СБЫТ», – то выкатите еще одну, господа цеховые! У поэта Лютика, надо думать, в горле першит, да и нам супротив возбуждения не худо б!

– Воистину аки бочки порожние, говорю вам! – заглушил гнома монах, не давая сбить себя с панталыку и прервать проповедь. – Ничего-то вы из Лютиковых баллад не уразумели, ничему не научились. Не поняли, что баллады сии о судьбах человеческих вещали, о том, что мы всего лишь игрушки в руках богов, а края наши – поля игрищ богов. Баллады

о Предназначении говорили, о предназначении всех нас, а легенда о ведьмаке Геральте и княжне Цирилле, хоть и нарисованная на фоне недавней войны, всего лишь метафора, творение вымысла поэтического, коий тому должен был служить, дабы мы...

– Болтаешь, святой муж! – крикнула с высоты своего воза Вэра Лёвенхаупт. – Какая такая легенда? Какое еще творение вымысла? Уж кто-кто, а я Геральта из Ривии знаю, видела что ни на есть своими собственными глазами в Вызиме, где он дочку короля Фольтеста расколдовал. А потом и еще встречала на Купецком тракте, где он по просьбе Гильдии забил свирепого грифа, что на караваны нападал, и тем своим деянием многим жизнь охранил. Нет, не легенда это и не сказки. Правду, истинную правду пропел нам здесь маэстро Лютик.

– Подтверждаю, – проговорила стройная воительница с гладко зачесанными назад и заплетенными в толстую косу волосами. – Я, Райла из Лирии, также знаю Геральта Белого Волка, известного истребителя чудовищ. Видала я также не раз и не два чародейку Йеннифэр, бываючи в Аэдирне, в городе Венгерберге, где у нее жилье. Однако, что эти двое любят друг друга, не знала.

– Но это обязано быть правдой, – заметила вдруг мелодичным голосом прекрасная эльфка в горностаевом токе. – Столь прелестная баллада о любви не могла быть неправдой.

– Не могла! – поддержали эльфку дочери комеса Вили-

берта и как по команде промокнули глаза шарфиками. – Ни в коем случае не могла!

– Милсдарь волшебник! – обратилась к Радклиффу Вэра Лёвенхаупт. – Любили они или нет? Вы-то уж наверняка знаете, как было в натуре у ведьмака с этой Йеннифэр. Приоткройте нам тайну!

– Если песнь утверждает, что любили, – улыбнулся чародей, – значит, так оно и было, и любовь эта проживет столетия. Такова сила поэзии.

– Говорят, – неожиданно вступил комес Вилиберт, – Йеннифэр из Венгерберга погибла на Содденском Холме. Там сложили головы несколько чародеек...

– Неправда ваша, – сказал Донимир из Тройи. – Нету на стеле ее имени. Это мои края, я не раз бывал на Холме и читал выбитые на памятнике имена. Три чародейки там погибли: Трисс Меригольд, Литта Нейд по прозвищу Коралл... Хм... Имя третьей запаматовал...

Рыцарь глянул на чародея Радклиффа, но тот только улыбнулся, не произнеся ни слова.

– Ведьмак, – неожиданно крикнул Шелдон Скаггс, – тот Геральт, Йеннифэров полюбовник, так уж он навряд бы в земле гниет. Слышал я, прибили его где-то в Заречье. Убивал он чудовищ, убивал, да наконец нашла коса на камень. Так уж оно повелось, людишки, кто мечом воюет, от меча и гибнет. Каждому когда-нито да встретится кто получше, и – железака в бок!

– Не верю. – Стройная воительница скривила бледные губы, зло сплюнула на землю, с хрустом скрестила на груди покрытые кольчужной сеткой руки. – Не верю, чтобы Геральт из Ривии мог встретить кого-то совершеннее себя. Мне довелось видеть, как ведьмак владеет мечом. Он прямо-таки нечеловечески быстр...

– Хорошо сказано, – заметил чародей Радклифф. – Нечеловечески. Ведьмаки – мутанты, поэтому скорость их реакций...

– Не понимаю, о чем вы, милсдарь магик. – Воительница еще презрительнее скривила рот. – Чересчур уж учены ваши слова. Я знаю одно: ни один фехтовальщик из тех, кто мне знаком, не сравнится с Геральтом из Ривии, Белым Волком. Поэтому и не верю, чтобы его победили в бою, как пытается нас убедить господин краснолюд.

– Фехтовальщик сразу срать, как врагов увидит рать, – громыхнул Шелдон Скаггс. – Так говорят эльфы.

– Эльфы, – холодно заметил высокий светловолосый представитель Старшего Народа, стоящий рядом с прелестным горностаевым током, – не привыкли так грубо выражаться.

– Нет, нет! – запищали из-за зеленых шарфиков дочки комеса Вилиберта. – Ведьмак Геральт не мог погибнуть! Ведьмак нашел предназначенную ему Цири, а потом чародейку Йеннифэр, и все трое жили долго и счастливо. Правда, маэстро Лютик?

– Так то ж баллада была, мазели, – зевнул жаждущий пива гном, изготовитель скобяных изделий. – Кто ж в балладе правды ищет? Правда – одно, а поэзия – другое. Возьмем хотя бы эту... как ее там, Цирю. Знаменитую Неожданность. Ее-то господин поэт уж и вовсе из пальца высосал. Как же, бывал я в Цинтре не раз и знаю, что тамошний король и королева в бездетстве жили, ни дочери, ни сына у них не было...

– Ложь! – крикнул рыжий мужчина в курточке из тюленьей шкуры, лоб которого был перехвачен клетчатым платком. – У королевы Калантэ, Львицы из Цинтры, была дочь Паветта. Они с мужем сгинули во время морской бури, причина морская их поглотила. Обоих.

– Ну вот, сами видите, что не вру! – призвали всех в свидетели скобяные изделия. – Паветтой, а не Цирей звали принцессу Цинтры-то.

– Цирилла, кою звали Цири, была как раз дочкой утонувшей Паветты, – пояснил рыжий. – Внучкой Калантэ. И не принцесса она была, а княжна Цинтры. Она-то и была предназначенным ведьмаку Ребенком-Неожданностью, ее-то, еще до того, как она родилась, королева пообещала отдать ведьмаку, как пел маэстро Лютик. Но ведьмак не мог ее отыскать и забрать, вот тут уж господин поэт разминулся с истиной.

– Разминулся, а как же, – вклинился в разговор жилистый юноша, который, судя по одежде, мог быть подмастерьем, готовящимся к сдаче экзамена на мастера. – Ведьмак разми-

нулся со своим Предназначением. Цирилла погибла при осаде Цинтры. Королева Калантэ сначала собственноручно убила княжну, чтобы та живой не досталась нильфгаардцам, а уж потом бросилась с башни.

– Не так все было, и вовсе не так, – запротестовал рыжий. – Княжну убили во время резни, когда она пыталась убежать из города.

– Так или иначе, – крикнули скобяные изделия, – ведьмак не нашел своей Цириллы! Поэт солгал!

– Но солгал красиво, – сказала эльфка в токе, ластясь к высокому эльфю.

– Дело не в поэзии, а в фактах! – воскликнул подмастерье. – Я говорю, что княжна погибла от руки своей бабки. Каждый, кто был в Цинтре, может это подтвердить!

– А я повторяю: ее убили на улицах, когда она бежала, – упорствовал рыжий. – Я знаю, хоть сам и не из Цинтры. Я был в дружине скеллигского ярла, который поддерживал Цинтру во время войны. Король Цинтры, Эйст Турсеах, родом, как известно, с Островов Скеллиге, а ярлу доводился дядькой. А я в ярловой дружине дрался в Марнадале и в Цинтре, а потом, после поражения, под Содденом...

– Еще один ветеран, – буркнул Шелдон Скаггс собравшимся вокруг него краснолюдям. – Сплошь герои да воины. Эй, людишки! Среди вас есть хоть один, кто б не воевал в Марнадале или под Содденом?

– Напрасно ерничаешь, Скаггс, – осуждающе проговорил

высокий эльф, обнимая красотку в токе так, что у других соискателей не оставалось никаких сомнений относительно дальнейшего развития событий. – Я, к примеру, тоже участвовал в той битве.

– Интересно знать, на чьей стороне, – довольно громко шепнул Вилиберт Радклиффу.

– Известно, – продолжал эльф, даже не взглянув на комеса и чародея, – больше ста тысяч бойцов стояло в поле во второй битве за Содден, из них не меньше тридцати тысяч погибли или были покалечены. Следует поблагодарить маэстро Лютика за то, что в одной из баллад он увековечил этот великий, но страшный бой. И в словах, и в мелодии его песни я слышал не похвальбу, но предупреждение. Повторяю, хвала и вечная слава вашему поэту за балладу. Она, быть может, позволит в будущем избежать повторения трагедии, которой была эта жестокая и ненужная война.

– Воистину, – сказал комес Вилиберт, с вызовом глядя на эльфа. – Любопытные штучки вы отыскиали в балладе, любезнейший. Ненужная война, говорите? Хотели бы избежать трагедии в будущем? Следует понимать, что ежели бы нильфгаардцы ударили по нам заново, вы посоветовали бы капитулировать? Покорно принять нильфгаардский хомут на шею?

– Жизнь – бесценный дар, и ее надлежит хранить, – холодно сказал эльф. – Ничто не оправдывает резни и гекатомб, каковыми были обе битвы за Содден, и проигранная, и выиг-

ранная. Обе стоили вам, людям, тысяч жизней. Вы утратили свой гигантский потенциал...

– Эльфова болтовня, – взорвался Шелдон Скаггс. – Глупый треп. Эту цену надо было заплатить, чтобы другие могли жить достойно, в мире. И не позволили Нильфгаарду заковать себя в колодки, ослепить, загнать в северные рудники и соляные копи. Те, что погибли смертью героев и теперь благодаря Лютику будут вечно жить в нашей памяти, научили нас, как защищать собственный дом. Пой свои баллады, Лютик, пой их всем. Не впустую урок, а пойдет он нам на пользу, вот увидите! Потому как не сегодня-завтра нильфгаардцы ринутся на нас снова. Вот очухаются, залижут раны, и мы снова увидим их черные плащи и перья на шлемах! Помните мои слова!

– Чего они от нас хотят? – вздохнула Вэра Лёвенхаупт. – Что они на нас лезут? Почему не оставят нас в покое, не дадут жить и работать? Чего они хотят, эти нильфгаардцы?

– Нашей крови! – рявкнул комес Вилиберт.

– Нашей земли! – взвыл кто-то из толпы кметов.

– Наших баб! – подхватил Шелдон Скаггс, грозно вылупив глаза.

Некоторые из слушателей засмеялись, но тихо и украдкой. Потому что хоть и очень уж забавным было предположение, будто кто-нибудь еще, кроме краснолюдов, мог польститься на исключительно непривлекательных краснолюдов, тема была далеко не безопасной для ехидства и шуток,

особенно в присутствии невысоких, кряжистых и бородатых типов, топоры и палаши которых отличались малоприятным свойством мгновенно выскакивать из-за поясов. А краснолюды по неведомым причинам свято верили в то, что весь мир только того и ждет, как бы прихватить их жен и дочерей, и в этом смысле были невероятно возбудимы и обидчивы.

– Когда-то это должно было случиться, – заговорил вдруг седой друид. – Произойти. Мы забыли, что не одни живем на свете, что мы – не пуп этого мира. Словно глупые, обожравшиеся, ленивые караси в затянутом тиной пруду, мы не верили в существование щук. Мы допустили, чтобы наш мир, как этот пруд, заилился, заболотился и провонял. Посмотрите вокруг – повсюду преступность и грех, алчность, погоня за прибылью, скандалы, несогласие, падение нравов, потеря уважения ко всем ценностям. Вместо того чтобы жить, как того требует Природа, мы принялись эту Природу уничтожать. И что имеем? Воздух заражен смрадом железоплавильных печей, курных изб, реки и ручьи отравлены отходами скотобоен и кожевенных мастерских, леса бездумно вырубаются... Даже на живой коре священного Блеобхериса, только взгляните, там, над головой поэта, вырезано бранное слово. Да еще и с ошибкой. Мало того что безобразничал вандал, так вдобавок и неуч, не умеющий писать. Чему же удивляться? Это не могло кончиться добром...

– Да, да! – подхватил толстый монах. – Опамятуйтесь, грешники, пока есть время, ибо гнев и кара божия висят

над вами! Не забывайте ворожбы Итлины, ее пророческих слов о каре богов, коя падет на племя, отравленное преступлениями! Помните: «Придет Час Презрения, дерево сбросит листву, почки завянут, сгниют плоды и прогоркнет зерно, а долины рек вместо воды покроются льдом! И грядет Белый Хлад, а за ним Белый Свет, и мир умрет в пурге». Так говорит вещая Итлина! И прежде чем сие случится, явятся знамения и падут несчастья, ибо знайте, Нильфгаард – это кара божия! Это бич, коим Бессмертные исхлещут вас, грешники, дабы...

– И-эх, заткнитесь, святейший! – рыкнул Шелдон Скаггс, топнув тяжеленным башмаком. – Тошнит от ваших забобонов и вздора! Кишки выворачивает...

– Осторожнее, Шелдон, – усмехнулся высокий эльф. – Не измывайтесь над чужой религией. Это и нехорошо, и неприлично, и... небезопасно.

– Ни над чем я не измываюсь, – возразил краснолюд. – Я не сомневаюсь в существовании божеств, но меня возмущает, когда кто-нибудь вмешивает их в земные дела и дурит всех предсказаниями какой-то эльфьей идиотки. Нильфгаардцы – орудия богов? Чушь собачья! Обратитесь, люди, памятью ко временам Дезмода, Радовида, Самбука, ко временам Абрада Старого Дуба! Вы их не помните, потому как живете кратенько, навроде майской однодневки, но я-то помню и скажу вам, как было здесь, на этих землях, сразу после того как вы вылезли из ваших лодок на пляжи в устье Яруги и в

дельте Понтара. Из четырех причаливших кораблей получилось три королевства, а потом те, кто посильнее, заглотали слабых и таким путем росли, укрепляли свою власть. Подчиняли себе других, поглощали их, и королевства раздувались, становились все больше и сильнее. А теперь то же самое делает Нильфгаард, потому что это сильная и сплоченная, дисциплинированная и крепкая страна. И если вы не сплотитесь так же, то Нильфгаард заглотит вас, будто щука карася, как выразился вон тот мудрый друид!

– Пусть только попробуют! – Донимир из Тройи выпятил украшенную тремя львами грудь и скрипнул мечом в ножах. – Мы выдали им на орехи под Содденом, можем повторить.

– Уж больно вы заносчивы! – буркнул Шелдон Скаггс. – Видать, забыли, уважаемый, что, прежде чем дело дошло до второй битвы под Содденом, Нильфгаард прошелся по вашим землям словно железный каток, а трупами таких, как вы, любителей похвастаться устлал поля от Марнадаля до Заречья. И остановили нильфгаардцев вовсе не вам подобные крикливые бахвалы, а соединенные силы Темерии, Редании, Аэдирна и Каэдвена. Согласие и единение – вот что их остановило!

– Не только! – бросил звучно, но очень холодно Радклифф. – Не только это, господин Скаггс.

Краснолюд громко откашлялся, высморкался, шаркнул башмаками, затем слегка поклонился чародею.

– Никто не отымает заслуг у вашей братии. Позор тому, кто не признает геройства чародеев с Содденского Холма, потому как они здорово сопротивлялись, пролили за общее дело кровь, сыграли решающую роль в победе. Не забыл о них Лютик в своей балладе, и мы тоже не забудем. Но учтите, что те чародеи, которые объединились и плечом к плечу стояли на Холме, признали верховенство Вильгефорца из Роггевеена, как и мы, бойцы Четырех Королевств, признали командование Визимира Реданского. Жаль токмо, что лишь на время войны достало у нас согласия. Потому как ныне, в мире, снова мы разделились, Визимир с Фольтестом душат друг друга пошлинами и правом торго, Демавенд из Аэдирина грызется с Хенсельтом из-за Северной Мархии, а Лиге из Хенгфорса и Тиссенидам из Ковира все это, как говорится, до свечки. Да и меж чародеев, я слышал, нет давнего согласия. Нету меж вами сплоченности, нету дисциплинированности, нету единения. А у Нильфгаарда есть!

– Нильфгаардом правит император Эмгыр вар Эмрейс, тиран и самодержец, принуждающий к послушанию кнутом, шибеницей и топором! – загрохотал комес Вилиберт. – И что же вы нам предлагаете, господин краснолюд? Во что же это нам надобно объединиться? В такую же тиранию? И который же король, которое королевство должно бы, по вашему разумению, подчинить себе остальных? В чьей руке вам хотелось бы видеть скипетр и кнут?

– А мне-то что? – пожал плечами Скаггс. – Ваше, людское

дело. Впрочем, краснолюда вы королем не изберете. Это уж точно.

– И ни эльфа, ни даже полуэльфа, – добавил высокий представитель Старшего Народа, продолжая обнимать красотку в токе. – Даже четвертьэльф идет у вас самым низшим сортом...

– Эва как вас заело, – рассмеялся Вилиберт. – В ту же дуду дуете, что и Нильфгаард, потому что Нильфгаард тоже кричит о равенстве, обещает вам возвращение к давним порядкам, как только нас подомнет под себя и с этих земель выкинет. Этакое единение, этакое равенство вам мнится, о таком вы болтаете, такое проповедуете? Потому как Нильфгаард вам за это золотом платит! И неудивительно, что вы так с ними лобызаетесь, ведь они же эльфья раса, эти ваши нильфгаардцы...

– Чепуха, – холодно сказал эльф. – Глупости, милсдарь рыцарь. Расизм вам явно глаза затуманил. Нильфгаардцы такие же люди, как и вы.

– Наглая ложь! Все знают: это потомки Черных Сеидхе! В их жилах течет эльфья кровь. Кровь эльфов.

– А в ваших жилах что течет? – насмешливо улыбнулся эльф. – Мы из поколения в поколение смешиваем нашу кровь, из столетия в столетие, мы и вы, и получается это прекрасно, не знаю только, к счастью или наоборот. Смешанные браки вы начали осуждать четверть века назад, кстати сказать, с жалкими результатами. Ну покажите-ка мне сейчас

человека без примеси Seidhe Ichaer, крови Старшего Народа.

Вилиберт заметно покраснел. Покраснела также Вэра Лёвенхаупт. Наклонил голову и закашлялся чародей Радклифф. Что интересно, зарумянилась даже прекрасная эльфка в горностаевом токе.

– Все мы – дети Матери Земли, – раздался в тишине голос седовласого друида. – Дети Матери Природы. И хоть не чтим мы ее, хоть порой доставляем ей огорчения и боль, хоть разрываем ей сердце, она любит нас, любит нас всех. Не забывайте об этом вы, собравшиеся здесь, в Месте Дружбы. И к чему выяснять, кто из нас был здесь первым, ибо первым был выброшенный волной на берег Желудь, а из Желудя вырос Великий Блеобхерис, самый древний из дубов. Стоя под ветвями Блеобхериса, меж его извечных корней, не следует забывать о наших собственных, братских корнях, о земле, из коей корни эти вырастают. Будем помнить о словах песни поэта Лютика...

– Кстати! – крикнула Вэра Лёвенхаупт. – А где же он?

– Смылся, – констатировал Шелдон Скаггс, взирая на пустое место под дубом. – Заграбастал денежки и смылся, не попрощавшись. Воистину по-эльфьему!

– По-краснолюдски! – пропищали скобяные изделия.

– По-человечьи, – поправил высокий эльф, а красотка в токе прислонила голову к его плечу.

– Эй, музыкант, – бросила бордель-маман Лянтиери, без

стука вступая в комнату и распространяя вокруг аромат гиацинта, запах пота, пива и копченой грудинки. – К тебе посетитель. А ну, кыш отсюда, благородные дамы.

Лютик поправил волосы, раскинулся в огромном резном кресле. Две сидевшие у него на коленях «благородные дамы» быстренько спрыгнули, прикрыли прелести, натянули просторные рубашки. «“Девичья застенчивость”, – подумал поэт, – вот шикарное название для баллады». Он встал, застегнул пояс и, увидев стоящего на пороге дворянина, надел суконную куртку, бросив при этом:

– Воистину, никуда от вас не денешься, всюду вы меня отыщете, хотя редко выбираете для этого подходящее время. На ваше счастье, я еще не решил, которую из двух красоток предпочту. А оставить себе обеих при твоих-то ценах, Лянтиери, не могу.

Маман Лянтиери с пониманием усмехнулась, хлопнула в ладоши. Обе девицы – белокожая, веснушчатая островитянка и темноволосая полуэльфка – спешно покинули комнату. Стоящий на пороге мужчина скинул плащ и вручил его маман вместе с небольшим, но пузатеньким мешочком.

– Простите, маэстро, – сказал он, подходя и присаживаясь к столу. – Знаю, что побеспокоил вас не вовремя. Но вы так скоропалительно исчезли из-под дуба... Я не догнал вас на большаке, как думал, и не сразу напал на ваш след в городке. Поверьте, я не отниму у вас много времени...

– Все так говорят, а оборачивается иначе, – прервал

бард. – Оставь нас одних, Лянтиери, да посмотри, чтоб нам не мешали. Слушаю вас, уважаемый.

Мужчина изучающе взглянул на Лютика. У него были темные, влажные, как бы слезящиеся глаза, острый нос и некрасивые тонкие губы.

– Без проволочек приступаю к делу, – бросил он, переждав, пока за хозяйкой борделя прикроется дверь. – Меня интересуют ваши баллады, маэстро. Точнее говоря, определенные личности, о которых вы поете. Меня занимают истинные судьбы героев ваших баллад. Ведь, если не ошибаюсь, именно истинные-то судьбы реальных героев подвигнули вас на создание прелестных произведений, которые мне довелось выслушать под дубом. Я говорю... о малютке Цирилле из Цинтры. Внучке королевы Калантэ.

Лютик глянул в потолок, забарабанил пальцами по столу.

– Милостивый государь, – сказал он сухо. – Странные, однако, у вас интересы. И вопросы тоже. Что-то мне сдается, вы не тот, за кого я вас принял.

– И за кого же вы меня приняли, можно узнать?

– Не знаю, можно ли. Все зависит от того, передадите ли вы мне приветы от наших общих знакомых. Следовало бы сделать это в самом начале, да вы, видно, позабыли.

– Отнюдь. – Мужчина сунул руку за полу бархатного кафтана цвета сепии, извлек второй мешочек, побольше того, который вручил бордель-маман, не менее пузатый и столь же призывно звякнувший при соприкосновении со столеш-

ницей. – Просто у нас нет общих знакомых, маэстро Лютик. Но неужто этот мешочек не в состоянии заполнить пробел?

– И что ж вы намерены купить за этакий тощенький кошелек? – надул губы трубадур. – Весь бордель-маман Лянтиери и окружающую его территорию?

– Допустим, хотел бы материально поддержать искусство. И артиста. Для того чтобы поболтать с артистом о его творчестве.

– Вы так сильно почитаете искусство, друг мой? Горите таким желанием побеседовать с артистом, что пытаетесь всучить ему деньги, еще не успев представиться, нарушив тем самым элементарные нормы приличия? И вежливости?

– В начале разговора, – незнакомец слегка прищурился, – вам не мешало мое инкогнито.

– Теперь начало мешать.

– Я не стыжусь своего имени, – с едва заметной усмешкой на тонких губах проговорил мужчина. – Меня зовут Риенс. Вы меня не знаете, маэстро, и неудивительно. Вы слишком известны и знамениты, чтобы знать всех своих почитателей. А вот любому почитателю вашего таланта мнится, будто он знает вас так близко, что определенная доверительность как бы вполне допустима. Ко мне это относится в полной мере. Я понимаю, сколь ошибочно такое мнение, и прошу простить великодушно.

– Великодушно прощаю.

– Стало быть, можно надеяться услышать от вас ответы на

два-три вопроса...

– Нет, не можно, – насупившись, прервал поэт. – Теперь уж извольте вы простить великодушно, но я не люблю обсуждать свои произведения, вдохновение, а также особ как фиктивных, так и иных. Ибо такие обсуждения лишают произведения их поэтического флера и ведут к тривиальности...

– Неужто?

– Определенно. Ну подумайте, что будет, если я, спев, к примеру, балладу о веселой мельничихе, сообщу, что вообще-то в песне говорится о Звирке, жене мельника Пескаря, и все это дополню указанием на то, что Звирку можно, простите, свободно трахать по четвергам, поскольку именно в эти дни мельник ездит на ярмарку. Но ведь тогда это будет уже никакая не поэзия, а типичное сводничество либо злостная клевета.

– Понимаю, понимаю, – быстро бросил Риенс. – Но мне кажется, пример неудачен. Меня ведь не интересуют чьи-то шалости или грешки. Вы никого не оклеветаете, ответив на мои вопросы. Мне просто любопытно было бы узнать, что в действительности случилось с Цириллой, княжной Цинтры. Некоторые утверждают, будто Цирилла погибла при захвате города нильфгаардцами и что даже есть очевидцы. Из вашей баллады, однако же, можно сделать вывод, что ребенок выжил. Меня искренне интересует, что это – ваше воображение или же реальный факт? Правда или ложь?

– Меня не менее интересует ваше любопытство, – широко

улыбнулся Лютик. — Вы обсмеетесь, милсдарь, забыл ваше имечко, но именно это-то мне и было надо, когда я придумывал свою балладу. Я хотел взволновать слушателей и пробудить их любопытство.

— Правда или ложь? — холодно повторил Риенс.

— Раскрыв это, я свел бы на нет эффект своего труда. Прощайте, друг мой. Вы использовали все время, какое только я мог вам посвятить. А там две мои вдохновительницы томятся в неведении, гадая, которую из них я выберу.

Риенс долго молчал, вовсе не собираясь уходить. Глядел на поэта неприязненным влажным взглядом, а поэт ощущал вздымающееся беспокойство. Снизу, из общей залы борделя, доносился веселый гул, сквозь который время от времени пробивался высокий женский хохоток. Лютик отвернулся, как бы демонстрируя презрительное превосходство, в действительности же просто оценивал расстояние до угла комнаты и гобелена, изображающего нимфу, орошающую себе соски водой из кувшина.

— Лютик, — наконец проговорил Риенс, сунув руку в карман кафтана цвета сепии. — Ответь на мой вопрос, убедительно прошу. Мне необходимо знать ответ. Это невероятно важно для меня. И поверь, для тебя тоже, потому что если ответишь мне по-доброму, то...

— Что «то»?

На тонкие губы Риенса заползла паршивенькая ухмылочка.

– То мне не придется принуждать тебя говорить.

– Слушай, ты, шалопут... – Лютик встал и притворился, что злится. – Я не терплю грубости и насилия. Но сейчас я кликну маман Лянтиери, а уж она вызовет некоего Грузилу, который выполняет в этом заведении почетную и ответственную функцию вышибалы. Это настоящий артист, мастер своего дела. Он даст тебе под зад, и ты тут же пролетишь над крышами здешнего городишки, да так прытко и красиво, что немногочисленные в эту пору прохожие примут тебя за Пегаса.

Риенс сделал короткое движение, в его руке что-то сверкнуло.

– Ты уверен, что успеешь кликнуть? – спросил он.

Лютик не намеревался проверять, успеет ли. Ждать он тоже не собирался. Еще прежде чем изящный пружинный кинжал оказался в руке Риенса, он мгновенно прыгнул в угол комнаты, нырнул под гобелен с нимфой, пинком отворил потайную дверцу и стремительно ринулся вниз по винтовой лестнице, ловко скользя по отполированным поручням. Риенс кинулся следом, но поэт знал свое дело – он изучил потайной ход до мелочей, не раз пользовался им, сбегая от кредиторов, ревнивых мужей и быстрых на мордобой конкурентов, у которых, было дело, слямзивал рифмы и мелодии. Он знал, что на третьем повороте будет вращающаяся дверца, за ней лесенка, ведущая в подвал, и был убежден, что преследователь, как и многие до него, не успеет притормозить, про-

мчится дальше, ступит на прикрытый качающейся крышкой провал и тут же свалится в хлев. И конечно, был уверен, что покрытый синяками, измазюканный навозом и побитый свиньями преследователь откажется от погони.

Лютик ошибался, как всегда, когда был в чем-либо уверен. У него за спиной что-то вдруг полыхнуло голубым, и поэт почувствовал, что конечности сводит судорога, они немеют и перестают сгибаться. Он не сумел притормозить перед вращающейся дверцей, ноги отказались слушаться. Он вскрикнул и покатился по ступеням, ударяясь о стены коридорчика. Крышка опустилась под ним с сухим скрипом, трубадур рухнул вниз, во тьму и смрад. Еще прежде чем ударился о твердый пол и потерял сознание, вспомнил, что маман Лянтиери упоминала о ремонте хлева.

Пришел он в себя от боли в связанных веревкой кистях рук и предплечьях, жестоко выкручиваемых в суставах. Хотел крикнуть, но не мог, казалось, рот забит глиной. Он стоял на коленях на глиняном полу, а веревка со скрипом тянула его за руки вверх. Чтобы хоть немного облегчить боль, он попробовал подняться, но ноги тоже были связаны. Давясь и задыхаясь, он все же ухитрился привстать, в чем ему успешно помогла веревка, немилосердно тащившая кверху.

Перед ним стоял Риенс, злые влажные глаза блестели в свете фонаря, который держал чуть ли не двухсаженный небритый детина. Другой дылда, пожалуй, не менее высо-

кий, стоял позади. Именно он-то, смердящий, тянул перекинутую через балку веревку, привязанную к запястьям поэта.

– Довольно, – сказал Риенс почти тут же, но Лютику показалось, будто миновали столетия. Он коснулся земли, но опуститься на колени, несмотря на неодолимое желание, не мог – натянутая веревка по-прежнему держала его напряженным как струна.

Риенс приблизился. На его лице не было даже следов эмоций, выражение слезящихся глаз не изменилось. Да и голос, когда он заговорил, был спокоен, тих, даже немного как бы утомлен.

– Ты, паршивый рифмоплет. Ты, жалкий поскребыш. Ты, дерьмо поганое. Ты, зазнавшееся ничто. От меня собрался бежать? От меня еще никто не убегал. Мы не кончили беседы, ты, комедиант, баранья башка. Я спросил тебя кое о чем при вполне приемлемых условиях. Теперь ты ответишь на мои вопросы, но уже в условиях гораздо менее комфортных. Ведь верно, ответишь?

Лютик усердно закивал. Только теперь Риенс улыбнулся. И дал знак. Бард отчаянно взвизгнул, чувствуя, как натягивается веревка, а вывернутые за спину руки начинают хрустеть в суставах.

– Ах да, ты же не можешь говорить, – отметил Риенс, все еще паскудно усмехаясь. – А больно, верно? Понимаешь, пока что я подтягиваю тебя исключительно ради собственного удовольствия. Ужасно люблю смотреть, как кому-то делают

больно. Ну, еще малость выше.

Лютик чуть не захлебнулся визгом.

– Довольно, – скомандовал наконец Риенс, подошел к Лютику вплотную и схватил за жабо. – Послушай, петушок. Сейчас я сниму заклинание, чтобы ты смог заговорить. Но ежели попытаешься поднять свой голосок выше необходимого, пожалеешь.

Он сделал движение рукой, коснулся кольцом щеки поэта, и Лютик почувствовал, как нижняя челюсть, язык и нёбо начинают оживать.

– А теперь, – тихо продолжал Риенс, – я задам тебе несколько вопросов, а ты будешь на них отвечать. Связно, быстро и исчерпывающе. Но если хоть на мгновение замнешься или начнешь заикаться, если подашь мне малейший повод усомниться в твоей искренности, то... Посмотри вниз.

Лютик послушался и с ужасом увидел, что к веревке на его щиколотках привязан короткий шнур, другим концом укрепленный на дужке набитого известью ведра.

– Если прикажу подтянуть тебя повыше, – свирепо усмехнулся Риенс, – а с тобой вместе и ведрышко, то вряд ли ты удержишь руки. К тому же сомневаюсь, что после такой процедуры ты сможешь тренькать на лютне. Искренне сомневаюсь. Поэтому, думаю, ты заговоришь. Я прав?

Лютик не подтвердил, потому что от страха не мог ни головой пошевелить, ни звука издать. По лицу Риенса было

видно, что он и не ожидал подтверждения.

– Я, разумеется, – пояснил он, – тут же узнаю, говоришь ли ты правду, мгновенно разберусь в любом твоём фортеле, не дам обмануть себя поэтическими вывертами или невнятным бормотанием. Для меня это пустяк, так же как пустяком было парализовать тебя на лестнице. Ну, не будем напрасно терять времени, начнем. Как тебе известно, меня интересует героиня одной из твоих прелестных балладок, внучка королевы Калантэ из Цинтры. Княжна Цирилла, нежненько именуемая Цири. По сообщениям очевидцев, внучка эта погибла при завоевании города два года назад. Меж тем в балладе ты красочно и волнующе описываешь ее встречу с удивительным, чуть ли не легендарным типом... э... ведьмаком Геральтом или Геральдом. Отбросив поэтические бредни о Предназначениях и Предначертаниях судьбы, из баллады следует, что девчонка уцелела во время битвы за Цинтру. Это правда?

– Не знаю... – простонал Лютик. – Я всего лишь поэт! Кое-что слышал, остальное...

– Ну?

– Остальное придумал. Скомбинировал, скомпоновал, разукрасил! Я ничего не знаю! – завыл бард, видя, что Риенс дает знак вонючему дылде, и чувствуя, как сильнее натягивается веревка. – Не вру!

– Факт! – кивнул Риенс. – Не врешь напрямую, я бы почувствовал. Но крутишь, голубок. Ты не придумываешь бал-

лады просто так, без повода, за здорово живешь. А ведьмака-то ты знаешь. Тебя частенько видывали в его обществе. Ну давай, Лютик, выкладывай, если тебе твои суставы дороги. Все, что знаешь.

– Цири, – выдохнул поэт, – была ведьмаку предназначена. Так называемое Дитя-Неожиданность... Вы, наверно, слышали, известная история. Родители поклялись отдать ее ведьмаку...

– Родители собирались отдать ребенка сумасшедшему мутанту? Платному убийце? Врешь, виршеплет! Такие байки можешь бабам петь.

– Так было, клянусь душой моей матери, – прошептал Лютик. – Я знаю из верного источника. Ведьмак...

– Давай о девчонке. Ведьмак меня пока что не интересует.

– О девчонке я знаю только, что ведьмак ехал за ней в Цинтру, когда началась война. Я его тогда встретил. От меня он услышал о резне, о смерти Калантэ... Выспрашивал о ребенке, о внучке королевы... Но ведь я знал, что в Цинтре погибли все, в последнем бастионе не осталось ни одной живой души...

– Говори. Поменьше метафор. Побольше фактов!

– Когда ведьмак узнал о падении Цинтры и о резне, он отказался от поездки туда. Мы вместе сбежали на Север. Я расстался с ним в Хенгфорсе и с тех пор больше не встречал... А так как в дороге он немного говорил об этой... Цири или как ее... и о Предназначении... то я взял и сочинил

балладу. Больше ничего не знаю. Клянусь!

Риенс поглядел на него исподлобья.

– А сейчас где этот ведьмак? Наемный убийца чудовищ, романтический резник, обожающий рассуждать о Предназначении?

– Я же говорю, последний раз видел его...

– Знаю, что ты говорил, – прервал Риенс. – Я внимательно слушал тебя. А ты внимательно слушай меня. И точно отвечай на вопросы. А вопрос стоял так: если никто не видел ведьмака Геральта или Геральда больше года, то где он скрывается? Где скрывается обычно?

– Не знаю, где это место, – быстро ответил трубадур. – Не вру, действительно не знаю...

– Не торопись, Лютик, не торопись, – зло усмехнулся Риенс. – Не спеши. Ты хитер, но неосторожен. Так, говоришь, не знаешь, где это? Но быось об заклад, знаешь, что это.

Лютик стиснул зубы. От злости и отчаяния.

– Ну! – Риенс подал знак вонючему. – Где скрывается твой ведьмак? Как называется это место?

Поэт молчал. Веревка напряглась, болезненно выкручивая руки, ноги оторвались от земли. Лютик взвыл, отрывисто и коротко, потому что волшебное кольцо Риенса тут же заставило его онеметь.

– Выше, выше! – Риенс уперся руками в бока. – Знаешь, Лютик, я мог бы с помощью магии прозондировать твой мозг, но это истощает. Кроме того, я люблю смотреть, как от

боли глаза вылезают из орбит. Но ты и без того скажешь.

Лютик знал, что скажет. Шнур, привязанный к щиколоткам, натянулся, наполненное известью ведро со скрежетом передвинулось по глиняному полу.

– Господин, – вдруг сказал второй верзила, прикрыв фонарь попоной и выглянув сквозь щель в дверях свинарника. – Сюда кто-то идет. Какая-то девка, пожалуй.

– Знаете, что делать, – прошипел Риенс. – Погаси фонарь.

Вонючий отпустил веревку. Лютик бессильно повалился на землю, но упал так, что видел, как парень с фонарем встал у дверцы, а вонючий, выхватив длинный нож, притаился с другой стороны. Сквозь щели в досках просвечивали огоньки борделя, поэт слышал доносящиеся оттуда гул и пение.

Дверца скрипнула и раскрылась, там стояла невысокая фигура, обернутая плащом, в круглой, плотно прилегающей к голове шапочке. После недолгого колебания женщина переступила порог. Вонючий подскочил к ней, с размаху пырнул ножом. И тут же упал на колени, потому что нож, не встретив сопротивления, прошел горло фигуры словно клуб дыма. А фигура действительно была клубом дыма, который уже начал рассеиваться. Но прежде чем успел развеяться, в свинарник вступила другая фигура, нечеткая, темная и гибкая, как ласочка. Лютик увидел, как, кинув плащ в фонарщика, она перескочила через вонючего, увидел что-то блестящее у нее в руке, услышал, как вонючий заперхал и завизжал. Второй верзила выпутался из плаща, вскочил, замах-

нулся ножом. Из руки темной фигуры с шипением вырвалась огненная молния, с жутким хрустом разлилась, словно горящее масло, по лицу и груди верзилы. Парень дико заорал, свинарник заполнился отвратной вонью горящего мяса.

И тогда напал Риенс. Брошенное им заклинание осветило тьму голубым блеском, в котором Лютик увидел стройную женщину в мужской одежде, странно жестикулирующую обеими руками. Увидел лишь на секунду, потому что голубой свет резко оборвался в грохоте ослепительной вспышки, а Риенс, бешено взревев, отлетел назад, рухнул на деревянную перегородку, с треском разломав ее. Женщина в мужской одежде прыгнула следом, в ее руке мелькнул кинжал. Помещение снова заполнилось светом, на этот раз желтым, бьющим из горящего овала, неожиданно возникшего в воздухе. Лютик увидел, как Риенс вскочил с глинобитного пола и, прыгнув в овал, мгновенно исчез. Овал потускнел, но, прежде чем погас совсем, женщина успела подбежать и крикнуть что-то непонятное, протянув руку. Затрещало и загудело, угасающий овал на мгновение вскипел бурлящим огнем. Издалека до Лютика долетел нечеткий звук, очень напоминающий крик боли. Овал полностью погас, свинарник опять погрузился во тьму. Поэт почувствовал, что сила, зажимающая ему рот, исчезает.

– На помощь! – завыл он. – Спасите!

– Не трясись, Лютик, – сказала женщина, опускаясь рядом с ним на колени и разрезая путы пружинным кинжалом Ри-

енса.

– Йеннифэр? Ты?

– Надеюсь, ты не станешь утверждать, будто забыл, как я выгляжу? Да и мой голос, я думаю, ты тоже не успел забыть. Встать можешь? Не поломали тебе костей?

Лютик с трудом поднялся, застонал, растер затекшие плечи.

– Что с ними? – указал он на лежащие на полу тела.

– Проверим. – Чародейка щелкнула кинжалом. – Один должен жить. У меня к нему есть несколько вопросов.

– Вон тот, – трубадур остановился около вонючего, – кажется, жив.

– Не думаю, – равнодушно заметила Йеннифэр. – Я перерезала ему дыхательное горло и сонную артерию. Может, в нем что-то еще и теплится, но это уже ненадолго.

Лютик вздрогнул.

– Ты перерезала ему горло?

– Если б по врожденной осторожности я не выслала впереди себя фантома, то здесь лежала бы я. Осмотрим второго... Надо же! Глянь, такая дылда, а не выдержал. Жаль, жаль...

– Тоже мертв?

– Не вынес шока. Хм... Немного пережарила... Смотри, даже зубы обуглились... Что с тобой, Лютик? Рвать будет?

– Будет, – невнятно ответил поэт, согнувшись и припав лбом к стене.

– Это все? – Волшебница отставила кубок, потянувшись к вертелу с цыплятами. – Нисколько не приврал? Ничего не упустил?

– Ничего. Кроме благодарности. Благодарю тебя, Йенни-фэр.

Она взглянула ему в глаза, чуть кивнула, ее черные блестящие локоны заволновались, водопадом сплыли с плеча. Она сдвинула зажаренного цыпленка на деревянное блюдо и принялась его ловко разделывать, пользуясь ножом и вилкой. Теперь он понял, где и когда Геральт этому научился. «Хм, – подумал он, – неудивительно, ведь он целый год жил в ее доме в Венгерберге и, прежде чем сбежал, научился множеству фокусов». Лютик стянул с вертела второго цыпленка, не раздумывая, оторвал окорочок и принялся обгрызать, демонстративно ухватив обеими руками.

– Как ты узнала? – спросил он. – Как тебе удалось вовремя прийти на помощь?

– Я была под Блеобхерисом, когда ты там давал концерт.

– Я не видел.

– Я не хотела, чтобы меня видели. Потом поехала за тобой в городок. Ждала здесь, на постоялом дворе, мне было не к лицу идти туда, куда отправился ты, в это пристанище сомнительных наслаждений и несомненного триппера. Однако в конце концов мне надоело. Я кружила по двору, и тут мне почудились голоса, долетающие из свинарника. Я обострила слух, и оказалось, что это вовсе не какой-то скотоложец, как

я вначале подумала, а ты. Эй, хозяин! Еще вина, будь любезен!

– Сей минут, благородная госпожа. Уже лечу!

– Дай того же, что вначале, только, убедительно прошу, на этот раз без воды. Воду я люблю в бане, а не в вине.

– Лечу, лечу!

Йеннифэр отставила блюдо. На косточках, как заметил Лютик, еще оставалось мяса на обед корчмарю и его родне. Нож и вилка, несомненно, выглядели элегантно и модно, но малопродуктивно.

– Благодарю тебя, – повторил он, – за спасение. Этот треклятый Риенс не оставил бы меня в живых. Выжал бы из меня все и зарезал как барана.

– Согласна. – Она налила вина себе и ему, подняла кубок. – Так выпьем за твоё спасённое здоровье, Лютик.

– За твоё, Йеннифэр, – ответил он. – Здоровье, за которое отныне я буду молиться при всякой оказии. Я твой должник, прекрасная дама, расплачусь своими песнями, опровергну в них миф, будто волшебники нечувствительны к чужим страданиям, будто не спешат на помощь посторонним, незнакомым, бедным, несчастным смертным.

– Понимаешь, – улыбнулась она, слегка прищулив прелестные фиалковые глаза, – у мифа в общем-то есть основания, он возник не без причин. Но ты не незнакомый, Лютик. И не посторонний. Я ведь знаю тебя и люблю.

– Правда? – тоже улыбнулся поэт. – До сих пор ты удачно

это скрывала. Мне даже доводилось слышать, якобы ты не терпишь меня, цитирую: «Будто моровую язву». Конец цитаты.

– Было дело. – Чародейка вдруг посерьезнела. – Потом я изменила мнение. Потом была тебе благодарна.

– За что, позволь узнать?

– Давай не будем об этом, – сказала она, играя пустым кубком. – Вернемся к более серьезным вопросам. Тем, которые тебе задавали в свинарнике, выламывая при этом руки в суставах. А как было в действительности, Лютик? Ты и верно не видел Геральта после вашего бегства с Яруги? Действительно не знал, что после войны он вернулся на Юг? Был тяжело ранен, так тяжело, что разошлись даже слухи о его смерти? Ни о чем таком не знал?

– Не знал. Я много времени провел в Понт Ванисе, при дворе короля Эстерада Тиссена. А потом у Недамира в Хенгфорсе...

– Не знал... – Чародейка покачала головой, расстегнула кафтанчик. На шее на черной бархотке загорелась усеянная бриллиантами обсидиановая звезда. – Ты не знал о том, что, оправившись от ран, Геральт поехал в Заречье? И не догадываешься, кого он там искал?

– Догадываюсь. Но вот нашел ли, не знаю.

– Не знаешь, – повторила она. – Ты, который, как правило, знаешь обо всем и обо всем поешь. Даже о таких интимных материях, как чьи-то чувства. Под Блеобхерисом я на-

слушалась твоих баллад, Лютик. Несколько вполне приличных строчек ты посвятил моей особе.

– У поэзии, – проворчал Лютик, рассматривая цыпленка, – свои законы. Никто не должен чувствовать себя обойденным и обиженным...

– «Волосы как вороново крыло, как ночная буря... – процитировала Йеннифэр с преувеличенной напыщенностью, – а в глазах затаились фиолетовые молнии...» Так и было?

– Такой я тебя запомнил, – чуть улыбнулся поэт. – Кто вздумает утверждать, что это не соответствует истине, пусть первым кинет в меня камень.

– Не знаю только, – сжала губы чародейка, – кто поручил тебе описывать мои внутренние органы. Как там было-то? «Сердце ее словно украшающий ее шею драгоценный камень, твердое как алмаз и как алмаз бесчувственное. Сердце – острее, чем обсидиан, режущее, калечущее...» Ты сам придумал? Или, может... – Ее губы дрогнули, скривились. – ...А может, наслушался чьих-то жалоб и исповедей?

– Хм... – Лютик кашлянул, уклоняясь от опасной темы. – Скажи мне, Йеннифэр, когда ты последний раз видела Геральта?

– Давно.

– После войны?

– После войны... – Голос Йеннифэр едва заметно изменился. – Нет, после войны я его не видела. Долгое время... вообще не видела никого. Ну, ближе к делу, поэт. Меня

немного удивляет тот факт, что ты ничего не знаешь и ни о чем не слышал, и все-таки именно тебя подтягивают на балке, чтобы раздобыть информацию. Тебя это не обеспокоило?

– Обеспокоило.

– Послушай меня, – резко сказала она, ударив кубком по столу. – Послушай внимательно. Выброси эту балладу из репертуара. Не пой ее.

– Ты о...

– Ты прекрасно знаешь, о чем я. Пой о войне с Нильф-гаардом. Пой о Геральте и обо мне, нам ты этим не навредишь, но и не поможешь. Ничего не исправишь, ничего не ухудшишь. Но о Львенке из Цинтры не пой.

Она оглянулась, проверяя, не прислушивается ли кто из редких в этот час посетителей корчмы, подождала, пока убирающая со столов девка не ушла на кухню.

– Старайся избегать встреч один на один с людьми, которых не знаешь, – сказала она тихо. – С такими, которые для начала забывают передать тебе привет от общих знакомых. Усек?

Он удивленно поднял брови. Йеннифэр усмехнулась:

– Привет от Дийкстры, Лютик.

Теперь уже оглянулся бард. Испуганно. Его изумление было, вероятно, столь явным, а мина столь забавной, что чародейка позволила себе ехидно усмехнуться.

– Кстати, – шепнула она, перегнувшись через стол. – Дийкстра ждет доклада. Ты возвращаешься из Вердэна, и

Дийкстра любопытствует, о чем болтают при дворе короля Эрвилла. Он просил передать, что на этот раз доклад должен быть деловым, детальным и ни в коем случае не рифмованным. Прозой, Лютик. Прозой.

Поэт, сглотнув, кивнул. Он молчал, раздумывая над вопросом. Но чародейка упредила его.

– Наступают трудные времена, – сказала она тихо. – Трудные и опасные. Грядет время перемен. Печально будет стареть, сознавая, что не сделал ничего такого, чтобы грядущие перемены были бы переменами к лучшему. Верно?

Он кивнул, откашлялся.

– Йеннифэр!

– Слушаю, поэт.

– А те, в свинарнике... Хотелось бы знать, кто они такие, чего хотели, кто их настропалил. Ты убила двоих, но в народе болтают, будто вы ухитряетесь вытянуть информацию даже из покойников.

– А о том, что некромантия запрещена эдиктом Капитула, в народе не болтают? Успокойся, Лютик. Бандиты наверняка мало чего знали. Тот, что сбежал... Хм... Вот с ним другое дело.

– Риенс. Он чародей, правда?

– Да. Но не очень умелый.

– Однако же сбежал. Я видел, каким макарком. Телепортировался, разве нет? Разве это ни о чем не говорит?

– Именно. Говорит. О том, что кто-то ему помог. У Риенса

не было ни времени, ни сил, чтобы отворить висящий в воздухе овальный портал. Такой телепорт – не фунт изюму. Совершенно ясно, что его открыл кто-то другой. Кто-то несравненно более сильный. Поэтому я поостереглась за ним гнаться, не зная, где окажусь. Но послала ему вослед заряд достаточно высокой температуры. Ему потребуется масса заклинаний и эликсиров, эффективно залечивающих ожоги, но в любом случае он на некоторое время останется меченым.

– Может, тебе интересно будет узнать, что он нильфгаардец?

– Думаешь? – Йеннифэр выпрямилась, быстрым движением вынула из кармана пружинный нож, повертела в руке. – Нильфгаардские ножи теперь носят многие. Они удобны и сподручны, их можно спрятать даже за декольте...

– Не в ноже дело. Выспрашивая меня, он воспользовался словами «битва за Цинтру», «завоевание города» или как-то похоже. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из наших так называл эти события. Для нас это всегда была резня, не битва. Бойня. Резня в Цинтре. Никто не говорит иначе.

Чародейка подняла руку, внимательно присмотрелась к ногтям.

– Ловко, Лютик. У тебя чуткое ухо.

– Профессиональный перекус.

– Интересно, которую из двух профессий ты имеешь в виду? – кокетливо улыбнулась она. – Но за информацию благодарю. Ценная вещь.

– Пусть это будет мой вклад, – ответил он улыбкой, – мой вклад в перемены к лучшему. Скажи, Йеннифэр, чего ради Нильфгаард так интересуется Геральтом и девочкой из Цинтры?

– Не лезь не в свои дела, – неожиданно посерьезнела она. – Я же сказала, забудь, что когда-нибудь слышал о внучке Калантэ.

– Верно, сказала. Но сейчас я ищу не темы для баллады.

– Так чего же ты ищешь, черт побери? Шишек на свою голову?

– Допустим, – сказал он тихо, положив подбородок на сплетенные пальцы и посмотрев чародейке в глаза. – Допустим, Геральт действительно нашел и спас ребенка. Допустим, наконец уверовал в силу Предназначения и забрал найденного ребенка с собой. Куда? Риенс пытался вытянуть это из меня пытками. А ты знаешь, Йеннифэр? Знаешь, где залег ведьмак?

– Знаю.

– И знаешь, как туда добраться?

– И это знаю.

– Тебе не кажется, что его надо бы предостеречь? Предупредить, что его и девочку разыскивают какие-то люди типа Риенса? Я поехал бы, но я действительно не знаю, где это... То место, названия которого предпочитаю не произносить...

– Сделай выводы, Лютик.

– Если ты знаешь, где находится Геральт, то должна по-

ехать и предостеречь его. Ты ему кое-чем обязана, Йеннифэр. Ведь что-то тебя с ним связывало.

– Верно, – холодно подтвердила она. – Кое-что меня с ним связывало. Поэтому я немного знаю его. Он не любит, чтобы ему навязывали помощь. А если и требует помощи, то ищет ее у людей, которым доверяет. С тех событий прошло больше года, а я... а у меня не было от него никаких известий. Что же касается долга, то я обязана ему ровно столько, скольким и он мне. Ни больше ни меньше.

– Значит, поеду я. – Он поднял голову. – Скажи...

– Не скажу, – прервала она. – Ты погорел, Лютик. Тебя могут поймать снова. Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Исчезни. Поезжай в Реданию, к Дийкстре и Филиппе Эйльхарт, примкни ко двору Визимира. И еще раз предупреждаю: забудь о Львенке из Цинтры. О Цири. Прикидывайся, будто никогда не слышал этого имени. Сделай так, как я прошу. Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь скверное. Я слишком тебя люблю, слишком многим тебе обязана...

– Ты второй раз говоришь это. Чем ты мне обязана, Йеннифэр?

Чародейка отвернулась, долго молчала, наконец сказала:

– Ты ездил с ним. Благодаря тебе он не был одинок. Ты был его другом. Ты был с ним.

Бард опустил глаза.

– Невелика же была ему с того польза. Немного он выиграл на такой дружбе. Из-за меня у него были одни лишь

неприятности, постоянно приходилось вытаскивать меня из беды... Помогать мне.

Йеннифэр снова перегнулась через стол, положила ему руку на пальцы, сильно сжала, не проронив ни слова. В ее глазах была грусть.

– Поезжай в Реданию, – спустя некоторое время повторила она. – В Третогор. Там ты будешь под присмотром Дийкстры и Филиппы. Не пытайся изображать героя. Ты впутался в опасную аферу, Лютик.

– Я заметил. – Он поморщился, помассировал все еще болевшее предплечье. – Именно поэтому я считаю, что надо предупредить Геральта. Ты одна знаешь, где его искать. Знаешь дорогу. Догадываюсь, что ты там бывала... гостем.

Йеннифэр отвернулась. Лютик видел, как она сжала губы, как дрогнул мускул у нее на щеке.

– Правда, как-то случилось, – сказала она, и в ее голосе было что-то неуловимо странное. – Доводилось мне бывать там гостем. Но никогда – непрошеным.

* * *

Ветер яросто взвыл, закачал покрывающие руины метелки трав, зашумел в кустах боярышника и в высокой крапиве. Тучи пронеслись по диску луны, на минуту осветив замок, залив бледным, колеблющимся светом ров и остатки стены, вырвав холмики черепов, щерящих поломанные зубы, чер-

ными провалами глазниц глядящих в небытие. Цири тонко пискнула и спрятала голову под плащ ведьмака.

Подгоняемая пятками лошадь осторожно переступила кучу кирпичей, вошла под разрушенную арку. Подковы, ударяя по сломанным плитам, будили меж стен призрачное эхо, которое тут же заглушал ветер. Цири дрожала, вцепившись руками в гриву коня.

– Я боюсь...

– Нечего бояться, – ответил ведьмак, положив ей руку на плечо. – На всем свете нет места безопаснее. Это Каэр Морхен. Пристанище ведьмаков. Когда-то здесь был прекрасный замок-крепость. Очень давно.

Она не ответила, только ниже опустила голову. Лошадь ведьмака по прозвищу Плотва тихо фыркнула, словно и она хотела успокоить девочку.

Они погрузились в темноту, в бесконечно длинный черный туннель меж колонн и арок. Плотва шла уверенно и охоче, не обращая внимания на непроницаемую тьму, весело позвякивая подковами по полу.

Перед ними в конце туннеля неожиданно загорелась красной вертикальной линией. Вырастая и расширяясь, она превратилась в двери, из-за которых вырывался свет, мерцающее пламя лучин, укрепленных в железных держателях на стенах. В дверях возникла черная, нечеткая в неверном свете фигура.

– Кто? – услышала Цири злой металлический голос, про-

звучавший как лай. – Геральт?

– Да, Эскель. Я.

– Входи.

Ведьмак слез с лошади, снял Цири с седла, опустил на землю, сунул ей узелок, в который она тут же вцепилась обеими руками, жалея, что он слишком мал, чтобы спрятаться за ним.

– Подожди здесь, с Эскелем, – сказал Геральт. – Я отведу Плотву в конюшню.

– Пошли на свет, малыш, – проворчал мужчина, которого ведьмак назвал Эскелем. – Не стой во тьме.

Цири подняла глаза, взглянула на его лицо и с трудом сдержала крик ужаса. Это был не человек. «Ни у одного человека, – подумала она, – не может быть такого лица».

– Ну, чего ты ждешь? – повторил Эскель.

Она не шевельнулась. Слышала, как в темноте удаляется стук копыт Плотвы. По ноге шмыгнуло что-то мягкое и пищущее. Она подпрыгнула.

– Не стой во мраке, малыш, крысы башмачки прогрызут.

Цири, прижимая узелок, быстро шагнула к свету. Крысы с писком прыснули из-под ног. Эскель наклонился, отобрал у нее узелок, снял шапочку.

– А, зараза! – буркнул он. – Девчонка. Этого только не хватало.

Цири испуганно глянула на него. Эскель улыбался. Она увидела, что это все-таки человек, что у него вполне нор-

мальное человеческое лицо, только от уголка губ через всю щеку до самого уха его уродовал полукруглый длинный шрам.

– Ну, коли уж ты тут, приветствую тебя в Каэр Морхене, – сказал он. – Как тебя кличут?

– Цири, – ответил за нее Геральт, беззвучно появляясь из мрака. Эскель обернулся. Резко, быстро, не произнеся ни слова. Ведьмаки обхватили друг друга, крепко, сильно сплелись руками. На мгновение, не больше.

– Жив, Волк.

– Жив.

– Ну, славно. – Эскель вынул лучину из держателя. – Пошли. Я закрою внутренние ворота, тепло уходит.

Они пошли по коридору. Крысы были и тут, бежали вдоль стен, попискивали в темных провалах боковых проходов, прыскали из неверного круга света, отбрасываемого факелом-лучиной. Цири семенила, стараясь не отставать от мужчин.

– Кто зимует, Эскель? Кроме Весемира.

– Ламберт и Койон.

Они спустились по скользким крутым ступеням. Внизу был виден отсвет. Цири услышала голоса, почувствовала запах дыма.

Огромный холл освещало бушующее в гигантском камине пламя, с гулом рвущееся в пасть уходящей вверх трубы. В центре холла стоял большой тяжелый стол. За таким столом

могли разместиться никак не меньше десяти человек. Но сидели только трое. Три человека. «Три ведьмака», – мысленно поправилась Цири. Она видела только их силуэты на фоне огня, полыхавшего в камине.

– Привет, Волк, мы ждали тебя.

– Привет, Весемир. Привет, парни. Приятно снова оказаться дома.

– Кого это ты привел?

Геральт минуту помолчал, потом положил руку на плечо Цири, легонько подтолкнул ее вперед. Она шла неловко, робко, спотыкаясь и сутулясь, наклонив голову. «Я боюсь, – подумала она. – Я ужасненько боюсь. Когда Геральт меня нашел и взял с собой, я думала, что страх уже не вернется, что уже все позади... И вот, вместо того чтобы быть дома, я оказалась в этом страшном, темном, разваливающемся замке, забитом крысами и полным кошмарным эхо... Я снова стою перед пурпурной стеной огня. Вижу грозные черные фигуры, вижу уставившиеся на меня злые, неестественно блестящие глаза...»

– Кто этот ребенок, Волк? Кто эта девочка?

– Она мое... – Геральт осекся. Она почувствовала на плечах его сильные, твердые руки. И неожиданно страх исчез. Пропал без следа. Пурпурный, рвущийся вверх огонь излучал тепло. Только тепло. Черные силуэты были силуэтами друзей. Покровителей. Блестящие глаза выражали любопытство. Заботу. И беспокойство...

Руки Геральта стиснули ей плечи.
– Она – наше Предназначение.

* * *

Воистину нет ничего более отвратного, нежели монстры оные, натуре противные, ведьмаками именуемые, ибо суть они плоды мерзопакостного волшебства и дьявольства. Это есть мерзавцы без достоинства, совести и чести, истинные исчадия ада, тождественные к убийствам приспособленные. Нет таким, како оне, места меж людьми почтенными.

А их Каэр Морхен, где оные бесчестники гнездятся, где мерзкие свои дела обделывают, стерт должен быть с лона земли и след по нему солью и селитрой посыпан.
Аноним «Монструм, или Ведьмака описание»

Нетерпимость и зазнайство всегда были присущи глупцам и никогда, думается, до конца искоренены не будут, ибо они столь же вечны, сколь и сама глупость. Там, где ныне возвышаются горы, когда-нибудь разольются моря, там, где ныне пенятся волны морские, когда-нибудь раскинутся пустыни. А глупость останется глупостью.

Никодемус де Боот «Рассуждения о жизни, счастье и благополучии»

Глава вторая

Трисс Меригольддохнула на озябшие руки, пошевелила пальцами и пробормотала магическую формулу. Ее конь, буланый мерин, тут же отреагировал на заклинание, фыркнул и повернул морду, косясь на чародейку слезящимися от холода и ветра глазами.

– У тебя два выхода, старик, – сказала Трисс, натягивая перчатки. – Либо ты приспособишься к магии, либо я продам тебя кметам под плуг.

Мерин застриг ушами, пустил струи пара из ноздрей и послушно двинулся вниз по лесистому склону. Чародейка наклонилась в седле, уворачиваясь от ударов заиндевелых веток.

Заклинание подействовало быстро, она перестала ощущать уколы озноба в локтях и на затылке, исчезло неприятное ощущение холода, заставлявшее сутулиться и втягивать голову в плечи. Волшебство, разогрев ее, приглушило и голод, вот уже несколько часов сосущий под ложечкой. Трисс повеселела, уселась поудобнее в седле и принялась внимательнее, чем раньше, рассматривать окрестности.

После того как она свернула с дороги, направление ей указывала белесо-серая стена гор. Покрытые снегом вершины поблескивали золотом в те редкие минуты, когда солнце пробивалось сквозь тучи: чаще всего утром и перед са-

мым закатом. Сейчас, когда горная цепь была почти рядом, приходилось быть внимательнее. Окрестности Каэр Морхена славились своей дикостью и недоступностью, а выщербины в гранитной стене, которой следовало руководствоваться, непривычный глаз мог обнаружить с большим трудом. Стоило свернуть в одно из многочисленных ущелий, чтобы потерять ее из виду. Даже она, зная дорогу и помня, где искать перевал, не могла позволить себе отвлечься.

Лес кончился. Перед чародейкой раскинулась широкая, усеянная галькой долина, упирающаяся в обрывистые склоны. По середине долины бежала Гвенллех, Река Белых Камней, бурля пеной меж камней и принесенных потоком стволов. Здесь, в верхнем течении, Гвенллех была всего лишь мелким, хоть и широким ручьем, и ее легко можно было пройти вброд. Ниже, в Каэдвене, в среднем течении, река образовывала непреодолимое препятствие – она с ревом мчалась в глубоких провалах.

Мерин, ступив в воду, ускорил шаг, явно стремясь поскорее добрести до противоположного берега. Трисс слегка придержала его – ручей был мелкий: едва доходил коню до бабок, но камни на дне были скользкие, а течение быстрое и бурунное. Вода бурлила и пенилась вокруг ног лошади.

Чародейка глянула на небо. Усиливающийся холод и ветер здесь, в горах, предвещали пургу, а перспектива провести очередную ночь в гроте либо в каменной расщелине не очень-то привлекала. Конечно, она могла бы, в случае край-

ней нужды, продолжать путь даже в пургу, могла распознавать дорогу телепатически, могла с помощью магии укрепить себя против холода. Могла, если б это было необходимо. Но такой необходимости она не видела.

К счастью, Каэр Морхен был уже близко. Трисс заставила мерина забраться на пологую осыпь – огромную каменную призму, омытую ледниками и потоками воды, – въехала в плоский проход меж скальными блоками. Стены ущелья вздымались отвесно и, казалось, встречались высоко наверху, разделенные лишь узким штришком неба. Стало теплее, потому что ветер, воющий над скалами, уже не доставал, не хлестал и не кусал ее.

Проход расширился, вывел в балку, а потом в долину, на огромную, округлую, покрытую лесом мульду, раскинувшуюся меж зубастых камней. Чародейка поехала не по пологим, легкодоступным склонам мульды, а поднялась прямо в дебри, в густую чащу. Сухие ветки захрустели под копытами. Мерин, вынужденный переступать через поваленные стволы, захрапел, заплесал, затопал. Трисс натянула поводья, дернула коня за косматое ухо и выругала, ехидно намекнув на его трусость. Конь, казалось, действительно смутился, пошел ровнее и бодрее, сам выбирая дорогу в чаще.

Вскоре они оказались на открытом пространстве, въехали в русло ручейка, едва сочившегося по дну балки. Чародейка внимательно осмотрелась и нашла то, что искала. Над балкой, опираясь на огромные камни, горизонтально лежал

могучий ствол, темный, голый, позеленевший от мха. Трисс подъехала ближе, чтобы удостовериться, действительно ли это Путь, а не случайное дерево, поваленное вихрем. Обнаружила почти незаметную узкую тропинку, скрывавшуюся в лесу. Нет, она не ошиблась, это наверняка Путь – бегущая вокруг Каэр Морхена дорожка, забитая препятствиями, на которой ведьмаки совершенствовались в скорости бега и контроле дыхания. Дорожку именовали Путем, но Трисс знала, что юные ведьмаки называли ее иначе: Мучильня.

Прильнув к шее коня, она медленно проехала под стволом. И тут услышала звон камней и быстрые легкие шаги бегущего человека.

Она повернулась в седле, натянула поводья, ожидая, пока ведьмак взбежит на ствол.

Ведмак взбежал на ствол, стрелой промчался по нему, не замедляя бега, даже не балансируя руками, легко, ловко, мягко, с невероятной грацией. Только мелькнул и тут же скрылся меж деревьев, не задев ни единой ветки. Трисс громко вздохнула, недоверчиво покачала головой. Потому что ведьмаку, судя по росту и фигуре, было около двенадцати лет.

Чародейка ударила буланого пятками, отпустила поводья и рысью направилась вверх по течению ручья. Она знала, что Путь пересекает балку снова в том месте, которое окрестили Горловиной. Ей хотелось еще раз глянуть на маленького ведьмака. Ведь она знала, что в Каэр Морхене детей не тре-

нируют уже почти четверть века.

Особо она не спешила. Тропинка Мучильни извивалась и петляла по бору, на то, чтобы преодолеть ее, ведьмачонку понадобилось бы значительно больше времени, чем ей, едущей наперерез. Однако и медлить тоже не следовало. За Горловиной Путь сворачивал в лес, вел прямо к замку. Если не поймать паренька у пропасти, его можно вообще не увидеть. Трисс уже несколько раз бывала в Каэр Морхене и прекрасно понимала, что видела там только то, что ведьмаки хотели показать, а показать они хотели лишь самую малость из того, что в Каэр Морхене вообще можно было увидеть. Нет, наивной Трисс не была.

Проехав по каменистому руслу ручья, она увидела Горловину – уступ, образованный над яром двумя омшелыми скалами, заросшими искореженными карликовыми деревцами. Она отпустила поводья. Буланый фыркнул и наклонил голову к воде, струящейся меж голышей.

Долго ждать не пришлось. Фигурка ведьмака мелькнула на скале, мальчонка прыгнул, не сбавляя темпа. Чародейка услышала мягкий шлепок, а чуть позже грохот камней, глухой звук падения и тихий крик. Вернее, писк.

Трисс, не раздумывая, соскочила с седла, скинула меховую накидку и помчалась по склону, подтягиваясь за корни и ветви деревьев. Взлетела на скалу с разгона, но поскользнулась на игольнике и упала на колени рядом со скорчившимся на камнях телом. Увидев ее, подросток вскочил как подбро-

щенный пружиной, молниеносно отступил и ловко схватился за меч, перекинутый за спину, но споткнулся и упал между можжевельным кустом и сосенками. Чародейка не поднималась с колен, а смотрела на мальчика, раскрыв рот от изумления.

Потому что это был вовсе не мальчик.

Из-под пепельной, неровно и неаккуратно подстриженной челки на нее глядели огромные изумрудно-зеленые глаза, самое заметное пятно на маленьком личике с узким подбородком и вздернутым носиком. В глазах стоял испуг.

– Не бойся, – неуверенно сказала Трисс.

Девочка раскрыла глаза еще шире. Она почти не дышала и, похоже, вовсе не вспотела. Не иначе как бегала по Мучильне уже не один день.

– Как ты?

Вместо ответа девочка быстро встала, ойкнула от боли, перенесла вес тела на левую ногу, наклонилась, помассировала коленку. Одета она была во что-то вроде кожаного костюма, сшитого, вернее, сляпанного таким образом, что любой уважающий себя портной, увидев его, взвыл бы от отчаяния и ужаса. Единственным, что в экипировке казалось в меру новым и подогнанным, были высокие, до колен, сапожки, ремни и меч. Точнее, мечик.

– Не бойся, – повторила Трисс, все еще не поднимаясь с колен. – Я слышала, как ты упала, испугалась, потому так бежала...

– Я поскользнулась, – буркнула девочка.

– Ничего не повредила?

– Нет. А что?

Чародейка рассмеялась, попробовала встать, поморщилась от боли, отозвавшейся в щиколотке, чертыхнулась. Села, осторожно выпрямила ногу, выругалась снова.

– Иди сюда, малышка, помоги мне встать.

– Я не малышка.

– Допустим. В таком случае кто ты?

– Ведьмачка!

– Ха! Ну так подойди, ведьмачка, и помоги мне встать.

Девочка не двинулась с места. Она переступила с ноги на ногу и рукой в шерстяной митенке перебирала ремень меча, подозрительно поглядывая на Трисс.

– Не бойся, – улыбнулась чародейка. – Я не разбойница и не чужак какой-нибудь. Меня зовут Трисс Меригольд, я еду в Каэр Морхен. Ведьмаки меня знают. Не тарачись. Я одобряю твою бдительность, но будь рассудительной. Как думаешь, добралась бы я сюда, не зная дороги? Ты когда-нибудь встречала на Пути человеческое существо?

Девочка отбросила сомнения и подошла ближе, протянув руку. Трисс поднялась, почти не воспользовавшись помощью. Не в помощи было дело. Ей хотелось рассмотреть девочку вблизи. И прикоснуться к ней.

В зеленых глазках маленькой ведьмачки не было и признаков мутации, прикосновение маленькой ручки тоже не

вызывало легкой приятной щекотки, характерной для ведьмаков. Пепельноволосого ребенка, хоть он и бегал тропинкой Мучильни с мечом за спиной, не подвергали Испытанию Травами и Трансмутациям. В этом Трисс была уверена.

– Покажи коленку, малышка.

– Не малышка я!

– Прости, забыла. Но какое-то имя у тебя, надо думать, есть?

– Есть. Я... Цири.

– Очень приятно. Подойди-ка поближе, Цири.

– Со мной ничего не стало.

– Хочу взглянуть, как выглядит твое «ничего». Ну вот, так я и думала. «Ничего» поразительно напоминает разорванные штаны и содранную до живого мяса кожу. Стой спокойно и не бойся.

– Я и не боюсь... Аaaa!

Чародейка захохотала и потерла о бедро зудевшую от заклинания руку. Девчущка наклонилась, осмотрела колено.

– О! – сказала она. – Уже не больно! И дырки нет... Это чары?

– Угадала.

– Так ты чаровница?

– Опять угадала. Хоть, признаться, предпочитаю чародейку, а не чаровницу. Чтоб не ошибаться, можешь называть меня по имени. Трисс. Попросту Трисс. Пошли, Цири. Внизу ждет мой конь, в Каэр Морхен поедем вместе.

– Мне надо бежать, – покрутила головой Цири. – Нельзя прерывать бег, а то в мышцах образуется молоко. Геральт говорит...

– Геральт в замке?

Цири надулась, стиснула губы, глянула на чародейку из-под пепельной челки. Трисс снова рассмеялась.

– Хорошо. Не буду выпрашивать. Секрет – это секрет, ты правильно делаешь, что не выбалтываешь его незнакомому человеку. Пошли. Посмотрим на месте, кто есть в замке, а кого нет. А о мышцах не беспокойся, я знаю, как управиться с молочной кислотой. О, вот и мой коняга. Я тебе помогу...

Она протянула руку, но Цири помощь не понадобилась. Она заскочила в седло ловко, легко, почти не отталкиваясь от земли. Мерин дернулся, удивленный, затоптался на месте, но девочка, быстро ухватив поводья, успокоила его.

– Вижу, с конями ты управляешься.

– Я со всем управляюсь.

– Подвинься ближе к луке. – Трисс сунула ноги в стремяна, схватилась за гриву. – Дай мне немного места. И не выбей мне глаза своим мечом.

Она тронула мерина пяткой, и они двинулись шагом по руслу ручья, пересекли очередной яр и взобрались на округлый холм. Оттуда уже виднелись прилепившиеся к каменным обрывам руины Каэр Морхена – частично разрушенная трапеция защитного вала, остатки башни и ворот, бочкообразный столб донжона.

Мерин фыркнул и дернул головой, переходя ров по остаткам моста. Трисс натянула поводья. На нее самое не действовали покрывающие дно рва истлевшие черепа и кости. Ей уже доводилось их видеть.

– Не люблю этого, – вдруг проговорила девочка. – Так быть не должно. Умерших надо предавать земле. Под курганом. Ведь верно?

– Верно, – спокойно подтвердила чародейка. – Я тоже так считаю. Но ведьмаки рассматривают это кладбище как... напоминание.

– Напоминание о чем?

– На Каэр Морхен, – Трисс направила коня к растрескавшимся аркам, – напали. Здесь разразилась кровавая битва, в которой погибли почти все ведьмаки. Уцелели только те, которых в тот момент не было в замке.

– Кто напал? И почему?

– Не знаю, Цири, – солгала она. – Это было страшно давно. Спроси ведьмаков.

– Спрашивала, – проворчала девочка. – Они не хотят говорить.

«Я их понимаю, – подумала чародейка. – Ребенку, которого муштруют, чтобы он стал ведьмаком, к тому же девочке, не говорят о таких вещах. Такому ребенку не рассказывают о бойнях и резне. Не ожесточают перспективой того, что и он может когда-либо услышать о себе слова, которые выкрикивали тогда валившие на Каэр Морхен фанатики. Мутант!

Чудовище! Монстр! Богами проклятое, природе противное существо! Нет, – подумала она, – я не удивляюсь тому, что ведьмаки не рассказали тебе об этом, малышка Цири. И я тоже не расскажу. У меня, малышка Цири, еще больше причин молчать. Ведь я чародейка, а анонимный пасквиль, широко разошедшийся в списках «Монструм», который взбодоражил фанатиков и подтолкнул их на преступление, тоже, кажется, был делом рук какого-то чародея. Но я, малышка Цири, не признаю коллективной ответственности, не чувствую потребности в покаянии по случаю события, имевшего место за полстолетия до моего рождения. А скелеты, которым суждено быть вечным напоминанием, в конце концов истлеют, обратятся во прах, который развеет ветер, неустанно овевающий склоны, и будут забыты...»

– Они не хотят так лежать, – неожиданно сказала Цири. – Не хотят быть символом, укором совести или предостережением. Они не хотят и того, чтобы их прах развеял ветер.

Трисс быстро подняла голову, услышав изменения в голосе девочки. Моментально уловила магическую ауру, пульсирование и шум крови в висках. Напряглась, но не отозвалась ни словом, боясь прервать и нарушить происходящее.

– Обычный курган. – Голос Цири становился все более неестественным, каким-то металлическим, холодным и злым. – Горстка земли, которая зарастет крапивой. У смерти голубые и холодные глаза, а высота обелиска не имеет значения, не имеют значения и надписи, выбитые на нем. Кто

может знать об этом лучше тебя, Трисс Меригольд, четырнадцатая с Холма?

Чародейка обомлела. Она видела, как руки девочки стискивают гриву коня.

– Ты умерла на Холме, Трисс Меригольд, – снова проговорил злой, чужой голос. – Зачем ты сюда приехала? Возвращайся, возвращайся немедленно, а этого ребенка, Дитя Старшей Крови, заberi с собой, чтобы отдать его тем, кому он принадлежит. Сделай так, Четырнадцатая. Ибо, не сделав этого, ты умрешь еще раз. Придет день, и Холм вспомнит о тебе. Вспомнят о тебе братская могила и обелиск, на котором выбито твое имя.

Мерин громко заржал, затряс головой. Цири вдруг дернулась, задрожала.

– Что случилось? – спросила Трисс, пытаясь совладать с голосом.

Цири откашлялась, двумя руками поправила волосы, потерла лицо.

– Н-н... ничего... – неуверенно произнесла она. – Устала, поэтому... Поэтому уснула. Надо бежать...

Магическая аура развеялась. Трисс почувствовала, как накатила неожиданно волна холода. Попыталась убедить себя, что это эффект угасания защитного заклинания, хоть и знала, что все не так. Посмотрела вверх, на каменную громаду замка, тарашившуюся на нее черными провалами развалившихся бойниц. По телу пробежала дрожь.

Конь зацокал копытами по плитам двора. Чародейка быстро соскочила с седла, подала руку Цири. Воспользовавшись соприкосновением ладоней, осторожно послала магический импульс. И поразилась. Потому что не почувствовала ничего. Никакой реакции, никакого ответа. И никакого сопротивления. В девочке, которая только что создала невероятно сильную ауру, не было даже намека на магию. Теперь это был обыкновенный, неряшливо подстриженный и скверно одетый ребенок.

Но минуту назад ребенок этот не был обыкновенным ребенком.

Трисс не успела обдумать странное явление. Она услышала скрежет окованных железом дверей, донесшийся из темного жерла коридора, зияющего за полуразрушенным порталом. Сбросила накидку, сняла лисью шапочку, быстрым движением головы рассыпала волосы, свою гордость и распознавательный знак – длинные, горящие золотом, пушистые локоны цвета свежего каштана.

Цири изумленно вздохнула. Трисс улыбнулась, радуясь эффекту. Прекрасные длинные пушистые волосы были редкостью, признаком положения, статуса, знаком свободной женщины, самой себе хозяйки. Знаком женщины необычной, ибо обычные девушки носили косы, обычные замужние женщины покрывали волосы чепчиками либо платками. Дамы знатные, включая и королев, завивали и укладывали волосы. Воительницы стриглись коротко. Только друидки и

чародейки, да еще распутницы похвалялись естественными гривами, чтобы подчеркнуть независимость и свободу.

Ведьмаки появились, как всегда, неожиданно, как всегда, беззвучно, как всегда, неведомо откуда. Остановились перед ней, высокие, стройные, со скрещенными на груди руками, сместив вес тела на левую ногу, в той позиции, из которой – она знала – можно атаковать мгновенно. Цири встала рядом с ними в такой же позе. В своей карикатурной одежке она выглядела презабавно.

– Приветствуем тебя в Каэр Морхене, Трисс.

– Приветствую тебя, Геральт.

Он изменился. Казалось, постарел. Трисс знала, что биологически это невозможно. Да, ведьмаки стареют, но слишком медленно, чтобы простой смертный или такая молодая чародейка, как она, могли обнаружить перемены. Но достаточно было одного взгляда, чтобы понять: мутация способна задерживать процесс физического старения, но не психического. Иссеченное морщинами лицо Геральта было лучшим тому доказательством. Трисс с глубочайшей досадой оторвала взгляд от глаз ведьмака. Глаз, которые явно видели слишком многое. К тому же она не заметила в этих глазах того, на что рассчитывала.

– Приветствую, – повторил он. – Рады видеть тебя.

Рядом с Геральтом стоял Эскель, похожий на Волка как брат-близнец, если не считать цвета волос и длинного шрама, уродующего щеку. И самый младший из ведьмаков в

Каэр Морхене – Ламберт, как всегда, с неприятной ухмылкой на лице. Весемира не было.

– Приветствуем и приглашаем войти, – сказал Эскель. – Холодно и дует так, словно где-то висельник завелся. А ты куда, Цири? Тебя приглашение не касается. Солнце пока высоко, хоть его и не видно. Еще можно тренироваться.

– Ай-ай, – тряхнула волосами чародейка. – Похоже, подешевела вежливость в Пристанище ведьмаков. Цири встретила меня первой, проводила в замок. Ей положено быть со мной...

– Она здесь обучается, Меригольд, – поморщился Ламберт, изобразив пародию на улыбку. Он всегда называл ее «Меригольд», без «госпожи», без имени. Трисс не любила этого. – Она ученица, – продолжал Ламберт, – а не мажордом. Встреча гостей, даже столь приятных, как ты, не входит в ее обязанности. Пошли, Цири.

Трисс слегка пожала плечами, прикидываясь, будто не замечает смущенных взглядов Геральта и Эскеля. Смолчала. Не хотела смущать их еще больше. А главное, не хотела, чтобы они поняли, как сильно ее интересует и завораживает эта девочка.

– Я отведу коня, – предложил Геральт, потянувшись к поводьям. Трисс украдкой подвинула руку, и их пальцы встретились. Взгляды тоже.

– Я пойду с тобой, – свободно сказала она. – Во выюках кое-какие нужные мне мелочи.

– Ты доставила мне несколько неприятных минут, – буркнул он, как только они вошли в конюшню. – Я собственными глазами видел твоё пышное надгробие. Обелиск, увековечивающий твою героическую смерть в битве за Содден. Лишь недавно до меня дошли слухи, что это ошибка. Не понимаю, как тебя можно было с кем-то перепутать, Трисс.

– Долгая история, – ответила она. – При случае расскажу. А неприятные минуты – ну что ж, постарайся простить меня.

– Нечего тут прощать. Последнее время мне редко доводилось радоваться, а радость, которую я ощутил, узнав, что ты жива, трудно сравнить с какой-либо иной. Разве только с той, какую я испытываю сейчас, глядя на тебя.

Трисс показалось, что в ней что-то разрывается. Страх перед встречей с беловолосым ведьмаком всю дорогу боролся в ней с надеждой на встречу. А потом – это измученное, истощенное лицо, эти всевидящие больные глаза, слова, холодные и взвешенные, неестественно спокойные, но насыщенные таким чувством...

Она бросилась ему на шею, сразу, не раздумывая. Схватила руку, резко завела себе за шею, под волосы. Мурашки побежали у нее по спине, пронзили таким блаженством, что она чуть было не закричала. Чтобы сдержать и приглушить крик, она нашла губами его губы. Прильнула к ним. Она дрожала, крепко прижимаясь к нему, возбуждая и усиливая в себе страсть, забываясь все больше.

Геральт не забылся.

– Трисс... Прошу тебя...

– Ох, Геральт... Я так...

– Трисс. – Он мягко отстранил ее. – Мы не одни... Сюда идут.

Она взглянула на дверной проем. Тени приближающихся ведьмаков она заметила не сразу, их шаги слышала еще позже. Ну что ж, ее слух, который в принципе она считала обостренным, с ведьмачьим соперничать не мог.

– Трисс, деточка!

– Весемир!

Да, Весемир был действительно стар. Кто знает, не старше ли, чем Каэр Морхен. Но он шел к ней быстрым, энергичным и пружинистым шагом, его рукопожатие было крепким, а руки сильными.

– Рада снова видеть тебя, дедушка.

– Поцелуй меня. Нет, не руку, маленькая чародейка. Руку будешь целовать, когда я окажусь на смертном одре. А это, похоже, вот-вот случится. Ох, Трисс, хорошо, что ты приехала... Кто меня вылечит, если не ты?

– Вылечить? Тебя? От чего? Разве что от мальчишеских штук! Убери руку с моего зада, старец, не то подпалю твою седую бороду!

– Прости. Все время забываю, что ты выросла и я уже не могу сажать тебя на колени и похлопывать. Что же до моего здоровья... Ох, Трисс, старость не радость. Кости ломит так, что выть хочется. Поможешь старику, девочка?

– Помогу. – Чародейка высвободилась из медвежьих объятий и взглянула на сопровождавшего Весемира ведьмака. Он был молод, казался ровесником Ламберта. Носил короткую черную бороду, которая, однако, не скрывала сильных рябушек после оспы. Это было довольно необычно, потому что ведьмаки, как правило, обладали высоким иммунитетом против заразных болезней.

– Трисс Меригольд. Койон, – представил их Геральт. – Койон проводит с нами первую зиму. Он с Юга, из Повисса.

Молодой ведьмак поклонился. У него были необычно светлые желто-зеленые радужки, а перерезанные красными ниточками хрусталики говорили о тяжелом, хлопотном протекании мутации глаз.

– Идем, деточка, – сказал Весемир, взяв ее за руку. – Коюшня – не место для встречи гостей. Но я не мог дожждаться.

Во дворе, меж заслоняющих от ветра стен, Цири занималась под присмотром Ламберта. Ловко балансируя на подвешенной на цепях балке, она с мечом в руке нападала на кожаный мешок, перевязанный ремнями так, чтобы он изображал человеческое тело. Трисс задержалась.

– Плохо! – шипел Ламберт. – Слишком близко подходишь! И не руби вслепую. Я же сказал, самым концом меча по шейной артерии! Где у гуманоида шейная артерия? На макушке? Что с тобой творится? Сосредоточься, княжна!

«Ха! – подумала Трисс. – Стало быть, и впрямь не легенда. Это она. Я верно догадывалась».

Она решила пойти в атаку не откладывая, не позволив ведьмаку выкрутиться.

– Знаменитое Дитя-Неожиданность? – указала она на Цири. – Похоже, вы всерьез взялись выполнять требования судьбы и Предназначения? Только вроде бы сказки у вас перепутались, ребята. В сказках, которые мне рассказывали, пастушечки и сиротки становились княжнами. А тут, вижу, наоборот – княжну переделывают в ведьмачку. Вам не кажется, что это несколько рискованно?

Весемир взглянул на Геральта. Беловолосый ведьмак молчал, его лицо ничего не выражало, даже дрожанием век он не отреагировал на немую просьбу о поддержке.

– Все не так, как ты думаешь, – откашлялся старик. – Геральт привез ее сюда прошлой осенью. У нее нет никого, кроме... Послушай, Трисс, ну как тут не поверить в Предназначение, если...

– Что общего у Предназначения с размахиванием мечом?

– Мы учим ее пользоваться мечом, – тихо проговорил Геральт, повернувшись к чародейке и глядя ей прямо в глаза, – потому что ничему другому научить не можем. Не умеем ничего больше. Предназначение ли, нет ли, но Каэр Морхен теперь ее дом. Во всяком случае, на какое-то время. Тренировки и фехтование забавляют ее, помогают сохранить здоровье. Позволяют забыть о перенесенной трагедии. Теперь это ее дом, Трисс. Другого у нее нет.

– Множество цинтрийцев, – чародейка выдержала

взгляд, – убежали после поражения в Вердэн, в Бругге, в Темерию, на Острова Скеллиге. Среди них есть вельможи, бароны, рыцари. Друзья, родственники... как и... подданные этой девчушки. Формально.

– Друзья и родственники после войны не стали ее искать. Не нашли.

– Потому что не им она была предназначена, – не очень искренне, но очень мило улыбнулась Трисс Геральту. Так мило, как только умела. Ей не хотелось, чтобы он говорил таким тоном.

Ведьмак пожал плечами. Трисс, которая немного знала его, сразу же сменила тактику, отказавшись от аргументации.

Снова взглянула на Цири. Девочка, ловко ступая по бревну, проделала быстрый поворот, рубанула легко, тут же отскочила. Манекен закачался на веревке.

– Ну наконец-то! – крикнул Ламберт. – Наконец-то поняла! Отступи и давай еще раз. Хочу удостовериться, что это не случайность!

– Меч, – обернулась Трисс к ведьмакам, – похоже, острый. Бревно, похоже, скользкое и неустойчивое. А учитель похож на идиота, сбивающего девочку с толку своим криком. Не боитесь? Или рассчитываете на то, что Предназначение оградит ребенка?

– Цири почти полгода тренировалась без меча, – сказал Койон. – Умеет двигаться. А мы внимательно следим, пото-

му что...

– Потому что это ее дом, – закончил Геральт тихо, но жестко. Очень жестко. Тоном, пресекающим дискуссию.

– В том-то и дело, – глубоко вздохнул Весемир. – Ты устала, Трисс? Голодна?

– Не отрицаю, – вздохнула она, не пытаясь больше поймать взгляд Геральта. – Честно говоря, ваюсь с ног. Последнюю ночь я провела в полуразрушенном пастушьем шалаше, зарывшись в солому и мешки. Уплотнила развалюху с помощью магии, если б не это, окочурилась бы, пожалуй. Мечтаю о чистой постели.

– Поужинаешь с нами. Сейчас. Потом как следует выспишься и отдохнешь. Мы приготовили тебе самую лучшую комнату, ту, что в башне. И поставили там самую лучшую кровать, какая только нашлась в Каэр Морхене.

– Благодарю, – кисло улыбнулась Трисс. «В башне, – подумала она. – Хорошо, Весемир. Сегодня можно и в башне, если тебе так уж важно соблюсти видимость приличия. Могу переночевать в башне. В лучшей кровати, какая только сыскалась в Каэр Морхене. Хоть и предпочитала бы в самой скверной, но с Геральтом».

– Пошли, Трисс.

– Пошли.

Ветер постукивал ставнями, шевелил прикрывающие окно остатки траченного молью гобелена. Трисс в абсолютной

тьме лежала на лучшей в Каэр Морхене кровати. И не могла уснуть. И дело было вовсе не в том, что лучшая в Каэр Морхене кровать оказалась древней развалюхой. Нет. Трисс усиленно размышляла. И все отгоняющие сон мысли крутились вокруг одного основного вопроса: почему и зачем ее вызвали в замок? С какой целью?

Болезнь Весемира – не более чем предлог. Весемир – ведьмак. То, что при этом он еще и столетний дед, не мешает многим молодцам завидовать его здоровью. Если б оказалось, что старца, допустим, пырнул жалом мантихор или покусал вурдалак, тогда Трисс еще могла бы поверить, что ее вызвали именно к нему. Но «ломота в костях»? Смех, да и только. «Ломота в костях» – не шибко оригинальное недомогание в чертовски холодных стенах Каэр Морхена. Весемир вылечился бы ведьмачьим эликсиром или – еще проще – крепким ржаным самогоном внутрь и наружно в равных пропорциях. Ему не понадобилась бы чародейка с заклинаниями, фильтрами и амулетами.

Так кто же ее вызвал? Геральт?

Трисс ворочалась в постели, чувствуя волны накатывающего тепла. И возбуждения, усиленного злостью. Тихо выругалась, ударила кулаком по перине, перевернулась на бок. Древнее ложе заскрипело. «Я не владею собой, – подумала она. – Веду себя словно глупая девчонка. Или того хуже – как недоласканная старая дева. Не могу даже логично мыслить».

Она снова выругалась.

«Конечно же, не Геральт. Без эмоций, девица, без эмоций. Вспомни его мину там, в конюшне. Ты уже видывала такие мины, девочка, видела, не обманывай себя. Глупые, покаянные, растерянные мины мужчин, которые хотят забыть, которые сожалеют, которые не желают помнить случившегося, не хотят возвращаться к тому, что было. О боги, иначе не бывает. И ты это знаешь. Ведь у тебя солидный опыт, малышка».

Что касается эротической стороны жизни, то тут Трисс имела право считать себя типичной чародейкой. Началось все с кислого вкуса запретного плода, особо привлекательного из-за суровых правил академии и строжайших наказов преподавательницы, у которой она проходила практику. Потом наступила самостоятельность, свобода и неупорядоченные связи, закончившиеся, как обычно бывает, горечью, разочарованием и воздержанием. Начался долгий период одиночества и, наконец, открытие, что для снятия стрессов и напряжений вовсе не так уж и необходим человек, желающий считать себя твоим господином сразу после того, как перевернется на спину и смахнет пот со лба. Что для успокоения нервов имеются менее хлопотные методы, которые, ко всему прочему, не пачкают полотенца кровью, не пускают под одеялом ветров и не требуют завтрака. Затем пришел краткий и забавный период удовлетворенности собственным полом, закончившийся выводом, что пачканье, ветры и обжорство свойственны отнюдь не только мужчи-

нам. Наконец, как все без малого магички, Трисс перешла на приключения с другими чародеями, спорадические и нервирующие своим холодным, техничным и, как правило, ритуальным протеканием.

И тогда появился Геральт из Ривии. Ведущий беспокойную жизнь ведьмак, связанный странными, беспокойными и бурными отношениями с Йеннифэр, ее сердечной подружкой.

Трисс наблюдала за обоими и завидовала, хоть, казалось, завидовать-то было нечему. Связь явственно приносила несчастье обоим, ведя напрямую к истощению, была болезненной и... вопреки всякой логике продолжалась. Трисс этого не понимала. И ее это интриговало. Интриговало до такой степени, что...

Она соблазнила ведьмака, почти не пользуясь магией. Просто подоспело удачное время, момент, когда они с Йеннифэр в очередной раз осточертели друг другу и бурно расстались. Геральту требовалось тепло, и он хотел забыть обо всем.

Нет, Трисс не стремилась отнять его у Йеннифэр. По сути, подруга была ей нужнее, чем он. Но краткая связь с ведьмаком не разочаровала ее. Она нашла то, что искала, – чувство вины, страха и боли. Его боли. Трисс видела проявление этих эмоций, они ее будоражили, и она не смогла о них забыть, когда пришло время расстаться. А что такое своя боль, поняла недавно. В тот момент, когда неодолимо возжелала

снова быть с ним. Ненадолго, на мгновение, но быть.

А теперь он так близко...

Трисс сжала пальцы в кулак и принялась колотить по подушке. «Нет, – подумала она, – не будь дурочкой, малышка. Не думай об этом. Думай о...»

О Цири? Неужели...

Да, вот истинная причина ее визита в Каэр Морхен. Пепельноволосая девочка, из которой в замке хотят сделать ведьмака. Настоящую ведьмачку. Мутантку. Машину для убийства, такую, как они сами.

«Это ясно, – подумала она вдруг, снова чувствуя возбуждение, но теперь, однако, совершенно иного рода. – Это ясно. Они собираются мутировать ребенка, подвергнуть его Испытанию Травами и Трансмутации, но не знают, с какого бока подступить. Из стариков жив один Весемир, а Весемир всего лишь учитель фехтования. Скрытая в подземельях Каэр Морхена лаборатория, покрытые пылью бутылки с легендарными эликсирами, печи, перегонные кубы и реторты... Никто не знает, как этим пользоваться. Потому что, совершенно ясно, мутагенные эликсиры разработал в незапамятные времена какой-то чародей-ренегат, а его наследники годами совершенствовали их, годами с помощью магии контролировали процесс трансмутации, которым подвергали детей. И однажды цепь прервалась. Не хватило магических знаний и способностей. У ведьмаков есть травы, лаборатория. Они знают рецептуру. Но у них нет чародея...

Как знать, — думала она, — может, и пытались? Давали детям декокты, приготовленные без участия магии?»

Она вздрогнула при мысли о том, что могло твориться с теми детьми.

«А теперь, — подумала она, — собираются мутировать девочку, но не знают как. А это может означать... Это может означать, что от меня ждут помощи. И я увижу то, чего не видел ни один ныне живущий чародей, познакомлюсь с тем, с чем ни один ныне живущий чародей не познакомился. Знаменитые травы, хранящиеся в величайшем секрете культуры вирусов, прославленные таинственные рецептуры...

И именно я поднесу пепельноволосому ребенку набор эликсиров, мне доведется наблюдать мутационные Изменения, собственными глазами видеть, как...

Как умирает пепельноволосое дитя.

О нет. — Трисс вздрогнула. — Никогда. Ни за что.

Впрочем, пожалуй, я раньше времени начинаю волноваться. Пожалуй, не в этом дело. За ужином мы беседовали, сплетничали о том о сем. Несколько раз я пыталась навести разговор на Дитя-Неожиданность. Впустую. Они тут же меняли тему.

Я наблюдала за ними. Весемир был сдержан и озабочен. Геральт спокоен, Ламберт и Эскель неестественно веселы и болтливы, Койон естественен до неестественности. Искренна и открыта была только Цири, зарумянившаяся от мороза, растрепанная, счастливая и чертовски голодная. Они

поедали похлебку с пряностями, густую от гренок и сыра, а Цири удивилась, что не подали грибков. Они пили сидр, но девочка получила воду, чем была явно удивлена и разочарована. «Где салат?» – взвизгнула она вдруг, а Ламберт резко и укоризненно глянул на нее и велел снять локти со стола.

Грибочки и салат. В декабре?

Ясно, – подумала Трисс. – Ее кормят легендарными пещерными грибками, неизвестной науке горной растительностью, поят знаменитыми напитками из таинственных трав. Девочка развивается быстро, набирается сатанинской, ведьмачьей кондиции. Естественным путем, без мутации, без риска, без гормональной революции. Но чародейке этого знать не положено. Для чародейки это секрет. Ничего они мне не скажут, ничего не покажут.

Я видела, как эта девчушка бежит. Видела, как она с мечом пляшет на бревне, ловкая и быстрая, полная прямо-таки кошачьей грации, двигается словно акробатка. Я должна, – подумала она, – обязательно должна ее увидеть раздетой, посмотреть, как она развивается под влиянием того, чем ее здесь пичкают. А вдруг да удастся выкрасть и вывезти пробы грибочков и салата? Ну, ну...

А доверие? Чихала я на ваше доверие, ведьмаки. В мире процветают рак, черная оспа, столбняк и белокровие, есть аллергия, есть синдром неожиданной смерти новорожденных. А вы укрываете от мира ваши грибочки, из которых, возможно, удалось бы дистиллировать спасающие жизнь ле-

карства. Держите в секрете даже от меня, перед которой похваляетесь дружбой, уважением и доверием. Даже я не могу увидеть не только лабораторию, но и задрипанные грибки!

Зачем же вы меня сюда притащили? Меня, чародейку?

Магия!»

Трисс захохотала.

«Ну, – подумала она, – вот я вас и поймала, ведьмаки! Цири нагнала на вас такого же страха, как и на меня. Погрузилась в сон наяву, начала вещать, прорицать, выдавать ауру, которую вы ощущаете почти так же хорошо, как и я. Безотчетно психокинетически схватила что-то или силой воли согнула оловянную ложку, уставившись на нее за обедом. Отвечала на вопросы, которые вы задавали мысленно, а может, и на те, что вы даже в мыслях боитесь себе задавать. И вас обуял страх. Вы сообразили, что ваша Неожиданность гораздо более неожиданна, чем вы могли подумать.

Вы сообразили, что приютили в Каэр Морхене Исток.

Что без чародейки вам не управиться.

А нет ни одной дружески к вам расположенной чародейки и ни одной, которой вы могли бы довериться. Кроме меня и...

И кроме Йеннифэр».

Ветер взвыл, захлопал ставнями, вздул гобелен. Трисс Меригольд перевернулась на спину, принялась задумчиво грызть ноготь большого пальца.

«Геральт не пригласил Йеннифэр. Пригласил меня. Так,

может быть... Как знать. Возможно. Но если все так, как я думаю, то почему...

Почему?..»

– Почему ты не пришел сюда, ко мне? – тихо крикнула она в темень. Возбужденно и зло.

Ей ответил ветер, завывающий в руинах.

Утро было солнечное, но чертовски холодное. Трисс проснулась замерзшая, невыспавшаяся, но успокоенная и решившаяся.

В холл она спустилась последней. С удовлетворением встретила взгляды, награждавшие ее усилия, – дорожную одежду она сменила на простое, но эффектное платье, умело воспользовалась магическими ароматизаторами и немагической, но дьявольски дорогой косметикой. Трисс ела овсянку, перебрасываясь с ведьмаками малозначительными и банальными фразами.

– Опять вода? – вдруг заворчала Цири, заглянув в кубок. – У меня от воды зубы болят! Я хочу соку! Того, голубого!

– Не сутулься, – сказал Ламберт, краешком глаза глянув на Трисс. – И не утирайся рукавом! Кончай есть, пора на занятия. Дни все короче.

– Геральт. – Трисс покончила с овсянкой. – Вчера Цири упала на Пути. Ничего страшного, виной ее шутовская одежда. Все это подогнано отвратительно, вернее, не подогнано вовсе и мешает ей двигаться.

Весемир кашлянул, отвел глаза. «Так, – подумала чародейка, – значит, это твоя работа, Мастер меча. Факт, похоже, кафтанчик скроен мечом, а сшит наконечником стрелы».

– Дни, и верно, все короче, – начала она, не дождавшись комментариев. – Но сегодняшний мы сократим еще больше. Ты кончила, Цири? Пошли со мной. Сделаем необходимые поправки в твоём обмундировании.

– Она бежит в нём уже год, Меригольд, – зло бросил Ламберт. – И всё было в порядке, пока...

– ...пока не явилась баба, которая не может видеть немодную и плохо сидящую одежду. Ты прав, Ламберт. Но баба явилась – и порядок рухнул, пришло время великих перемен. Идем, Цири.

Девочка замялась, взглянула на Геральта. Геральт кивнул, улыбнулся. Хорошо. Так, как умел улыбаться раньше, когда...

Трисс отвела глаза. Улыбка предназначалась не ей.

Комната Цири была точной копией жилищ ведьмаков. Как и у них, здесь не было практически ничего, кроме сколоченной из досок лежанки, табурета и сундучка. Стены и двери своих жилищ ведьмаки украшали шкурами забитых на охоту зверей – оленей, рысей, даже росомх. На дверях же комнаты Цири висела шкура гигантской крысы с отвратительным чешуйчатым хвостом. Трисс поборола в себе желание сорвать вонючую гадость и выкинуть в окно.

Девочка, стоя около лежанки, выжидающе смотрела на нее.

– Попытаемся, – сказала чародейка, – слегка подправить твой... балахон. Мне всегда удавались кройка и шитье, думаю, управлюсь и с этой козловой шкурой. А ты, ведьмачка, когда-нибудь держала в руке иглу? Тебя научили хоть чему-то сверх того, чтобы дырявить мечом мешки с сеном?

– Когда я была в Заречье, в Кагене, приходилось прясть, – неохотно буркнула Цири. – Шить мне не позволяли, потому что я только портила лен и напрасно тратила нитки. После меня все надо было распарывать. Ужасненько скучная эта штука – прядение, ой-ёй!

– Факт, – захохотала Трисс. – Скучнее не придумаешь. Я тоже не люблю прясть.

– А приходилось? Мне да, потому как... Но ты же чаров... Чародейка. Ты же можешь все выколдовать! А свое красивое платье... ты его... выколдовала?

– Нет, – улыбнулась Трисс. – Но и не сама сшила. Не настолько уж я способная.

– А как ты сделаешь мне одежду? Волшебством?

– Зачем? Достаточно магической иглы, которой мы с помощью заклинаний добавим немного прыти, а если понадобится...

Трисс медленно провела рукой по обведенной бахромой дырке на рукаве курточки, пробормотала заклинание, одновременно активируя амулет. От дырки не осталось и следа.

Цири запищала от восторга:

– Это волшебство! Теперь у меня будет волшебная курточка! Хо!

– Пока не сошью нормальной, но приличной. Ну а теперь снимай все, девочка моя, переоденешься в другое. Надеюсь, это не единственная твоя одежда?

Цири покачала головой, приподняла крышку сундучка, показала вылинявшее просторное платье, серо-голубой кафтанчик, льняную рубашку и шерстяную блузку, напоминающую хламиду.

– Это мое, – сказала она. – В этом я сюда приехала. Но теперь не ношу. Бабы шмотки.

– Понятно, – насмешливо поморщилась Трисс. – Бабы не бабы, а пока придется надеть. Ну, живей раздевайся. Дай-ка я помогу... Ё-моё! Это что такое?

Руки девочки были покрыты огромными, налитыми кровью синяками. Многие уже пожелтели, некоторые были совсем свежими.

– Это еще что, черт возьми? – зло повторила волшебница. – Кто тебя так отделал?

– Это? – Цири глянула на руки, словно была удивлена количеством синяков. – Ах это... Ветряк. Очень медленно работала.

– Что за ветряк? Говори толком!

– Ну ветряк, – повторила Цири, поднимая на волшебницу свои огромные глаза. – Ну такой... Ну... Я на нем учусь вы-

вертываться припадении. У него такие лапы из палок, и он крутится и размахивает этими лапами. Надо очень быстро прыгать и уворачиваться. Надо вырабатывать... лефрекс. Ежели нет лефрекса, то ветряк хватает тебя палкой. Вначале этот ветряк ужасненько поколачивал. Ну а теперь-то...

– Снимай штанишки и рубаху. О боги! Дева! Как ты вообще можешь ходить? Бегать?

Оба бедра и ляжки были черно-синими от кровоподтеков и припухлостей. Цири вздрогнула и зашипела, пытаясь от волшебницы. Трисс выругалась по-краснолюдски. Хуже некуда.

– Тоже ветряк? – спросила она, пытаясь сохранять спокойствие.

– Это? Нет. Вот это ветряк. – Цири равнодушно указала на роскошный синяк пониже левого колена. – А эти – другие... Это маятник. На маятнике я отрабатываю шаги с мечом. Геральт говорит, что я уже в норме... На маятнике. Говорит, у меня есть это... ну... Чутье. Вот – чутье есть.

– А если не хватит чутья, – скрежетнула зубами Трисс, – тогда, полагаю, маятник тебя саданет?

– Обязательно, – поддакнула девочка, глядя на чародейку и явно насмехаясь над ее неведением. – Еще как саданет-то!

– А здесь? На боку? Это что было? Кузнечный молот?

Цири зашипела от боли и покраснела.

– С гребенки свалилась...

– ...и гребенка по тебе саданула, – dokonчила Трисс. Ей было все труднее сдерживаться.

– Ну как же гребенка может садануть, – фыркнула Цири, – если она вкопана в землю? Не может! Я просто упала. Училась делать пируэт в подскоке, и у меня не вышло. Вот и сник. Потому что ударилась о столбик.

– И лежала два дня? И дышать было трудно? Болит?

– И вовсе нет. Койон размассировал меня и снова посадил на гребенку. Так надо, понимаешь? Иначе испугаешься навсегда.

– Что-что?

– Испугаешься навсегда, – гордо повторила Цири, отбрасывая со лба пепельную челку. – Не знаешь? Даже если с тобой что-то случится, надо все равно сразу же возвращаться на снаряд, иначе станешь трусить, а если будешь трусить, то фи́га с два у тебя получится. Нельзя отказываться от тренировки. Так сказал Геральт.

– Надо будет запомнить, – процедила волшебница. – Да и то, что автор – Геральт. Недурственный рецепт на жизнь, только я не уверена, годится ли он при любых обстоятельствах. Но его довольно легко реализовать за чужой счет. Итак, отказываться нельзя. Даже если тебя повалят на землю и примутся колотить как только могут, ты должна встать и продолжать тренировки. Иначе... фи́га с два?

– Конечно. Ведьмак не боится ничего.

– Серьезно? А ты, Цири? Тоже ничего не боишься? Отвечай честно.

Девочка отвернулась, закусила губу.

– Никому не скажешь?

– Не скажу.

– Больше всего я боюсь двух маятников. Двух сразу. И ветряка, но только когда его запускают с большой скоростью. И еще есть такая длинная жердь. На нее-то я все еще должна лазить с этим, как его, страхом... не, страховкой. Ламберт говорит, что я растяпа и недотепа, но это вовсе не так. Генералт мне сказал, что у меня немного в другом месте центр тяги... не, тяжести, потому что я девочка. Просто надо больше заниматься, разве что... Я хотела тебя о чем-то спросить. Можно?

– Можно.

– Если ты разбираешься в магии и заклинаниях... Если можешь волшебствовать... Ты можешь сделать так, чтобы я стала мальчишкой?

– Нет, – ответила Трисс ледяным голосом. – Не могу.

– Хм... – явно опечалилась юная ведьмачка. – А не можешь хотя бы...

– Хотя бы что?

– Ну, не можешь ли ты сделать так, чтобы мне не приходилось... – Цири залилась румянцем. – Давай на ушко скажу.

– Говори, – наклонилась Трисс. – Слушаю.

Цири, покраснев еще сильнее, приблизила губы к каштановым волосам чародейки.

Трисс быстро выпрямилась, глаза у нее запылали.

– Сегодня? Сейчас?

– Угу.

– Затраханые мудаки! – рявкнула чародейка и пнула табурет так, что тот врезался в дверь, сбив с нее крысиную шкуру. – Зараза, мор, чума и проказа! Убью проклятых креатинов!!!

– Успокойся, Меригольд, – сказал Ламберт. – Волноваться вредно и, главное, нет причин.

– Не учи меня! И перестань называть «Меригольд»! А еще лучше, если вообще замолчишь. Я не с тобой говорю. Весемир, Геральт, кто-нибудь из вас видел, как вы отделали ребенка? У нее на теле живого местечка нет!

– Дитя, – серьезно сказал Весемир. – Не позволяй эмоциям овладеть тобой. Ты была воспитана иначе, видела, как детей воспитывают по-другому. Родина Цири – Юг, там девочек и мальчиков воспитывают совершенно одинаково, никакой разницы, как у эльфов. На пони ее посадили, когда ей было пять лет от роду, а когда стукнуло восемь – она уже ездила на охоту. Ее учили пользоваться луком, копьем и мечом. Синяки для Цири – не новость...

– Не рассказывайте мне баек, – возмутилась Трисс. – Не прикидывайтесь идиотами. Здесь – не пони, не прогулки и не катание на санках. Здесь Каэр Морхен! На ваших ветряках и маятниках, на вашей Мучильне поломали кости и свернули шеи десятки мальчиков, закаленных и испытанных жизнью бродяг, подобных вам, которых вы собирали по большакам

и вытаскивали из канав. Жилистых, битых жизнью сорванцов и гуляк. А какие шансы у Цири? Даже воспитанная на Юге, даже по-эльфьему, даже такой гром-бабой, как Львица Калантэ, эта малышка по-прежнему была и остается княжной. Нежная кожа, изящное сложение, легкий костяк... Это девочка! Кого вы намерены из нее сотворить? Ведьмака?

– Эта девочка, – тихо и спокойно проговорил Геральт, – эта нежная маленькая княжна пережила бойню в Цинтре. Предоставленная самой себе, она пробралась сквозь когорты Нильфгаарда. Ухитрилась избежать рыскающих по селам мародеров, которые грабили и изничтожали все живое. Продержалась две недели в лесах Заречья совершенно одна. Месяц бродила с кучкой беженцев, тяжело вкалывала наравне со всеми и наравне со всеми голодала. Почти полгода батрачила в деревне, когда ее приютила семья кметов. Поверь, Трисс, жизнь научила ее и закалила не хуже, чем подобных нам бродяг, собранных в Каэр Морхене с большаков и из канав. Цири не слабее подобных нам, нежеланных, незаконнорожденных, подкинутых ведьмакам в корчмах, словно котята в ивовых корзинках. А то, что она девочка... Какое это имеет значение?

– И ты еще спрашиваешь? Смеешь спрашивать? – крикнула чародейка. – Какое это имеет значение? А такое, что девочка, не будучи подобна вам, имеет свои собственные дни! И с большим трудом это переносит! А вы хотите, чтобы она выблевывала свои легкие на Мучильне и каких-то идиотских

ветряках!

Хоть Трисс и была чертовски зла, но почувствовала огромное удовлетворение при виде поглупевших физиономий молодых ведьмаков и вдруг отвисшей челюсти Весемира.

– Вы даже не знали, – покачала она головой уже спокойно, но с мягким укором. – Тоже мне – опекуны! Девочка стесняется говорить об этом, потому что ее научили о таких неприятностях мужчинам не говорить. И стыдится слабости, боли, того, что она не такая ловкая, как обычно. Хоть кто-нибудь из вас подумал об этом? Заинтересовался? Попробовал догадаться, что ей мешает? А может, она впервые в жизни закровоточила у вас, здесь, в Каэр Морхене? И плакала по ночам, ни у кого не находя сочувствия, даже просто понимания? Хоть кто-нибудь из вас вообще об этом подумал?

– Прекрати, Трисс, – тихо охнул Геральт. – Достаточно. Ты добила, чего хотела. А может, и больше, чем хотела.

– Пропади все пропадом, – выругался Койон. – Хороши же мы были, ничего не скажешь. Эх, Весемир, но ты-то...

– Замолчи, – буркнул старый ведьмак. – Ничего не говори.

Совершенно неожиданно повел себя Эскель, который встал, подошел к чародейке, низко поклонился, взял ее руку и уважительно поцеловал. Она быстро отдернула руку. Не для того чтобы продемонстрировать злобу и раздражение, а чтобы прервать приятную, пронзившую ее вибрацию, вызванную прикосновением ведьмака. Эскель эанировал

сильно. Сильнее, чем Геральт.

– Трисс, – сказал он, озабоченно потирая чудовищный шрам на щеке. – Помоги нам. Просим. Помоги нам, Трисс.

Чародейка глянула ему в глаза, сжала губы.

– В чем? В чем я должна помочь, Эскель?

Эскель снова потер шрам, взглянул на Геральта. Беловолосый ведьмак наклонил голову, прикрыл глаза рукой. Весемир громко откашлялся.

В этот момент скрипнула дверь, и в холл вошла Цири. Кашель Весемира перешел во что-то вроде хриплого, громкого вдоха. Ламберт раскрыл рот. Трисс сдержала смех.

Цири, подстриженная и причесанная, шла к ним мелкими шажочками, осторожно придерживая темно-голубое платье, подрезанное снизу и подогнанное по фигурке, но еще несущее на себе следы перевозки во вьюках. На шее девочки поблескивал второй презент от чародейки – черная змейка из лаковой кожи с рубиновым глазком и золотой застежкой.

Цири задержалась перед Весемиром. Не очень зная, что делать с руками, засунула большие пальцы за пояс.

– Я не могу сегодня тренироваться, – медленно и четко проговорила она в абсолютной тишине, – потому что я... я... – Она взглянула на чародейку. Трисс подмигнула ей, скорчив рожицу, как довольный озорством сорванец, пошевелила губами, подсказывая выученную причину. – Я... мне... нездоровится, – закончила Цири громко и гордо, задрал нос чуть не до бревенчатого потолка.

Весемир снова раскашлялся. Но Эскель, милый Эскель, не потерял головы и опять повел себя так, как и положено.

– Конечно, – сказал он, улыбнувшись. – Это понятно и очевидно. Мы отложим обучение до тех пор, пока ты... пока тебе не перестанет... нездоровиться. Теоретические занятия тоже сократим, а если ты почувствуешь себя плохо, то и все отменим. Если тебе понадобятся медикаменты либо...

– Этим займусь я, – вмешалась Трисс, тоже улыбнувшись. Легко и свободно.

– Да... – Только теперь Цири слегка зарумянилась и взглянула на старого ведьмака. – Дядя Весемир, я попросила Трисс... То есть госпожу Меригольд, чтобы... Потому что... Ну, чтобы она осталась с нами. Подольше. Долго. Но Трисс сказала, что ты должен дать на это согласие или как-то так... Дядя Весемир! Согласись!

– Соглашаюсь... – прокашлялся Весемир. – Конечно, соглашаюсь!

– Мы ужасно рады. – Только теперь Геральт отнял руку ото лба. – Нам ужасно приятно, Трисс.

– Ужасненько, – пискнула Цири.

Чародейка слегка кивнула Цири и невинно взмахнула ресницами, накручивая на палец каштановый локон. У Геральта было каменное лицо.

– Ты очень правильно и тактично поступила, Цири, – сказал он, – предложив госпоже Меригольд подольше погостить в Каэр Морхене. Я горжусь тобой, Цири.

Цири покраснела, широко улыбнулась. Чародейка подала ей следующий условный знак.

– А теперь, господа, – сказала девочка, еще выше задирая нос, – оставляю вас одних, потому как вы наверняка желаете обсудить с Трисс различные важные проблемы. Госпожа Меригольд, дядя Весемир, милостивые государи... Я прощаюсь. Временно.

Она грациозно присела и вышла из холла, медленно и с достоинством ступая по лестнице.

– Дьявольщина, – прервал тишину Ламберт. – Подумать только, а я не верил, что она и вправду княжна.

– Поняли, обалдуи? – Весемир осмотрелся. – Если утром она натянет платице... И чтобы мне никаких тренировок... Ясно?

Эскель и Койон окинули старика взглядами, лишенными даже признаков почтения. Ламберт открыто фыркнул. Геральт смотрел на чародейку. Она улыбалась.

– Условия? – явно обеспокоился Эскель. – Трисс, мы же поклялись, что облегчим Цири тренировки. Какие тебе еще нужны условия?

– Ну, условия, пожалуй, не самое удачное слово. Назовем это советами. Я дам вам три совета, и вы будете им строго следовать. Если, конечно, вам важно, чтобы я осталась и помогла воспитывать малышку.

– Слушаем, – сказал Геральт. – Говори, Трисс.

– Прежде всего, – начала она, насмешливо улыбаясь, – необходимо разнообразить меню Цири. В особенности ограничить присутствие в нем секретных грибочков и таинственной зелени.

Геральт и Койон владели собой прекрасно. Ламберт и Эскель немного хуже. Весемир не владел вообще. «Ну что ж, – подумала Трисс, глядя на его смешно обеспокоенную мину, – в его времена мир был лучше. Лицемерие считалось пороком, которого надлежало стыдиться. Искренность не осуждалась».

– Меньше отваров из малоизвестных трав, – продолжала она, стараясь сдержать смех, – а больше молока. У вас есть козы. Доеение никакое не искусство, увидишь, Ламберт, научишься мгновенно.

– Трисс, – начал Геральт, – послушай...

– Нет, ты послушай. Вы не подвергали Цири резкой мутации, не затрагивали гормонов, не пробовали эликсиры и травы. И за это вам хвала. Это было разумно, по-человечески. Вы пока что не нанесли ей вреда ядами, тем более нельзя ее калечить теперь.

– О чем это ты?

– Грибочки, секреты которых вы так оберегаете, – пояснила она, – действительно сохраняют девочку в прекрасной форме и укрепляют мышцы. Травы гарантируют идеальный обмен веществ и ускоряют развитие. Однако все, вместе взятое, дополненное тренировками, приводит к определенным

изменениям в строении тела. В жировой ткани. Цири – женщина. Если вы не калечили ее гормонально, то не калечьте физически. Когда-нибудь она может обидеться на вас за то, что вы так безжалостно лишили ее женских... атрибутов. Вы понимаете, о чем я?

– А как же, – буркнул Ламберт, бесстыже рассматривая бюст Трисс, натягивающий ткань платья. Эскель кашлянул и испепелил юного ведьмака взглядом.

– Пока что, – медленно проговорил Геральт, тоже стрельнув глазами, – ты, надеюсь, не обнаружила в ней ничего необратимого?

– Нет, – улыбнулась она. – К счастью, нет. Она развивается нормальной и здоровой, сложена как юная дриада, приятно смотреть. Но, пожалуйста, соблюдайте умеренность в использовании ускорителей.

– Будем соблюдать, – пообещал Весемир. – Благодарим за предупреждение, дитя. Что еще? Ты говорила о трех... советах.

– Именно. Вот второй: нельзя допустить, чтобы Цири здесь одичала. Ей необходим контакт с миром. С ровесниками. Она должна получить приличное образование и подготовиться к нормальной жизни. Пока пусть себе размахивает мечом. Без мутации ведьмачка из нее все равно не получится, но ведьмачья тренировка ей не повредит. Времена сейчас трудные и опасные, сумеет защититься, если понадобится. Как эльфка. Но вы не имеете права похоронить ее тут,

в вашей глухомани. Она должна приобщиться к нормальной жизни.

– Ее нормальная жизнь сгорела вместе с Цинтрой, – проворчал Геральт. – Однако, Трисс, ты, как всегда, права. Мы уже думали об этом. Придет весна, отвезу ее в храмовую школу к Нэннеке, в Элландер.

– Очень удачная мысль и мудрое решение. Нэннеке – исключительная женщина, а храм богини Мелитэле – исключительное место. Безопасное, верное, гарантирующее необходимое девочке воспитание. Цири знает?

– Знает. Скандалила несколько дней, но в конце концов приняла к сведению. Сейчас даже с нетерпением ждет весны, ее подбадривает перспектива поездки в Темерию. Интересует окружающий мир.

– Как и меня в ее возрасте, – улыбнулась Трисс. – И это сравнение опасно приближает нас к третьему совету. Самому важному. И вы знаете какому. Не делайте глупых мин. Я – чародейка, забыли? Не знаю, сколько времени вам потребовалось на то, чтобы распознать магические способности Цири. Мне – не больше получаса, и я уже поняла, кого, вернее, что представляет собою девочка.

– И что же?

– Исток!

– Невероятно!

– Вероятно! Даже наверняка. Цири – Исток, у нее медиумические способности. Больше того, эти способности вызы-

вают опасение. Только и исключительно поэтому вы притащили меня в Каэр Морхен, верно? Я права? Только и исключительно поэтому?

– Да, – после недолгого молчания подтвердил Весемир.

Трисс незаметно с облегчением вздохнула. Она опасалась, что подтвердит Геральт.

Назавтра выпал первый снег. Вначале слабый, он вскоре перешел в метель. Шел всю ночь, а наутро стены Каэр Морхена утонули в заносах. О том, чтобы бегать по Мучильне, нечего было и думать, тем более что Цири все еще чувствовала себя неважно. Трисс подозревала, что ведьмачьи ускорители могли быть причиной менструальных нарушений. Однако уверенности не было, об этих снадобьях она практически не знала ничего, а Цири, несомненно, была единственной девочкой на свете, которой таковые давали. Ведьмакам она о своих подозрениях не сказала. Не хотела огорчать и тревожить, предпочитала использовать собственные методы. Напоила Цири эликсирами, повязала ей на талии под платьем шнурок активных яшм и запретила производить какие-либо усилия, в особенности же дико гоняться с мечом за крысами.

Цири скучала, сонно бродила по замку, наконец из-за отсутствия других развлечений присоединилась к Койону, занимавшемуся уборкой конюшни, чисткой и ремонтом упряжи.

Геральт, что вызвало бешенство чародейки, где-то пропал и появился лишь под вечер, притащив подстреленную коосулю. Трисс помогла ему разделать добычу. Хотя страшно брезговала запахом мяса и крови, но хотела быть рядом с ведьмаком. Рядом. Как можно ближе. В ней набирала силу холодная, ожесточенная решимость. Она не желала больше спать одна.

– Трисс! – неожиданно крикнула Цири, с топотом сбегая по лестнице. – Можно я сегодня лягу у тебя? Трисс, я тебя прошу, ну разреши! Прощу тебя, Трисс!

Снег падал и падал. Посветлело лишь, когда наступил Midin-vaern – День Зимнего Солнцестояния. МидинваэРН.

* * *

На третий день умерли все дети, кроме одного отрока годов едва десяти. Оный, мучимый бурным безумием, вдруг впал в глубокое беспамятство. Очи его стали аки стекло, он непрестанно хватал руками покрывало либо водил ими в воздухе, как бы желаяuchi ухватить перо пишущее. Дыхание стало громким и хриплым, пот хладный, липучий и смердящий выступил на коже. Тогда снова ввели ему эликсир в жилы, и приступ повторился. На сей раз начался из носа кровоток, а кашель перешел во рвоту, после коей отрок совсем светшал и обессилел.

Признаки таковые не смягчали два дни. Кожа

отрока, прежде залитая потом, сухой стала и горячеей, пульс утратил полноту и жесткость, был, однако же, довольно сильным, скорее медлительным, нежели быстрым. Ни единого разу отрок сей уж не приходил в себя и не кричал боле.

Наконец настал день седьмой. Отрок очнулся как бы ото сна и отверст очи, а очи его были како у змеи... Карла Деметрия Крест «Испытание Травами и иные тайные ведьмаков практики, собственными глазами наблюдавшиеся» Манускрипт исключительно для ознакомления Капитула Чародеев.

Глава третья

Ваши опасения были необоснованными, совершенно беспочвенными, – поморщилась Трисс, опершись локтями о стол. – Миновали времена, когда волшебники охотились за Истоками и магически одаренными детьми, силой, а то и обманом вырывали их из рук родителей или опекунов. Вы что, серьезно считали, что мне захочется отнять у вас Цири?

Ламберт фыркнул и отвернулся. Эскель и Весемир глянули на Геральта, но тот молчал. Он смотрел в сторону, все время поигрывая своим серебряным медальоном ведьмака – головой волка, ощерившего клыки. Трисс знала, что медальон реагирует на магию. В такую ночь, как Мидинваэрн, когда воздух прямо-таки вибрирует от магии, медальоны ведьмаков должны дрожать не переставая, раздражать и беспокоить.

– Нет, детка, – наконец проговорил Весемир. – Знаем, ты бы этого не сделала. Но знаем и то, что ты обязана сообщить о ней Капитулу. Давным-давно известно, что это входит в обязанности каждого чародея и чародейки. Да, вы наблюдаете за такими детьми, чтобы потом в подходящий момент соблазнить их магией, склонить...

– Успокойтесь, – холодно прервала она. – Я не скажу о Цири никому. Капитулу тоже... Что вы так смотрите?

– Удивлены легкостью, с которой ты обещаешь хранить

тайну, – спокойно сказал Эскель. – Прости, Трисс, не хотелось бы тебя обижать, но куда подевалась ваша легендарная лояльность по отношению к Совету и Капитулу?

– Многое произошло. Война многое изменила. А битва за Содден и того больше. Не хочу утомлять вас политикой, но некоторые проблемы и вопросы, простите, вообще секретны, и я не имею права их раскрывать. Что же касается лояльности... Я лояльна. Но можете поверить, в этом деле я могу быть лояльной по отношению и к Капитулу, и к вам.

– Такая двойная лояльность, – впервые за вечер Геральт посмотрел ей в глаза, – чертовски трудная штука. Она редко кому удается, Трисс...

Чародейка взглянула на Цири. Девочка с Койоном сидели на медвежьей шкуре в дальнем углу холла и играли в ладушки. Игра была однообразной, оба были одинаково ловкими, ни один не мог прихлопнуть руку другого. Однако им это явно не мешало и не портило забавы.

– Геральт, – сказала Трисс. – Найдя Цири там, над Яругой, ты забрал ее с собой. Привез в Каэр Морхен, спрятал от мира, не хочешь, чтобы даже близкие ребенку люди знали, что она жива. Что-то мне неизвестное заставило тебя поверить в существование Предназначения, в то, что мы находимся в его власти и оно руководит нами во всех наших поступках. Я тоже так считаю, всегда так считала. Ежели Предназначение пожелает, чтобы Цири стала волшебницей, она ею станет. Ни Капитул, ни Совет не должны о ней знать, не должны за ней

наблюдать либо уговаривать ее. Сохранив ваш секрет, я во-
все не предам Капитул. Но, как вы сами понимаете, есть тут
одна загвоздка.

– Если б одна, – вздохнул Весемир. – Говори, дитя мое.

– У девочки магические способности, и ими нельзя пре-
небрегать. Это чревато...

– Чем?

– Неконтролируемые способности опасны. Для Истока и
для окружения. Окружению Исток может угрожать по-вся-
кому. Себе – только одним: болезнью мозга. Чаще всего –
кататонией.

– Тысяча дьяволов! – после долгого молчания проговорил
Ламберт. – Вот слушаю я вас и думаю: кто-то тут уже явно
тронулся умом, того и гляди начнет угрожать окружающим.
Предназначение, Истоки, чудеса, невидимки... Ты не пере-
барщиваешь, Меригольд? Она что, первый ребенок, которо-
го приволокли в замок? Никакого Предназначения Геральт
не нашел, просто отыскал очередного осиротевшего и без-
домного ребенка. Мы научим ее пользоваться мечом и выпу-
стим в мир, как множество других. Согласен, никогда рань-
ше нам не доводилось тренировать в Каэр Морхене девочек.
Были у нас с Цири проблемы, мы совершали ошибки, и хо-
рошо, что ты нам на них указала. Но не переусердствуй. Она
не так уж неповторима, чтобы падать пред ней на колени и
воздевать очи горе. Мало, что ли, кружит по миру баб-вои-
тельниц? Уверяю тебя, Меригольд, Цири выйдет отсюда лов-

кой и здоровой, сильной и способной управляться с житейскими невзгодами. И, ручаюсь, без всяких там кататоний и других падучих. Если, конечно, ты не внушишь ей чего-нибудь такого.

– Весемир, – Трисс повернулась в кресле, – вели ему замолкнуть, он мешает.

– Мудришь, – спокойно сказал Ламберт, – а ведь еще не обо всем знаешь. Гляди.

Он протянул руку к камину, странно сложив пальцы. В камине загудело и завывало, пламя вскипело, поленья раскалились, взорвались искрами. Геральт, Весемир и Эскель беспокойно посмотрели на Цири, но девочка не обратила внимания на эффектный фейерверк.

Трисс скрестила руки на груди, вызывающе глянула на Ламберта.

– Знак Аард? Хотел меня удивить? Таким же знаком, утроенным концентрацией, усилием воли и заклинанием, я могу мгновенно выкинуть поленья из камина, да так высоко, что тебе они покажутся звездами.

– Ты-то можешь, – согласился он. – А вот Цири – нет. Она не в состоянии сложить знак Аард. И вообще никакой знак сложить не в состоянии. Пробовала сотни раз, и... ничего. А ты прекрасно знаешь, что для наших знаков требуется минимум способностей. Получается, что у Цири нет даже их. Она совершенно нормальный ребенок. У нее нет и признака магических возможностей, она типичный антиталант. А ты

нам плетешь сказки об Истоке, пытаешься напугать...

– Исток, – холодно объяснила Трисс, – не контролирует своих умений, они ей не подчиняются. Она – медиум, что-то вроде посредника. Бессознательно контактирует с энергией, бессознательно ее преобразует. А когда пытается взять под контроль, когда прикладывает усилия, как, например, при попытках сложить знаки, у нее ничего не выходит. И не выйдет не только после сотни, но и после тысячи попыток. Это типично для Истока. Но вот наступает момент, когда Исток не прилагает усилий, не напрягается, сидит себе спокойненько, размышляет о манной кашке либо о колбасе с капустой, играет в кости, «любит» с кем-то в постели, ковыряет в носу... и вдруг что-то происходит. Например, пламя охватывает дом или вспыхивает полгорода.

– Преувеличиваешь, Меригольд.

– Ламберт, – Геральт отпустил медальон, положил руки на стол, – во-первых, не называй Трисс «Меригольд», она не раз просила тебя. Во-вторых, Трисс не преувеличивает. Я собственными глазами видел в деле Цирину мамочку, принцессу Паветту. Поверьте, было на что посмотреть. Не знаю, была ли она Истоком, но никто и не подозревал о ее способностях, пока она чуть было не развалила королевский замок в Цинтре.

– Выходит, надо согласиться, – сказал Эскель, зажигая свечи в очередном подсвечнике, – что у Цири это вполне может быть наследственным.

– Не только может быть, – сказал Весемир, – а определенно есть. С одной стороны, Ламберт прав. Цири не способна складывать знаки. С другой... Все мы видели...

Он замолчал, глянул на Цири, которая радостным писком отмечала только что одержанную победу. Трисс видела улыбку на лице Койона и не сомневалась, что тот просто поддался.

– Именно, – насмешливо сказала она. – Видели. Что вы видели? При каких обстоятельствах? А вам не кажется, парни, что пришло время поговорить откровенно? Черт побери, повторяю, я сохраню тайну. Слово даю.

Ламберт взглянул на Геральта. Геральт утвердительно кивнул. Молодой ведьмак встал, снял с высокой полки большой квадратный хрустальный графин и небольшой флакончик. Перелил содержимое флакончика в графин, встряхнул, разлил прозрачную жидкость по стоящим на столе кубкам.

– Выпей с нами, Трисс.

– Неужто ваша тайна и впрямь настолько страшна, – съехидничала чародейка, – что на трезвую голову о ней говорить нельзя, обязательно надо сначала надраться?

– Не умничай. Глотни. Легче поймешь.

– А что это?

– «Белая Чайка».

– Что?

– Легкое снадобье, – улыбнулся Эскель, – для приятных сновидений.

– Черт возьми! Ведьмачий галлюциноген? Так вот почему у вас вечерами блестят глаза!

– «Белая Чайка» – мягкое средство. Галлюциногены содержит «Черная».

– Если в напитке есть магия, мне нельзя его брать в рот!

– Исключительно натуральные составляющие, – успокоил Геральт, но при этом мина у него была сконфуженная. Он явно опасался расспросов о составе эликсира. – К тому же разбавлены большим количеством воды. Мы б не стали предлагать что-то такое, что может навредить.

Игристая жидкость со странным вкусом обожгла холодом глотку, разлилась теплом по телу. Чародейка провела языком по деснам и нёбу. Но не смогла распознать ни одного составляющего элемента.

– Вы дали Цири выпить этой... «Чайки»? – догадалась она. – И тогда...

– Чистая случайность, – прервал ее Геральт. – В первый вечер, сразу по приезде... Она хотела пить. Бокал «Чайки» стоял на столе. Мы не успели оглянуться, как она выпила одним духом. И впала в транс.

– Набрались мы страха, – признался Весемир и вздохнул. – Ох, набрались, девочка. По горлышко.

– Она заговорила не своим голосом, – спокойно сказала Трисс, глядя ведьмакам в глаза, отражавшие огоньки свечей. – Начала говорить о том, чего знать не могла. Начала... пророчествовать. Верно? Что она говорила?

– Глупости, – сухо сказал Ламберт. – Бессмысленный бред.

– Не сомневаюсь, что вы тогда прекрасно поняли друг друга. Бред – твоя стихия, убеждаюсь всякий раз, стоит тебе раскрыть рот. Окажи любезность, не раскрывай его некоторое время. Лады?

– На этот раз, Трисс, – серьезно сказал Эскель, потирая шрам на щеке, – Ламберт прав. Глотнув «Чайки», Цири действительно заговорила так, что мы ничего не сумели понять. Тогда, в первый раз, это была полная белиберда. Только после...

Он осекся. Трисс догадливо покрутила головой.

– Только во второй раз она заговорила осмысленно. Стало быть, был и второй. Тоже после наркотика, который хлебнула по вашей неосмотрительности?

– Трисс, – поднял голову Геральт. – Сейчас не до шуток. Нас это не забавляет. Нас это тревожит и беспокоит. Да, был и второй раз. Цири довольно неудачно упала во время тренировки. Потеряла сознание. Когда пришла в себя, снова погрузилась в транс. И опять несла чепуху. И снова голос был не ее. И снова все было непонятно. Но я уже слышал подобные голоса, подобный характер речи. Так говорят несчастные, хворые, душевнобольные женщины, которых называют оракулами. Понимаешь, что я имею в виду?

– Полностью. Это во второй раз. Переходим к третьему. Геральт вытер лоб, вдруг покрывшийся испариной.

– Цири часто просыпается среди ночи, – начал он. – С криком. Она многое пережила. Она не хочет об этом говорить, но, несомненно, видела в Цинтре и Ангрене такое, что ребенку видеть не положено. Я даже опасаясь, что... кто-то ее... обидел. И это возвращается в снах. Обычно ее легко успокоить, она засыпает без труда... Но однажды, проснувшись, она снова впала в транс. Опять заговорила чужим, неприятным... злым голосом. Говорила четко и осмысленно. Пророчествовала, прорицала. И напороочила нам...

– Что? Что, Геральт?

– Смерть, – мягко сказал Весемир. – Смерть, дитя мое.

Трисс взглянула на Цири, пискливо упрекавшую Койона в обмане. Койон обнял ее, рассмеялся. Чародейка вдруг поняла, что никогда, никогда раньше не слышала, чтобы ведьмаки смеялись.

– Кому? – быстро спросила она, глядя на Койона.

– Ему, – сказал Весемир.

– И мне, – добавил Геральт. И улыбнулся.

– А когда проснулась...

– Ничего не помнила. А мы не расспрашивали.

– И правильно сделали. Теперь о пророчестве. Оно было конкретным, детальным?

– Нет, – глянул ей прямо в глаза Геральт. – Путаным. Не спрашивай об этом, Трисс. Нас печалит не содержание ворожбы и бреда Цири, а лишь то, что с ней творится. Мы боимся не за себя, а за...

– Осторожнее, – бросил Весемир. – Не говори об этом при ней.

Койон подошел к столу, таща девочку на закорках.

– Пожелай всем спокойной ночи. Полночь близко. Вот-вот кончится Мидинваэрн. С завтрашнего утра весна ближе с каждым днем!

– Пить хочется. – Цири слезла с закорок, потянувшись к кубку Эскеля. Ведьмак ловко отодвинул кубок, схватил кувшин с водой. Трисс быстро поднялась.

– Прошу, – подала она девочке свой наполовину полный кубок, одновременно многозначительно сжав руку Геральту и глядя в глаза Весемиру. – Пей.

– Трисс, – шепнул Эскель, видя, как Цири захлеб пьет. – Что ты делаешь? Это же...

– Помолчи, пожалуйста.

Ждать почти не пришлось. Цири вдруг напряглась, тихо крикнула, улыбнулась широкой, счастливой улыбкой. Зажмурилась, раскинула руки. Засмеялась, закружилась, затанцевала на цыпочках. Ламберт молниеносно отбросил стоявший на дороге табурет, Койон встал между танцующей девочкой и огнем камина.

Трисс вскочила, вырвала из-за декольте амулет – оправленный в серебро сапфир на тонкой цепочке. Крепко зажала его в кулаке.

– Дитя, – простонал Весемир, – что ты делаешь?

– Я знаю, что делаю, – сказала она резко. – Девочка впа-

ла в транс, а я установлю с ней психический контакт. Войду в нее. Я вам говорила, что она представляет собою что-то вроде магического посредника, передатчика, я должна знать, что она передает, как и откуда черпает ауру, как ее преобразовывает. Сегодня Мидинваэрн, удачная ночь для такого мероприятия...

– Не нравится мне это, – нахмурился Геральт. – Совсем не нравится.

– Если у одной из нас случится эпилептический припадок, – отмахнулась от него чародейка, – знаете, как поступить. Прутик в зубы, поддержать, переждать. Головы выше, ребята. Мне доводилось делать такое не раз.

Цири перестала плясать, села на пол, вытянула руки, опустила голову на колени. Трисс прижала к виску уже теплый амулет, прошептала формулу заклинания. Закрыла глаза, сосредоточилась, выслала импульс.

Море зашумело, волны с грохотом ударили в скалистый берег, высокими гейзерами взвились меж камней. Она махнула крыльями, ловя соленый ветер. Невероятно счастливая, спикировала, догнала стаю подружек, задела коготками хребты волн, снова взмыла в небо, роняя капли, стала планировать, носимая вихрем, шумящим в маховых и правильных перьях. Сила внушения, подумала она трезво. Всего лишь сила внушения. Чайка!

Тришисс! Тришисс!

Цири! Где ты?

Тришисс!

Чайки умолкли. Правда, чародейка еще чувствовала на лице мокрые брызги белых грив, но под ней уже не было моря. Вернее, было, но это было море трав, бескрайняя, уходящая за горизонт равнина. Трисс с ужасом поняла, что перед ней раскинулась степь, окружающая вершину Холма под Содденом. Но нет, это был не Холм. Это не мог быть Холм.

Небо вдруг потемнело, вокруг закрубились тени. Трисс видела длинную цепь размытых фигур, медленно спускающихся по склону. Слышала набегающие друг на друга шепотки, складывающиеся в непонятный, волнующий хор.

Цири стояла рядом, повернувшись спиной. Ветер развеивал ее пепельные волосы.

Туманные, нечеткие фигуры шли и шли бесконечной, долгой чередой. Проходя мимо, они поворачивали головы. Трисс придушила крик, глядя на равнодушные, спокойные, бесстрастные лица, на невидящие, мертвые глаза. Большинство лиц она не знала, не узнавала. Но некоторые – да.

Коралл. Ваньелла. Йойоль, Рябой Алекс...

– Зачем ты меня сюда привела? – шепнула она. – Зачем?

Цири повернулась. Подняла руку, и чародейка увидела струйку крови, стекающую по линии жизни с ладони на сустав.

– Это роза, – спокойно сказала девочка. – Роза из Шаэр-

раведда. Я укололась. Ничего страшного. Всего лишь кровь. Кровь эльфов...

Небо потемнело еще больше, а спустя мгновение разгорелось резкими, слепящими стрелами молний. Все замерло в тишине и неподвижности. Трисс остановилась рядом с Цири и увидела, что они стоят на краю бездонной пропасти, в которой клубится красноватый, как бы подсвеченный дым. Вспышка очередной беззвучной молнии выхватила из тьмы ведущую в глубь пропасти длинную мраморную лестницу.

– Так надо, – дрожащим голосом произнесла Цири. – Другого пути нет. Только этот. По лестнице вниз. Так надо, потому что, потому что... *Va'esse deireadh aep eigan...*

– Говори, – шепнула волшебница. – Говори, дитя.

– Дитя Старшей Крови... *Feainnewedd... Luned aep Hen Ichaer... Deithwen...* Белое Пламя... Нет, нет... Нет!

– Цири!

– Черный рыцарь... с перьями на шлеме... Что он мне сделал? Что тогда случилось? Я боялась... Я все еще боюсь. Это не кончилось, это никогда не кончится. Львенок должен умереть... Этого требуют интересы... Нет... Нет...

– Цири!

– Нет! – Девочка напряглась, крепко зажмурилась. – Нет, нет, не хочу! Не прикасайся ко мне!

Выражение ее лица резко изменилось, оно застыло, голос стал металлическим, холодным и враждебным, в нем зазвучала злая, жестокая насмешка:

– Ты явилась даже сюда, Трисс Меригольд? Даже сюда? Ты зашла слишком далеко, Четырнадцатая. Я тебя предостерегал.

– Кто ты? – вздрогнула Трисс. Но голос не выдал ее волнения.

– Узнаешь в свое время.

– Я узнаю сейчас!

Чародейка подняла руки, резко раскинула их, вложив все свои силы в волшебство опознания. Магическая завеса разорвалась, но за ней была вторая, третья... четвертая...

Трисс со стоном опустилась на колени. А реальность продолжала разрываться, раскрывались двери за дверями, длинный, бесконечный ряд дверей, ведущих в никуда. В пустоту.

– Ты ошиблась, Четырнадцатая, – проговорил насмешливый металлический голос. – Ты перепутала небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

– Не прикасайся... Не прикасайся к этому ребенку!

– Она не ребенок.

Губы Цири пошевелились, но Трисс видела, что глаза ее по-прежнему мертвые, стеклянные, отсутствующие.

– Она не ребенок, – повторил голос. – Она – Пламя, Белое Пламя, от которого займется и сгорит мир. Это Старшая Кровь, *Hen Ichaer*. Кровь эльфов. Зерно, которое не прорастет, не проклюнется, но полыхнет Пламенем, Кровь, которая будет осквернена... Когда придет *Tedd Deireadh*, Час Конца. *Va'esse deireadh aep eigan!*

– Ты предвещаешь смерть? – крикнула Трисс. – Только это ты и умеешь – предвещать смерть? Всем? Им, ей... Мне?

– Тебе? Ты уже мертва, Четырнадцатая. В тебе все уже умерло.

– Могуществом Высших Сфер, – простонала чародейка, собирая остатки сил и вода рукой в воздухе. – Водой, огнем, землей и воздухом заклинаю тебя. Заклинаю мыслью, сном и смертью, тем, что было, что есть и что будет! Заклинаю тебя. Кто ты? Говори!

Цири отвернулась. Ведущие в глубь пропасти ступени исчезли, растворились, на их месте возникло серое свинцовое море, пенящееся, вздыбленное ломкими хребтами волн. В тишину снова ворвался крик чаек.

– Лети, – проговорил голос устами девочки. – Пора. Возвращайся, откуда пришла, Четырнадцатая с Холма. Лети на крыльях чайки и слушай крики других чаек. Слушай внимательно!

– Заклинаю тебя...

– Ты не можешь. Лети, чайка!

И неожиданно вновь возник свистящий вихрь, влажный и соленый ветер, и был полет, полет без конца и начала. Дико кричали чайки. Кричали и повелевали.

Трисс?

Цири?

Забудь о нем! Не мучай его... Трисс!

Забудь!

Трисс! Трисс! Трисс!

Трисс!

Она открыла глаза, откинула голову на подушку, пошевелила онемевшими руками.

– Геральт?

– Я здесь, с тобой. Как ты себя чувствуешь?

Трисс осмотрелась. Она лежала на кровати в своей комнате. На лучшей кровати во всем Каэр Морхене.

– Что с Цири?

– Она спит.

– Как долго...

– Слишком долго, – прервал он, накрыл ее одеялом, обнял. Когда наклонялся, медальон с волчьей мордой замаячил у нее перед глазами. – Ты поступила не лучшим образом, Трисс.

– Все в порядке. – Она вздрогнула в его объятиях и тут же подумала: «Все вовсе не в порядке». Потом повернула голову так, чтобы медальон не прикасался к лицу. Теорий о свойствах ведьмачьих амулетов было множество, но ни одна не советовала чародейкам прикасаться к ним в дни и ночи Солнцестояний.

– Мы... Мы что-нибудь говорили в трансе?

– Ты – нет. Все время была без сознания. Цири... прежде чем проснуться... сказала: *Va'esse deireadh aep eigan...*

– Она знает Старшую Речь.

– Не настолько, чтобы построить полную фразу...

– ...означающую «Что-то кончается». – Чародейка провела по лицу рукой. – Геральт, все очень серьезно. Девочка – невероятно мощный медиум. Не знаю, с чем и с кем она контактирует, но думаю, для нее не существует пределов контакта. Что-то хочет овладеть ею. Что-то... что для меня чересчур могущественно. Я боюсь за нее. Очередной транс... может кончиться психическим срывом. Я не могу этого осилить, не умею овладеть, не смогу... В случае нужды я не смогла бы заблокировать, приглушить ее способности, не сумела бы постоянно их гасить, если б потребовалось. Ты должен воспользоваться помощью... другой чародейки. Более способной. Более опытной. Ты знаешь, о ком я.

– Знаю. – Он отвернулся, поджал губы.

– Не упрямься. Не сопротивляйся. Я догадываюсь, почему ты обратился не к ней, а ко мне. Перебори гордыню, перебори обиду и ожесточение. Это бессмысленно. Ты измучаешься. К тому же ты рискуешь здоровьем и жизнью Цири. То, что скорее всего произойдет с ней в очередном трансe, может оказаться хуже Испытания Травами. Обратись за помощью к Йеннифэр, Геральт.

– А ты, Трисс?

– Что я? – Она с трудом сглотнула. – Я не в счет. Я подвела тебя. Подвела во всем. Я была... была твоей ошибкой. Ничем больше.

– Ошибки, – медленно проговорил он, – тоже зачисляются на мой счет. Я не вымарываю их из жизни и из памяти. И никогда не ищу виновных. Ты многое значила для меня и всегда будешь значить. Ты никогда не подводила меня, не разочаровывала. Никогда. Поверь.

Она долго молчала, наконец сказала, сдерживая дрожь в голосе:

– Я останусь до весны. Буду рядом с Цири... Буду приглядывать за ней. Днем и ночью. Я буду с ней днем и ночью. А весной... Весной мы отвезем ее в Элландер в храм Мелитэле. Возможно, то, что хочет взять над нею власть, не сможет подступиться к ней в храме. И тогда ты обратишься за помощью к Йеннифэр.

– Хорошо, Трисс. Благодарю тебя.

– Геральт...

– Слушаю.

– Цири сказала что-то еще, верно? Что-то такое, что слышал только ты. Что?

– Нет, – возразил он, и голос у него дрогнул. – Нет, Трисс.

– Прошу тебя.

– Она обращалась не ко мне.

– Знаю. Ко мне. Скажи, прошу.

– Уже когда проснулась... Когда я ее поднял... Она прошептала: «Забудь о нем. Не мучай его».

– Не буду, – сказала Трисс тихо. – Но забыть не могу. Прости.

- Это я должен просить у тебя прощения. И не только у тебя.
- Ты так сильно любишь. – Она не спросила, сказала.
- Да, – вполголоса признался он после долгого молчания.
- Геральт...
- Слушаю, Трисс.
- Побудь эту ночь со мной.
- Трисс...
- Только побудь.
- Хорошо.

* * *

Вскоре после Мидинваэрна снег перестал. Ударили морозы.

Трисс не оставляла Цири одну ни днем, ни ночью. Все время была настороже.

Девочка почти каждую ночь просыпалась с криком. Бредила, плакала. Чародейка успокаивала ее заклинаниями и эликсирами, усыпляла, обнимая и покачивая на руках. А потом долго не могла уснуть сама, размышляя о сказанном Цири во сне и после пробуждения. И чувствовала всевозрастающий страх. *Va’esse deireadh aep eigeán.* Что-то кончается...

Так продолжалось десять дней и ночей. И неожиданно прошло. Кончилось, исчезло бесследно. Цири успокоилась, спала спокойно, без сновидений, без бреда.

Но Трисс неустанно присматривала за ней. Не отходила от девочки ни на шаг. Все время была настороже.

– Быстрее, Цири! Шаг вперед, отскок! Полупируэт, удар, отскок! Удерживай равновесие левой рукой, иначе свалишься с гребня! И побьешь себе... женские атрибуты!

– Что?

– Ничего. Не устала? Если хочешь, передохнем.

– Нет, Ламберт! Могу еще. Я не такая слабая, не думай. Может, попробовать скакать через каждый второй столбик?

– И не мечтай! Упадешь, тогда Меригольд оторвет мне... э... голову!

– Не упаду!

– Я сказал, повторять не буду. Без фокусов! Больше показывать не стану! Тверже ноги! И дыхание, Цири, дыхание! Сопишь, словно подышающий мамонт!

– Неправда!

– Не пищи! Работай! Нападение, отскок! Выпад! Полуповорот! Выпад! Полный оборот! Увереннее на столбиках, черт побери! Не качайся! Шаг вперед, удар! Быстрее! Полуоборот! Прыгай и... коли! Вот так! Очень хорошо!

– Правда? Правда было хорошо, Ламберт?

– Кто это сказал?

– Ты! Только что.

– Оговорился. Выпад! Полуоборот! Отскок! И еще раз! Цири, а где защита? Сколько раз можно повторять? После

отскока всегда должна быть защита, выброс клинка, прикрывающий голову и шею. Всегда!

– Даже если дерусь с одним противником?

– Никогда не знаешь, с кем дерешься! Никогда не знаешь, что позади, за тобой. Заслоняться надо всегда. Работай ногами и мечом. Необходимо выработать абсолютный рефлекс. Рефлекс, понимаешь? Об этом нельзя забывать. Забудешь в настоящем бою – и тебе крышка. Еще раз! Ну! Вот так! Видишь, как здорово получилось с таким выпадом? Таким фортелем ты можешь отразить любой удар и наносить сама. Можешь бить назад, если понадобится. Ну, покажи пируэт и удар назад.

– Ххаа-а!

– Очень хорошо. Понимаешь, в чем вся штука? Дошло?

– Я не дурочка!

– Ты девочка! Все девочки... без понятия.

– Эх, Ламберт, если б тебя услышала Трисс!

– Если бы да кабы во рту выросли бобы, то был бы не рот, а целый огород. Ну, достаточно.

– Я не устала.

– А я устал. Сказал, отдых. Слезай с гребня.

– Сальто?

– А ты как хотела бы? Как курица с насеста? Давай прыгай. Не бойся, я подстрахую.

– Ххаа-а!

– Ловко. Для девчонки очень даже хорошо. Можешь снять

повязку с глаз.

– Трисс, может, на сегодня довольно? А? Давай возьмем санки и покатаемся с горки? Солнце светит, снег искрится, аж глазам больно! Прекрасная погода!

– Не высовывайся, вывалишься из окна.

– Пойдем за санками, Трисс! Ну, Трисс!

– Скажи это Старшей Речью. Урок окончен. Отойди от окна, возвращайся к столу... Цири, сколько раз можно просить? Перестань размахивать мечом. Положи.

– Это мой новый меч! Настоящий, ведьмачий! Из стали, которая упала с неба! Правда-правда! Так сказал Геральт, а он никогда не лжет, ты же знаешь!

– О да. Знаю.

– Мне надо к этому мечу привыкнуть. Дядя Весемир подогнал его как раз к моему весу, росту и длине руки. Я должна приучить к нему кисть и запястье.

– Приучай себе на здоровье, только во дворе. Не здесь. Ну, слушаю. Кажется, ты собиралась предложить мне покататься на санках. Старшей Речью. Ну, предлагай.

– Хм... Как будет «санки»?

– Sledd – как предмет. Aesledde – как действие.

– Ага. Понятно. Va'en aesledde ell'ea?

– Так вопрос заканчивать нельзя. Это невежливая форма.

Вопрос подчеркивают интонацией.

– Но дети с Островов...

– Ты изучаешь не скеллигский жаргон, а классическую Старшую Речь.

– А к чему она мне, эта Речь?

– К тому, чтобы ее знать. Полезно научиться тому, чего еще не знаешь. Кто не знает языков – тот калека.

– Все равно все разговаривают на всеобщем!

– Верно. Но некоторые – не только на нем. Уверяю тебя, Цири, лучше причислить себя к некоторым, чем ко всем. Ну, слушаю. Итак, полная фраза: «Погода у нас сегодня прекрасная, поэтому пойдем кататься на санках».

– Elaine... Хм... Elaine tedd a'taeghane, a va'en aes-ledde.

– Прекрасно!

– Ха! Ну, пошли кататься.

– Пошли. Но позволь мне докончить макияж.

– Для кого это ты так размалевываешься, а?

– Для себя. Женщина подчеркивает красоту ради улучшения самочувствия.

– Хм... Знаешь что? Я тоже скверно себя чувствую. Не смейся, Трисс!

– Иди сюда. Садись ко мне на колени. Отложи меч, я же просила? Спасибо. Теперь возьми вон ту большую кисточку, попудри лицо. Не так сильно, дева, не так сильно! Глянь в зеркало. Видишь, какая ты красивая?

– Не вижу никакой разницы. Я подкрашу себе глаза, хорошо? Почему ты смеешься? Ты же всегда красишь глаза. Я тоже хочу.

– Хорошо. Давай наложи вот эти тени на веки. Не зажмуривайся, ты же ничего не видишь, размазываешь по всей мордашке. Возьми немного и только чуточку махни по векам. Махни, говорю! Дай-ка я разотру. Закрой глаза. А теперь открой.

– О-о-о!

– Чувствуешь разницу? Чуточку теней не помешает даже таким красивым глазкам, как твои. Эльфки знали, что делали, когда придумывали тени для век.

– Эльфки?

– Ты не знала? Макияж – изобретение эльфов. Мы много полезного позаимствовали у Старшего Народа. Чертовски мало дав им взамен. Теперь возьми мелок, тоненько обведи верхнее веко, у самых ресниц. Цири, что ты делаешь?

– Не смейся. У меня же веко дрожит!

– Немножко раскрой рот, дрожать перестанет. Видишь? Готово.

– Ого!

– Ну, теперь пойдём повергнем своей красотой наших ведьмаков в шок. Не знаю ничего более приятного. А потом возьмем санки и размажем весь макияж в глубоких сугробах.

– И раскрасимся снова!

– Нет. Велим Ламберту натопить баню и искупаемся.

– Опять? Ламберт говорит, что мы расходует слишком много дров на наши купания.

– Lamberth caen me a'baeth aep arse.

– Что? Этого я не поняла...

– Со временем научишься идиомам. До весны еще успеешь много чего узнать. А теперь... *Va'en aesledde, me elaine lured!*

– Ну, что на картинке... Да нет, черт возьми, не на той... На этой. Это, как ты уже знаешь, гуль. Послушаем, что тебе известно о гулях... Эй, дева, а ну-ка глянь на меня. Слушай, что там у тебя, ядрена вошь, на веках?

– Хорошее самочувствие.

– Чего-чего? Ну ладно. Слушаю.

– Хм... Гуль, дядя Весемир, это чудище, которое пожирает трупы. Встретить его можно на кладбищах, около курганов, всюду, где погребывают, не – погребают мертвецов. В не... некрополях. На местах схваток, на побоищах...

– Выходит, опасен он только для покойников, так, что ли?

– Не только. На живых гуль тоже нападает. Когда голоден или разъярен. Например, когда идет бой... Много погибших людей...

– Что с тобой, Цири?

– Ничего.

– Послушай. Забудь о прошлом. Оно уже не вернется.

– Я видела... В Соддене и Заречье... Целые поля... Они лежали там, их грызли волки и одичавшие собаки. Расклевывали птицы... Наверняка там были и гули...

– Потому ты сейчас и изучаешь гулей. Известное переста-

ет быть кошмаром. То, с чем умеешь бороться, уже не так страшно. Как бороться с гулем, Цири?

– Серебряным мечом. На гуля действует серебро.

– Что еще?

– Яркий свет. И огонь.

– Значит, с ним можно бороться при помощи света и огня?

– Можно, но опасно. Ведьмак не должен пользоваться ни светом, ни огнем. Это мешает видеть. Яркий свет отбрасывает тени, а тени затрудняют о... риентацию. Драться всегда надо в темноте, при свете луны или звезд.

– Совершенно верно. Правильно запомнила, понятливая девочка. А теперь взгляни на эту гравюру.

– Уууу...

– Согласен. Эта сук... Это существо не из красивых. Это гравейр. Гравейр – разновидность гулей. Он очень похож на гуля, но гораздо крупнее. Отличают его также, как видишь, три костяных гребня на черепе. Остальное – как у любого трупоеда. Обрати внимание: когти короткие и тупые, пригодные для разгребания могил, для рытья земли. Мощные зубы, которыми он дробит кости, и длинный тонкий язык, чтобы вылизывать из них разложившийся мозг и жир. Как следует провонявшее сало для гравейра – деликатес... Что с тобой?

– Нннничего...

– Ты совсем бледная. И зеленая. Очень мало ешь. Ты зав-

тракала?

– Дааа... ела...

– О чем это я? Ага, чуть не забыл. Запомни, это важно. У гравейров, гулей и других чудовищ из этой группы нет собственной экологической ниши. Они – реликты периода Сопряжения Сфер. Убивая их, мы не нарушаем сложившихся в природе, в нашей теперешней сфере систем и связей. Эти чудовища чужды нашей теперешней сфере, им здесь нет места. Это ты понимаешь?

– Понимаю, дядя Весемир. Геральт мне объяснял. Все знаю. Экологическая ниша – это...

– Хорошо, хорошо. Я знаю, что это такое. Если Геральт объяснил, повторять не надо. Вернемся к гравейру. К счастью, гравейры встречаются довольно редко, потому что это крайне опасные сук... М-да. Малейшее повреждение при схватке с гравейром кончается заражением трупным ядом. Каким эликсиром вылечивается заражение трупным ядом? Ну?

– «Иволгой».

– Правильно. Но лучше избегать заражения. Поэтому, борясь с гравейром, нельзя приближаться к поганцу вплотную. Надо всегда держать дистанцию, а удар наносить с наскока.

– Хм... А в какое место лучше всего его трахнуть?

– Не трахнуть, а треснуть. Теперь перейдем именно к этому. Смотри...

– Еще раз, Цири. Прodelаем это медленно, так, чтобы ты могла овладеть каждым движением. Смотри, нападаю на тебя с терции, с третьей позиции, наклоняюсь как для укола... Почему ты пятишься?

– Потому что знаю, это финт. Ты можешь пойти в широкий синистр, левый разворот или ударить батманом с верхней кварты, четвертой позиции. А я отступлю и отвечу контрвыпадом!

– Неужто? А если я сделаю так?

– И-и-и! Ты же хотел медленно! Что я сделала неверно? Скажи, Койон?

– Ничего. Просто я выше тебя и сильнее.

– Это нечестно!

– Нет такого понятия, как честный бой. В бою используют любое преимущество и любую возможность. Отступая, ты позволила мне вложить в удар большую силу. Вместо того чтобы пятиться, надо было применить полуповорот влево и попробовать достать меня снизу, квартой из декстера, под подбородок, в щеку либо в горло.

– Так ты и позволишь! Сделаешь обратный пируэт и рубанешь меня по левой стороне шеи прежде, чем я успею закрыться! Откуда мне знать, как ты поступишь?

– Должна знать. И знаешь.

– Как же!

– Цири, то, что мы делаем, – бой. Я твой противник. Хочу и должен тебя победить. Ведь речь идет о моей жизни.

Я выше тебя и сильнее, поэтому буду использовать любой удобный случай для ударов, которыми собою тебя с ритма и сломаю твою защиту, как ты только что видела. Зачем мне пируэт? Я уже в синистре. Смотри. Нет ничего проще, как ударить из второй позиции под мышку, внутрь предплечья. Если я вспорю тебе вену, ты умрешь через несколько секунд. Защищайся!

– Ха-а-а!

– Очень хорошо. Прекрасная, мгновенная защита. Видишь, какгодились упражнения с суставами. А теперь – внимание, многие фехтовальщики совершают ошибку в статической обороне, на секунду замирают, и тогда их можно опередить, ударить – так!

– Ха-а-а!

– Прекрасно! Но отскакивай, тут же отскакивай – и в пируэт! У меня в левой руке может быть кинжал! Хорошо! Очень хорошо! А теперь, Цири? Как я поступлю теперь?

– Откуда я знаю?

– Наблюдай за моими ногами. Как у меня распределен вес тела? Что можно сделать из такой позиции?

– Все!

– Поэтому крутись, крутись, заставь меня развернуться! Защищайся! Хорошо! Не гляди на мой меч, мечом я могу тебя обмануть! Защищайся! Хорошо! И еще раз! Хорошо! И еще!

– Ау-у-у!

– Скверно.

– Фу... Что я сделала не так?

– Ничего. Просто я был быстрее. Сними щитки. Присядем на минутку. Передохнем. Ты устала, все утро бегала по Мучильне.

– Я не устала. Я есть хочу.

– Черт возьми, я тоже. А сегодня кухарит Ламберт, он не умеет готовить ничего, кроме клецек... Да если б их варил как следует...

– Койон?

– А?

– Я все еще не очень ловкая.

– Ты очень ловкая.

– Я буду когда-нибудь такой же ловкой, как ты?

– Сомневаюсь.

– Хм... Ну ладно. А ты... Кто самый лучший фехтовальщик на свете?

– Понятия не имею.

– Ты никогда не знал такого?

– Я знал многих, которые считали себя лучшими.

– Хо-хо! Кто они были? Как их звали? Что они умели?

– Потихоньку, потихоньку, девочка! У меня нет ответов на твои вопросы. А это так важно?

– Именно что важно! Хотелось бы знать... кто они – такие фехтовальщики. И где их найти.

– Где найти-то – я знаю.

– Ну и где же?

– На кладбищах.

– Внимательнее, Цири. Теперь подвесим третий маятник, с двумя ты уже управляешься. Шаги будешь делать как и при двух, просто сделаешь одним вольтом больше. Готова?

– Да.

– Соберись. Расслабься. Вдох, выдох. Нападай!

– Ух! Ау-у-у... Черт!

– Не ругайся, пожалуйста. Здорово досталось?

– Нет. Просто задело... Я опять сделала что-то не так?

– Слишком строго выдерживала ритм и чересчур ускорила второй пируэт, а финт сделала шире, чем надо. В результате тебя занесло прямо под маятник.

– Ох, Геральт, там совсем нет места для вольта и разворота! Они слишком плотно висят!

– Там прорва места, уверяю тебя. Просто расстояния между маятниками задуманы так, чтобы создать неритмичное движение. Это бой, Цири, не балет. В бою нельзя двигаться ритмично. Ты должна движением сбивать противника, обманывать его, мешать ему. Ты готова?

– Готова. Раскачай эти чертовы тюки.

– Не ругайся. Расслабься. Нападай!

– Ха! Ха-а! Ну и как, а? Геральт? Меня вовсе не задело.

– И ты даже не скользнула мечом по второму мешку. Повторяю, это бой, а не балет, не акробатика... Что ты там бор-

мочешь?

– Ничего.

– Расслабься. Поправь повязку на запястье. Не стискивай так рукоять меча, это отвлекает, мешает соблюдать равновесие. Дыши спокойно. Готова?

– Да.

– Начинай!

– У-у-ух! А, чтоб тебя... Геральт, у меня ничего не получится. Тут слишком мало места для финта и смены ноги. А когда я ударю с обеих ног, без финта...

– Видел я, что делается, когда ударяешь без финта. Больно?

– Не очень...

– Присядь. Передохни.

– Я не устала. Геральт, мне под третьим маятником не проскочить, хоть десять лет отдыхай. Быстрее я не могу.

– И не надо. Ты и без того достаточно быстра.

– Тогда скажи, как это сделать? Одновременно полуповорот, вольт и удар?

– Все очень просто. Ты была невнимательна. Я же сказал, нужно одним вольтом больше. Вольтом. Дополнительный пируэт не нужен. Он – лишний. Второй раз ты все делала хорошо и прошла все маятники.

– Но не ударила мешка, потому что... Геральт, без полуоборота я ударить не могу, теряю скорость, нету у меня этого, как его, ну как оно называется?

– Инерция. Это верно. Ты наберешь и инерцию, и энергию, но не за счет пируэта и смены ног. На это у тебя не хватает времени. Ударь маятник мечом.

– Маятник? Бить по мешкам?

– Это поединок, Цири. Мешки выявляют слабые места твоего противника, в которые ты должна попадать. Маятников, которые имитируют оружие противника, ты должна избегать, уклоняться от них. Если маятник тебя коснется, считай, что ты ранена. В настоящем бою ты уже могла бы не встать. Маятник не должен тебя коснуться. Но ты можешь его ударить... Ты что загрузила?

– Я... Я не смогу отразить удар маятника мечом. Я слишком слабая... И всегда буду слабой! Потому что я девочка!

– Иди сюда, девочка. Вытри нос. И послушай внимательно. Ни один богатырь в мире, ни один силач или здоровяк не сумеют парировать удара, который нанесет ослизг хвостом, гигаскорпион клещами или гриф когтями. А маятники изображают именно это оружие. Даже и не пытайся парировать их удары. Маятника ты не отбросишь, а вот сама отлетишь от него. К тебе перейдет его энергия, необходимая, чтобы ты смогла нанести удар. Достаточно легко, но очень быстро отбиться и тут же немедленно нанести такой же быстрый удар с противоположного полуоборота. Оттолкнувшись, ты получишь инерцию. Ясно?

– Угу.

– Скорость, Цири, а не сила. Сила нужна дровосеку, ко-

торый топором валит деревья в дебрях. Потому-то девочки редко бывают лесорубами. Поняла, в чем дело?

– Угу. Раскачивай маятники.

– Сначала передохни.

– Я не устала.

– Уже поняла как? Такие же шаги, финт...

– Знаю.

– Нападай!

– Ха-а! Ха! Ха-а-а-а!!! Вот и все! Достала я тебя, гриф!

Геральт, ты видел?

– Не ори. Контролируй дыхание.

– Получилось! Честное слово, получилось! Геральт! Получилось! Похвали меня! Геральт!

– Браво, Цири! Браво, девочка.

В середине февраля теплый ветер, повеявший с юга, с перевала, слизал снег.

О том, что творится в мире, ведьмаки знать не желали.

Трисс последовательно и настойчиво направляла на политику вечерние беседы, которые они вели в темном холле, освещаемом вспышками огня в огромном камине. Реакции ведьмаков всегда были одинаковы: Геральт молчал, приложив руку ко лбу. Весемир кивал, время от времени вставляя замечания, из которых следовало только то, что «в его времена» все было лучше, логичнее, приличнее и здоровее. Эс-

кель прикидывался внимательным слушателем, не скупился на улыбки и милые взгляды, иногда даже ему случалось заинтересоваться каким-нибудь маловажным вопросом. Кой-он откровенно зевал и глядел в потолок, а Ламберт не скрывал пренебрежения.

Они не желали знать ни о чем, им дела не было до дилемм, которые сгоняли сон с глаз королей, чародеев, владык и вождей, проблем, от которых дрожали и гудели советы, рады и думы. Для них не существовало ничего, что творилось за утопающими в снегах перевалами, за Гвенлলেখом, несущим свинцовым потоком ледяные глыбы. Для них существовал только Каэр Морхен, одинокий, затерянный в диких горах замок.

В тот вечер Трисс была раздражена и беспокойна – возможно, причиною был ветер, воющий в разрушенных стенах замка. В тот вечер все были странно возбуждены – ведьмаки, за исключением Геральта, стали непривычно разговорчивы. Разумеется, все разговоры крутились вокруг одного – весны да приближающегося в связи с этим выезда на большак. Конечно, говорили и о том, что принесет им большак, – о вампирах, выворотнях, леших, ликантропах и василисках.

Теперь уж зевать и глядеть в потолок пришла пора Трисс. На сей раз она молчала до тех пор, пока Эскель не задал вопроса, которого она так долго ждала.

– Слушай, как все в действительности обстоит на Юге, на Яруге? Стоит ли направляться туда? Не хотелось бы попасть

в самую заварушку.

– Что ты называешь заварушкой?

– Ну... – запинаясь, пробормотал он, – понимаешь... Ты все время толкуешь нам о возможности новой войны... О непрекращающихся стычках на границах, о бунтах на занятых Нильфгаардом землях. Намекаешь на то, что ходят слухи о возможности новой переправы нильфгаардцев через Яругу...

– Пустое, – сказал Ламберт. – Дерутся, режут, рубятся без устали сотни лет. Не в новинку. Я уже решил: двину на дальний Юг, в Содден, Махакам и Ангрэн. Известно, там, где прошли войска, особо плодятся страховиды. В таких местах всегда можно было неплохо заработать.

– Факт, – поддержал Койон. – Местность пустеет, по деревням одни бабы, управиться не могут. Кругом без крова и присмотра шастают ребята. Легкая добыча приманивает чудищ.

– А у господ баронов, – добавил Эскель, – комесов разных, войтов с солтысами головы заняты войной, им не до защиты подданных. Приходится нанимать нас. Все так. Но из того, что нам тут поведала Трисс, следует, что конфликт с Нильфгаардом – дело серьезное. Никакая не междоусобица. Верно, Трисс?

– Даже если и так, – язвительно сказала чародейка, – вам-то это, думается, только на руку? Серьезная, кровопролитная война еще больше опустошит деревни, наплодит овдо-

вевших баб, несметное множество осиротевших детей...

– Не понимаю сарказма. – Геральт отнял руку ото лба. – Действительно не понимаю, Трисс.

– Да и я тоже, дитя, – поднял голову Весемир. – О ком речь? О вдовах и детях? Ламберт и Койон занимаются трепотней, словно дети малые, но ведь не слова важны. Ведь они...

– ...они этих детей защищают, – гневно прервала Трисс. – Да. Знаю. Спасают от оборотней, которые за год убивают двух, ну, трех детей, в то время как нильфгаардцы могут за один час вырезать и спалить целое поселение. Да, вы сирот защищаете. А я хочу, чтобы сирот было как можно меньше. Борюсь с причинами, а не с последствиями. Поэтому вхожу в Совет Фольтеста из Темерии, сижу там вместе с Феркартом и Кейрой Мец. Мы обсуждаем, как не допустить войны, а если она все же случится, как защищаться. Потому что война висит над нами как стервятник, неустанно. Для вас она – приключение. Для меня – игра, ставка в которой – выживание. Я втянута в эту игру, поэтому мне больно и оскорбительно видеть ваши безразличие и беззаботность.

Геральт выпрямился, взглянул на нее.

– Мы – ведьмаки, Трисс. Разве ты не понимаешь?

– А что тут понимать? – тряхнула каштановой гривой чародейка. – Все ясно и понятно. У вас вполне определенное отношение к миру. То, что этот мир стоит на грани катастрофы, вас не колышет. Меня же – колышет. В этом наше раз-

личие.

– Думаю, не только в этом.

– Мир разваливается, – продолжала она. – На это можно смотреть сложа ручки, а можно этому противодействовать.

– Как? – криво усмехнулся Геральт. – Эмоциями?

Трисс отвернулась к пылающему в камине огню и ничего не ответила.

– Мир разваливается, – проговорил Койон, покачивая головой в притворной задумчивости. – Уж сколь раз я это слышал.

– Я тоже, – поморщился Ламберт. – И неудивительно, в последнее время это стало расхожей фразой. Так говорят короли, когда становится ясно, что для правления потребна хоть капелька ума. Так говорят купцы, когда алчность и дурость доводят их до банкротства. Так говорят чародеи, когда начинают терять влияние на политику либо источники дохода. А тем, кому адресованы их сетования, хотелось бы услышать хоть мало-мальски толковое предложение. Закругляйся, Трисс, и давай выкладывай свои прожекты.

– Меня никогда не забавляли словесные перепалки, – чародейка кинула на него холодный взгляд, – и красноречивые фразы, цель которых – посмеяться над собеседником. Это, понимаете ли, не для меня. Что я имею в виду, вы знаете прекрасно. Вам нравится прятать голову в песок? Ваше дело. Но ты, Геральт, меня удивляешь.

– Трисс, – беловолосый ведьмак снова взглянул ей в гла-

за, – чего ты от меня ждешь? Чтобы я активно участвовал в борьбе за сохранение разваливающегося мира? Записался в армию и сдерживал Нильфгаард? Встал, ежели начнется очередная битва за Содден, с тобою рядом на Холме, плечом к плечу, и дрался за свободу?

– Я гордилась бы, – сказала она, опустив голову. – Я была бы горда и счастлива, если б могла драться рядом с тобой.

– Верю. Но я недостаточно благороден для этого. И недостаточно мужественен. Я не гожусь в солдаты и герои. Я мучительно боюсь погибнуть либо остаться калекой. Но это не единственная причина. Солдата нельзя заставить не бояться, но можно вооружить основанием, мотивацией, которая поможет ему перебороть страх. А у меня такой мотивации нет. И быть не может. Я – ведьмак. Искусственно созданный мутант. Я убиваю чудовищ. За деньги. Защищаю детей, если родители заплатят. Если мне заплатят нильфгаардские родители, я стану защищать нильфгаардских детей. И если даже весь мир превратится в развалины, во что я не верю, я буду убивать чудовищ на развалинах до тех пор, пока какое-нибудь из них не прикончит меня. Вот моя судьба, моя мотивация, моя жизнь и мое отношение к миру. И выбирал не я. Это сделали за меня другие.

– Ты ожесточен, – заметила Трисс, нервно теребя прядку волос. – Либо прикидываешься таковым. Забываешь, что я тебя знаю, не разыгрывай передо мной бесчувственного, бессердечного, беспринципного и безвольного мутанта. А при-

чину жестокости я угадываю и понимаю. Пророчество Цири, верно?

– Неверно, – холодно ответил он. – Похоже, однако, ты мало меня знаешь. Я боюсь смерти, как любой, но с мыслью о ней освоился давным-давно и так же давно избавился от радужных иллюзий. Но я вовсе не сетую на свою судьбу, Трисс, тут простой холодный расчет. Статистика. Еще ни один ведьмак не умер от старости, в постели, диктуя завещание. Ни один. Цири не застала меня врасплох и не напугала. Я знаю, что умру в какой-нибудь смердящей падалью яме, разорванный на куски грифом, ламией или мантихором. Но я не хочу умирать на войне, ибо это не моя война.

– Меня удивляют, – резко ответила Трисс, – удивляют твои слова, отсутствие мотивации, как ты по-ученому пожелал окрестить безразличие и равнодушие. Ты был на Соддене, в Ангрене и в Заречье. Ты знаешь, что случилось с Цинтрой, знаешь, что случилось с королевой Калантэ и несколькими тысячами тамошних людей. Знаешь, сквозь какой ад прошла Цири, знаешь, почему она кричит по ночам. Я тоже это знаю, потому что я там тоже была. Я тоже боюсь смерти и боли, сегодня боюсь еще больше, чем тогда. У меня есть на то причины. А что до мотиваций, то тогда мне казалось, что у меня их не больше, чем у тебя. Какое мне, чародейке, дело до судеб Соддена, Бругге, Цинтры или других королевств? До головной боли более или менее толковых властителей и владык? До интересов купцов и баронов? Я была чародейкой и

тоже могла сказать: это, мол, не моя война, я, дескать, могу и на развалинах мира составлять эликсиры для нильфгардцев. Вместо этого я встала на Холме рядом с Вильгефорцем, рядом с Артаудом Террановой, рядом с Феркартом, рядом с Энид Финдабаир и Филиппой Эйльхарт, рядом с твоей Йеннифэр. Рядом с теми, кого уже нет, – Коралл, Йойоль, Ваньелле... Был такой момент, когда я от страха забыла все заклинания, кроме одного, с помощью которого могла телепортироваться с того страшного места домой, в мою маленькую башенку в Мариборе. Была такая минута, когда меня начало рвать от ужаса, а Йеннифэр и Коралл поддерживали меня за шею и волосы...

– Прекрати. Прекрати, прошу тебя...

– Нет, Геральт, не прекращу. Ты же хочешь знать, что произошло там, на Холме. Так слушай – были гул и пламя, были огненные стрелы и разрывающиеся огненные шары, были рев и грохот, а я вдруг оказалась на земле, на какой-то куче тлеющего, дымящегося тряпья, и неожиданно поняла, что эта куча тряпья – Йойоль, а рядом то ужасное, то тело без рук и ног, которое так жутко кричит, – Коралл. И я думала, что кровь, в которой я валяюсь, это кровь Коралл. Но это была моя собственная кровь. И когда я увидела, что со мною сделали, я начала выть, выть, как побитый пес, как незаслуженно обиженный ребенок... Оставь меня! Не бойся, я не расплачусь. Я уже давно не девочка из башенки в Мариборе. Я, черт побери, Трисс Меригольд. Четырнадцатая погибшая

под Содденом. Под Обелиском на Холме четырнадцать могил, но только тринадцать тел. Тебя удивляет, что такое могло случиться? Большинство трупов было невозможно распознать по их кускам, да никто и не разбирал. Живых тоже трудно было пересчитать. Из тех, кто меня хорошо знал, в живых осталась только Йеннифэр, а Йеннифэр ослепла. Другие знали меня мимолетно, обычно узнавали по прекрасным волосам. А их-то, черт побери, уже не было!

Геральт крепче обнял ее. Она уже не пыталась его оттолкнуть.

– Для нас, уцелевших, не пожалели самых действенных чар, – глухо продолжала она, – заклинаний, эликсиров, амулетов и артефактов. Не было ничего такого, чего бы не отдали для покалеченных героев с Холма, нас вылечили, подлатали и вернули прежнюю внешность, волосы и зрение. Почти не видно... следов. Но я уже никогда не надену декольтированного платья, Геральт. Никогда.

Ведьмак молчал, молчала и Цири, которая беззвучно проскользнула в холл и задержалась на пороге, ссутулившись и скрестив руки на груди.

– Поэтому, – помолчав, сказала чародейка, – не говори мне о мотивации. Прежде чем мы встали на том Холме, Капитул просто сказал: «Так надо». Чья это была война? Что мы там защищали? Землю? Границы? Людей и их халупы? Интересы королей? Влияние и доходы чародеев? Порядок от Хаоса? Не знаю. Но защищали, ибо так было надо. И если

понадобится, я встану на Холме снова. Потому что если я этого теперь не сделаю, значит, тогда все было впустую.

– Я встану рядом с тобой! – тоненько крикнула Цири. – Вот увидишь, встану! Нильфгаардцы заплатят мне за бабушку, за все... Я не забыла!

– Тихо, – проворчал Ламберт. – Не встревай в разговоры старших.

– Еще чего! – топнула ножкой девочка, и глаза у нее загорелись зеленым огнем. – Думаете, зачем я учусь драться мечом? Хочу убить его, того черного рыцаря, того, с крыльями на шлеме, за то, что он со мной сделал, за то, что я так боялась! И я его убью! Для этого и учусь!

– Значит, теперь учиться перестанешь, – сказал Геральт голосом, с холодностью которого могли бы поспорить стены Каэр Морхена. – Пока не поймешь, что такое меч и чему он должен служить в руке ведьмака, не возьмешь его в руки. Ты учишься не для того, чтобы убивать и быть убитой. Ты учишься убивать не из страха и ненависти, а для того, чтобы уметь спасти жизнь. Свою и чужую.

Девочка закусила губы, дрожа от возбуждения и злобы.

– Поняла?

Цири резко вскинула голову.

– Нет!

– Значит, не поймешь никогда. Выйди.

– Геральт, я...

– Выйди.

Цири развернулась на пятках, несколько секунд стояла в нерешительности, словно ожидая чего-то невозможного. Потом быстро побежала по лестнице. Было слышно, как хлопнула дверь.

– Слишком резко, Волк, – сказал Весемир. – Слишком уж резко. И не следовало этого делать в присутствии Трисс. Эмоциональные связи...

– Не говори мне об эмоциях! Я сыт по горло болтовней об эмоциях!

– Почему же? – насмешливо и холодно проговорила чародейка. – Почему, Геральт? Цири – нормальный ребенок. Она нормально все чувствует, воспринимает эмоции естественно, принимает их такими, каковы они в действительности. Ты, разумеется, этого не понимаешь и удивляешься. Тебя поражает и раздражает то, что кто-то может испытывать нормальную любовь, нормальную радость, нормальный страх, боль и обиду, нормальную ненависть и нормальную печаль. Что именно холодность, отстраненность и безразличие считает ненормальными. О да, Геральт, тебя это раздражает, раздражает до такой степени, что тебе в голову лезут мысли о подземельях Каэр Морхена, о лаборатории, о покрытых пылью бутылках с мутагенными отравками...

– Трисс! – крикнул Весемир, глядя на побелевшее лицо Геральта.

Но чародейка не позволила себя прервать, она говорила все быстрее, все громче:

– Кого ты намерен обмануть, Геральт? Меня? Ее? А может, самого себя? Может, не хочешь подпустить к себе правду, правду, которая известна всем, кроме тебя? Может, не хочешь признать тот факт, что эликсиры и травы не забили в тебе эмоции и человеческие чувства! Ты забил их в себе сам! Ты сам! Но не пытайся убивать их в этом ребенке!

– Молчи! – крикнул ведьмак, вскакивая со стула. – Молчи, Меригольд. – Он отвернулся, бессильно опустил руки, потом тихо сказал: – Извини, Трисс. Прости.

Он быстро направился к лестнице, но чародейка мгновенно вскочила, подбежала к нему, обняла.

– Ты уйдешь не один, – шепнула она. – Я не позволю тебе оставаться одному. Не сейчас.

Они с самого начала знали, куда она побежала. Вечером шел мелкий, мокрый снег. Он затянул подворье тонким, идеально белым покрывалом, на котором остались следы ног.

Цири стояла на самом верху разрушенной стены, неподвижная как статуя. Меч она держала так, что гарда оказалась на уровне глаз. Пальцы левой руки легко касались эфеса.

Увидев их, девочка прыгнула, закружилась в пируэте, мягко опустившись в такой же, но зеркальной позиции.

– Цири, – сказал ведьмак. – Пожалуйста, спустись.

Казалось, она не слышит. Не пошевелилась, даже не дрогнула. Однако Трисс видела, как свет луны, отброшенный

клинком на ее лицо, сверкнул серебром на струйках слез.

– Никто у меня меча не отберет! – крикнула она. – Никто! Даже ты!

– Спустись, – повторил Геральт.

Она вызывающе тряхнула головой, а в следующий момент прыгнула снова. Плохо укрепленный кирпич с грохотом выскользнул у нее из-под ноги. Цири покачнулась, попыталась удержать равновесие. Не смогла.

Ведьмак прыгнул.

Трисс подняла руку, раскрыла рот, чтобы произнести формулу левитации. Но знала, что не успеет. Знала также, что Геральт тоже не успеет. Это было невозможно.

Геральт успел.

Его пригнуло к земле, бросило на колени и на бок. Он упал. Но Цири не выпустил.

Чародейка медленно подошла. Она слышала, как девочка что-то шепчет и хлюпает носом. Геральт тоже шептал. Слов Трисс не различала. Но понимала их значение.

Теплый ветер завыл в расщелинах стен. Ведьмак поднял голову.

– Весна, – сказал он тихо.

– Да, – подтвердила Трисс, сглотнув. – На перевалах еще лежит снег, но в долинах... В долинах уже весна. Выезжаем, Геральт? Ты, я и Цири?

– Да. Самое время.

В верховьях реки мы увидели их города, такие субтильные, словно сотканные из утреннего тумана, из которого они возникали. Казалось, они вот-вот растают, улетят с ветром, который покрывал рябью поверхность воды. Там были особнячки, белые, как цветы лилий. Были башенки, казалось, сплетенные из плюща, мостики, воздушные, как плакучие ивы. И было многое другое, чему мы не могли найти имени и названия. А ведь мы уже дали имена и названия всему, что в этом новом, возродившемся мире видели наши глаза. Неожиданно где-то в дальних уголках памяти всплывали названия драконов и гриффов, сирен и нимф, сильфид и дриад. Белых единорогов, что в сумерки приходили к реке и склоняли к воде свои изящные головы. Всему мы как бы заново давали названия. И все становилось близким, знакомым, свойским.

Кроме них. Они, казалось, так похожие на нас, были чуждыми, настолько чуждыми, что мы долго не могли найти названия для этой чуждости.

Хен Гедымгейт «Эльфы и люди»

*Хороший эльф – мертвый эльф.
Маршал Милан Раупеннэкф*

Глава четвертая

Несчастье пришло в строгом соответствии с извечной природой несчастий и стервятников – оно висело над ними какое-то время, но выжидало соответствующего момента. Того часа, когда они удалились от поселений, редко разбросанных вдоль Гвенллеха и Верхней Буины, миновали Каррайг и оказались на безлюдной, изрезанной оврагами полосе, предваряющей пушу. Несчастье безошибочно свалилось на жертву, а жертвой стала Трисс.

Вначале это выглядело малопривлекательно, но не очень опасно, походило на обычное расстройство желудка. Геральт и Цири тактично старались не обращать внимания на вынужденные стоянки, вызванные недомоганием чародейки. Трисс, бледная как смерть, потея и болезненно кривясь, держалась еще несколько часов, но ближе к полудню, просидев в придорожных зарослях ненормально долго, уже не в состоянии была сесть на коня. Цири хотела помочь ей, но это кончилось неудачей – чародейка не смогла удержаться за гриву, сползла по боку лошади и повалилась на землю.

Они подняли ее, уложили на плащ. Геральт молча развязал один из вьюков, отыскал шкатулку с магическими эликсирами, раскрыл и чертыхнулся: все флакончики выглядели одинаково, а таинственные знаки на печатях ни о чем не говорили.

– Который, Трисс?

– Ни один, – простонала она, обеими руками ухватившись за живот. – Я не могу... Мне нельзя это принимать.

– Что? Почему?

– У меня повышенная восприимчивость...

– У тебя, у чародейки?

– У меня аллергия! – Она расплакалась от бессильной злобы и отчаяния. – Так было всегда! Я не выношу эликсиров! Лечу ими других, себя же могу только амулетами!

– А где твой амулет?

– Не знаю, – скрипнула она зубами. – Вероятно, оставила в Каэр Морхене или потеряла...

– Дьявольщина! Как тебе помочь? Может, заклинанием?

– Я пыталась. Результаты ты видишь. Из-за судорог я не могу сконцентрироваться...

– Не плачь.

– Тебе легко говорить!

Ведьмак встал. Стащил свои вьюки со спины Плотвы и начал в них копать. Трисс свернулась калачиком, приступ боли стянул у нее мышцы на лице, скривил рот.

– Цири?

– Что, Трисс?

– Как ты себя чувствуешь? Никаких... неожиданностей?

Девочка отрицательно покачала головой.

– Может, у меня отравление? Что я ела? Но мы все ели одно и то же... Геральт! Мойте руки как следует. Присмотри,

чтобы Цири мыла...

– Лежи спокойно. Выпей.

– Что это?

– Обычное успокоительное. Магии в нем кот наплакал. Повредить не должно. А спазмы ослабнут.

– Геральт, спазмы... пустяк. Вот если поднимется температура... Это может быть... дизентерия. Или паратиф.

– У тебя нет иммунитета?

Трисс не ответила, отвернулась, закусила губу, скрючилась еще больше. Ведьмак не настаивал на своем предложении.

Дав немного передохнуть, усадил чародейку в седло Плотвы. Сам сел у нее за спиной, поддерживая обеими руками, а Цири, двигаясь бок о бок, держала поводья, одновременно ведя мерина Трисс. Не проехали даже версты. Чародейка вываливалась из рук, не держалась в седле. Вдруг начался озноб, поднялась температура. Несварение желудка усилилось. Геральту хотелось думать, что это результат аллергической реакции на остаточную магию в его ведьмачьем эликсире. Он хотел так думать, но, честно говоря, и сам не верил.

– Ох, господин, – вздохнул сотник. – Попали вы в недобрый час. Похоже, хуже попасть не могли.

Сотник был прав. Ни возражать, ни спорить было невозможно. Застава у моста, в которой обычно коротали время трое солдат, конюх, мытник и не больше десятка проезжих,

теперь была полным-полна народу. Ведьмак насчитал свыше тридцати легковооруженных воинов в цветах Каэдвена и с полсотни щитоносцев, расположившихся лагерем вдоль низкого забора. Большинство собрались у костров, подтверждая старый солдатский принцип: спи, когда можно, вставай, когда будят. Через распахнутые настежь ворота было видно, что и во дворе тоже полно людей и лошадей. На площадке покривившейся сторожевой вышки несли вахту два солдата с готовыми к стрельбе арбалетами. На разъезженном копытами предмостье стояло шесть крестьянских телег и два купеческих фургона, а в загородке, тоскливо склонив головы к перемешанной с навозом грязи, маялось несколько распряженных волов.

– Было нападение. На заставу. Вчерась ночью, – упредил сотник вопрос Геральта. – Едва-едвашеньки подоспели, иначе б нашли тута одну землю спаленную.

– Кто напал? Разбойники? Мародеры?

Солдат покрутил головой, сплюнул, глянул на Цири и скорчившуюся в седле Трисс.

– Зайдите во двор. Чародейка ваша вот-вот свалится с седла. У нас уже есть несколько раненых, одной будет больше. Какая разница?

В открытой выгородке под навесом лежали несколько человек в окровавленных повязках. Немного дальше, между частоколом и деревянным колодцем с журавлем, Геральт заметил шесть неподвижных тел, накрытых мешковиной, из-

под которой выглядывали лишь ступни в грязных, стоптанных башмаках.

– Покладите чародейку тама, при раненых. – Солдат указал на выгородку. – Да, милсдарь ведьмак, и верно, неудача, что больна. Несколько наших отхватили во время боя, нам бы не помешала магическая подмога. У одного, как мы стрелу-то вытащили, в кишках наконечник засел. Помрет парень к утру, как пить дать помрет... А чародейка, что могла бы его спасти, сама трясется в горячке, от нас помощи ждет. В недобрый час, воистину, в недобрый час...

Он осекся, видя, что ведьмак не отрывает глаз от накрытых мешковиной тел.

– Двое из тутошней стражи, двое наших из сотни и двое... ихних, – сказал солдат, приподнимая край заскорузнувшей ткани. – Гляньте, коли охота.

– Отойди, Цири.

– Я тоже хочу! – высунулась у него из-за спины девочка, раскрыв рот глядевшая на трупы.

– Отойди, прошу тебя. Займись Трисс.

Цири фыркнула, но послушалась. Геральт подошел ближе.

– Эльфы? – сказал он, не скрывая удивления.

– Эльфы, – подтвердил солдат. – Скотоели.

– Кто-кто?

– Скотоели, – повторил солдат. – Лесные бандиты.

– Странное название. Если не ошибаюсь, это значит «бел-

ки». Скоя'таэли?

– Ну да, милсдарь, скотоели. Так они себя на эльфьем языке называют. Людишки говорят, мол, потому, что иногда носят беличьи хвосты на колпаках и шапках. Другие же – потому, дескать, что в бору обитают, орешками кормятся. С ними, что ни день, все больше мороки, право слово.

Геральт покачал головой. Солдат накрыл покойников мешковиной, отер руки о кафтан.

– Пошли. Неча тут стоять. Отведу вас к начальнику. А хворой займется наш десятник, ежели сможет, конечно. Вообще-то он умеет прижигать и сшивать раны, вправлять кости, ну, глядишь, и лекарства какие сумеет смешать, кто его знает, головастый парень, горец. Пошли, милсдарь ведьмак.

В домишке мытаря, дымном и темном, в это время шла оживленная и весьма шумная перебранка. Коротко подстриженный рыцарь в кольчуге и желтой тунике заседал на двух купцов и эконома, на что совершенно равнодушно и угрюмо смотрел мытарь с перевязанной головой.

– А я сказал – нет! – Рыцарь треснул рукой по разваливающемуся столу и выпрямился, поправляя на груди пластинку с изображением святого. – Пока не вернутся разъезды, не пойдет никто! Нечего по дорогам болтаться.

– Мне через два дня надо в Даэвон попасть! – разорался эконом, подсовывая рыцарю под нос короткую, покрытую зарубками палку с выжженным знаком. – Если спознюсь, коморник мне башку свернет! Я буду жаловаться комесу!

– Жалуйся сколько влезет! – засмеялся рыцарь. – Только, советую, сначала набей себе портки соломой. У комеса нога тяжелая! А сейчас тут команду я, потому что комес далеко, а на твоего коморника мне... О, Унист! Кого это ты ведешь, сотник? Еще один купец?

– Нет, – засмеялся сотник. – Ведьмак. Геральт из Ривии зовется.

К удивлению Геральта, рыцарь широко улыбнулся, подошел и протянул руку.

– Геральт из Ривии, – повторил он, продолжая улыбаться. – Слышал о вас, к тому же от достойных людей. Что вас привело сюда?

Геральт объяснил, что именно. Рыцарь перестал улыбаться.

– Неудачно вы попали. В неудачное время. И в неудачное место. У нас тут война, господин ведьмак. По лесам валандается банда скоя'таэлей, не дальше как вчера мы схватились с ними. Вот дождусь подкрепления, и начнем облаву.

– С эльфами воюете?

– Не только. Да вы что, ведьмак, о «белках» не слышали?

– Не слышал.

– Где же вы гуляли последние два года? За морями? Потому как у нас тут, в Каэдвене, скоя'таэли позаботились, чтобы о них говорили. Да уж, позаботились, и недурственно. Первые банды появились, как только вспыхнула война с Нильфгаардом. Воспользовались, треклятые нелюди, нашими труд-

ностями. Мы бились на Юге, а они начали на тылы наскакивать. Рассчитывали, что Нильфгаард нас разобьет. Ну и принялись вопить о конце человеческой власти, о возвращении давних порядков. «Людей – в море!» – вот их клич, под такой убивают, жгут и грабят.

– Это ваша вина и ваша ныне забота, – угрюмо заметил эконо́м, похлопывая по бедру заостренной палкой, знаком своих функций. – Ваша, вельможев и рыцарев. Вы нелюдей угнетали, жить им не давали, вот и получаете теперича. А мы завсегда тут грузы возили, и никто нас не задевал. Нам армия ни к чему.

– Что правда, то правда, – сказал один из купцов, молча сидевших на лавке, – «белки» не страшнее разбойников, что тут по дорогам шастали. А за кого эльфы сперва-то взялись? Именно за разбойников. Да.

– А какая разница, кто меня стрелой из кустов пырнет – разбойник или эльф? – сказал вдруг мытарь с перевязанной головой. – Крыша, которую мне посередь ночи над головой запалят, одинаково горит, ей без разницы, в чьей руке была головня. Говорите, господин купец, мол, скоя’таэли не хуже разбойников? Враки! Разбойникам нужна была добыча, эльфам – кровушка людская. Дукаты есть не у каждого, а кровь в жилах... Значит, говорите, пусть голова болит у знати? Это вранье еще поболе. А лесорубы, которых постреляли на вырубке, а винокуры, которых посекали на Буках, кметы из подожженных сел – их-то вина в чем перед нелюдями? Жили,

трудились вместе по-соседски, и вдруг, на тебе, стрела в спину... А я? В жизни ни одного нелюдя не обидел, а гляньте, лоб поранен краснолюдским палахом. И если б не воины, на которых вы брешете, лежать бы мне сейчас под тремя вершинами дерна...

– Именно. – Рыцарь в желтой тунике снова ударил по столу рукой. – Мы защищаем вашу паршивую шкуру, милостивый государь эконо, от тех, как вы изволили выразиться, угнетенных эльфов, которым, как вы утверждаете, мы не давали жить. А я вам другое скажу – слишком уж мы их распустили. Попустительствовали, смотрели на них как на людей, как на ровню, а теперь они наносят нам удар в спину. Нильфгаард им за это платит, голову дам на отсечение, а дикие эльфы с гор снабжают оружием. Но настоящая опора у них те, кто постоянно живет среди нас: эльфы, полуэльфы, краснолюды, гномы и низушки. Эти укрывают, кормят, поставляют добровольцев...

– Не все, – отозвался второй купец, худощавый, с благородными, совсем не купеческими чертами лица. – Большинство нелюдей порицают «белок», благородный рыцарь, и не желают иметь с ними ничего общего. Большинство лояльны и порой платят за это непомерно высокую цену. Вспомните бургграфа из Бан Арда. Он был полуэльфом, а призывал к миру и сотрудничеству. Погиб от предательской стрелы.

– Которую, вероятно, выпустил сосед-нizuшек либо краснолюд, а ведь небось тоже лояльным прикидывался, – на-

смешливо бросил рыцарь. – По мне, так нет среди них ни одного лояльного! Каждый... Эй! Это еще кто?

Геральт обернулся. У него за спиной стояла Цири, одаривая всех бирюзовым взглядом огромных глаз. В чем, в чем, а в том, чтобы двигаться, не привлекая к себе ничьего внимания, – в этом она действительно преуспела.

– Она со мной, – объяснил Геральт.

– Хм... – Рыцарь смерил Цири взглядом, потом повернулся к купцу с благородным лицом, явно видя в нем наиболее серьезного оппонента. – Да, уважаемый, не говорите мне о лояльных нелюдях. Все они – наши враги, просто одни более, другие менее удачно прикидываются, будто все наоборот. Низушки, краснолюды и гномы жили меж нами в течение столетий, казалось бы, в относительном согласии. Но стоило эльфам поднять головы, как и они тоже схватились за оружие – и в леса. Говорю вам, напрасно мы попустительствовали свободным эльфам и дриадам. Не трогали их леса и горные анклавы. Им, видите ли, этого было мало, теперь они вопят: «Это наш мир. Вон отсюда, приبلуды!» О боги, мы им покажем, кто пойдет вон, а от кого тут мокрого места не останется! Потрепали мы шкуру нильфгаардцам, теперь примемся за бандитов!

– Нелегко напасть на эльфа в лесу, – бросил ведьмак. – Да и за краснолюдом или гномом я бы в горы не пошел. И крупные у них отряды?

– Не отряды – банды, – поправил рыцарь. – Банды, мил-

сдаться ведьмак. До двадцати голов, порой больше. Они такую шайку называют «рабочая бригада». Этакое гномовское словосочетание. А в том, что напасть на них нелегко, вы правы, сразу видно – спец. Гоняться по лесам да камышам бессмысленно. Единственный способ – отрезать от тылов, изолировать, лишить пищи. Взять за глотку тех нелюдей, которые им помогают, что по городам живут, поселкам, деревушкам и фермам...

– Проблема в том, – сказал купец с благородными чертами лица, – что все еще неизвестно, кто из нелюдей помогает, а кто нет.

– Значит, хватать всех подряд!

– Так, – криво усмехнулся купец. – Где-то я уже это слышал. Всех за глотку – и в рудники, в огороженные лагеря со сторожевыми вышками, в каменоломни. Невинных тоже. Женщин, детей. Так?

Рыцарь вскинул голову, схватился за рукоять меча, бросил резко:

– Именно так и не иначе! Деточек пожалели, а сами будто только родились, уважаемый. Перемирие с Нильфгаардом – штука хрупкая, вроде яичной скорлупы, не сегодня-завтра война может вспыхнуть заново, а на войне всякое бывает. Если нас побьют, думаете, что станет? Я вам скажу – эльфовские «бригады» выйдут из лесов, причем во множестве, в силе, и ваши лояльные тут же к ним присоединятся. Все эти лояльные краснолюды, дружественные низушки

– все они, думаете, станут болтать о мире, о дружбе? Нет, уважаемый. Они станут животы нам вспарывать, кишки выпускать, именно их-то руками Нильфгаард и расправится с нами. И утопят они нас в море, как обещают. Нет, цацкаться с ними нельзя. Либо они, либо мы. Третьего не дано.

Дверь домика скрипнула, и появился солдат в окровавленном фартуке.

– Прощения просим, коли помешал, – кашлянул он. – Кто из вас, господа, привез хворую?

– Я, – сказал ведьмак. – А что?

– Извольте за мной.

Они вышли во двор.

– Скверно с нею, милсдарь, – сказал солдат, указывая на Трисс. – Я дал ей водки с перцем и селитрой. Не помогло. Не очень...

Геральт смолчал, да и что было говорить? Как раз в этот момент чародейка, скорчившись, являла миру доказательство того, что водку с перцем и селитрой ее желудок принять не в состоянии.

– Может, зараза какая-нито, – поморщился солдат, – либо эта, как ее, зинтерея. Ежели это по людям пойдет...

– Это чародейка, – возразил ведьмак. – Чародейки не болеют...

– Оно и видно, – цинично вставил рыцарь, вышедший следом за ними. – Из вашей-то, как погляжу, прямо-таки хлещет здоровье. Господин Геральт, послушайте меня. Женщи-

не нужна помощь, а мы ее оказать не в силах. Не могу я, понимаете, допустить эпидемию в армии.

– Понимаю. Уеду немедленно. Выбора у меня нет, придется завернуть к Даэвону или Ард Каррайгу.

– Далеко не уйдете. Разъездам приказано задерживать всех. Кроме того, это небезопасно. Скоя'таэли ушли как раз в ту сторону.

– Как-нибудь управлюсь.

– После того, что я о вас слышал, – скривил губы рыцарь, – не сомневаюсь, что справитесь. Но ведь вы не один. У вас на руках тяжелобольная женщина и та вон девочка...

Цири, пытавшаяся в этот момент очистить о переключившей лестницы запачканный навозом ботинок, подняла голову. Рыцарь кашлянул и опустил глаза. Геральт улыбнулся. За последние два года Цири почти забыла о своем происхождении и практически полностью избавилась от княжеских манер, но когда хотела, ее взгляд очень походил на взгляд бабушки. Так сильно походил, что королева Калантэ наверняка гордилась бы внучкой.

– Да, о чем это я... – осекся рыцарь, смущенно дергая пояс. – Господин Геральт, я знаю, что вам делать. Поезжайте за реку, на юг. Догоните обоз, который идет по большаку. Скоро ночь. Они наверняка встанут на ночевку. К утру догоните.

– Что за люди?

– Не знаю, – пожал плечами рыцарь. – Но не купцы и не обычный обоз. Слишком велик порядок, одинаковые фуры

– крытые... Не иначе королевские сборщики. Я пропустил их через мост, они шли на юг, скорее всего к бродам на Ликсели.

– Хм... – задумался ведьмак, глядя на Трисс. – Это бы мне было с руки. Да найду ли я у них помощь?

– Может, да, – холодно сказал рыцарь, – может, нет. Только тут-то не найдете наверняка.

Занятые разговорами, они не услышали и не заметили, как он подъехал. Костер, вокруг которого они сидели, просвечивал мертвенно-желтым светом сквозь полотнища на уставленных в круг фурах. Геральт слегка дернул поводья и заставил лошадь громко заржать, чтобы предупредить расположившийся на отдых обоз, убрать неожиданность и избежать нервных движений. Он по опыту знал, что спусковые механизмы самострелов не любят нервных движений.

Отдыхающие вскочили, проделывая при этом, несмотря на предостережение, массу нервных движений. Большинство, это он увидел сразу, были краснолюдами. Это его немного успокоило – краснолюды, хоть и легковозбудимые, привыкли сначала спрашивать и лишь потом стрелять.

– Кто? – хрипло крикнул один из краснолюдов, быстрым, энергичным движением выхватывая топор, вбитый в лежащий около костра ствол. – Кто идет?

– Друг. – Ведьмак слез с коня.

– Интересно чей? – буркнул краснолюд. – Подойди. Держи

руки так, чтобы мы видели.

Геральт приблизился, держа руки так, чтобы их мог видеть даже тот, кто страдает конъюнктивитом или куриной слепотой.

– Ближе.

Он подошел ближе. Краснолюд опустил топор, слегка наклонил голову.

– Или меня глаза обманывают, – сказал он, – или это ведьмак по имени Геральт из Ривии. Или же кто-то чертовски на Геральта похожий.

– Ярпен Зигрин? – удивился Геральт. – Не кто иной, как Ярпен Зигрин собственной бородатой персоной...

– Ха! – Краснолюд завертел топором так, словно это была ивовая ветка. Острие прошуршало в воздухе и с глухим стуком врезалось в ствол. – Тревога отменяется! Это и впрямь друг!

Все заметно успокоились. Геральту показалось, что он слышит глубокие вздохи облегчения. Краснолюд подошел, протянул руку. Его пятерня смело могла состязаться с железными клещами.

– Привет, злодюга! Ха-ха! – сказал он. – Откуда бы ни шел и куда бы ни направлялся, привет. Парни! Одни мы тут! Помнишь моих парней, ведьмак? Это Янник Брасс, это вот Ксавьер Моран, а этот – Паулье Дальберг и евонный брат Реган.

Геральт не мог вспомнить ни одного, впрочем, все они бы-

ли на одно лицо – бородатые, кряжистые, почти квадратные в своих толстых, стеганых куртках.

– Шестеро вас было, – он по очереди пожал жесткие, сучковатые руки, – если не ошибаюсь.

– Хорошая память, – рассмеялся Ярпен Зигрин. – Шестерка нас была. Это точно. Но Люкас Корто оженился, осел в Махакаме и отпал от компании, пацан дурашливый. Как-то никто не попался на его место пока что. А жаль. Шестерка – число в сам раз, ни много ни мало. Толь теленка съесть, толь бочонок опорожнить, нету лучше, как вшестером...

– Похоже, – Геральт головой указал на остальных, нерешительно топтавшихся при фурах, – вас тут достаточно, чтобы управиться с тремя телятами, не говоря уж о птице. Что за братией командуешь, Ярпен?

– Не я тут в командирах. Позволь представить тебе. Простите, милсдарь Венцк, не сделал сразу, но я и мои парни знаем Геральта из Ривии не один день, есть у нас малость общих воспоминаний. Геральт, это господин комиссар Вильфрид Венцк, служит королю Хенсельту из Ард Каррайга, милостью богов царствующему в Каэдвене владыке.

Вильфрид Венцк был высокий, выше Геральта, а краснолюда вообще превышал двукратно. Одет он был в обычную простую одежду, какую носят сельские солтысы, коморники либо конные гонцы, но в его движениях чувствовалась резкость, жесткость и уверенность, которую ведьмак знал и умел распознать безошибочно даже ночью, даже при скупом

свете костра. Так держат себя люди, привыкшие к латам и оружию, оттягивающему пояс. Геральт был готов побиться об заклад на любую сумму, что Венцк – профессиональный воин. Он пожал протянутую руку, слегка поклонился.

– Сядем. – Ярпен Зигрин указал на ствол, в котором по-прежнему крепко сидел его огромный топор. – Ну, что поделяваешь в сих краях, Геральт?

– Ищу помощи. Еду сам-третей с женщиной и подростком. Женщина больна. Серьезно. Догонял вас, чтобы просить помощи.

– Черт побери, лекаря-то у нас нету. – Краснолюд сплюнул на горящие чурки. – Где ты их оставил?

– Полперехода отсюда, на большаке.

– Покажешь дорогу. Эй, вы там! Трое на коней, седлать запасных! Геральт, твоя больная баба в седле удержится?

– Вряд ли. Потому и пришлось оставить.

– Возьмите бурку, полотнище и две жерди с фуры. Быстро!

Вильфрид Венцк, скрестив руки на груди, кашлянул.

– Мы на тракте, – резко сказал Ярпен Зигрин, не глядя на него. – На тракте в подмоге не отказывают.

– Холера. – Ярпен отнял руку ото лба Трисс. – Раскаленная что твоя печка. Не нравится мне это. А ежели тиф аль дизентерия?

– Это не может быть ни тиф, ни дизентерия, – убежден-

но солгал Геральт, накрывая больную попонами. — У чароде-ев иммунитет против таких болезней. Скорее всего пищевое отравление, ничего заразного.

— Хм... Ну ладно. Пойду пошурю в торбах. Было у меня когда-то доброе снадобье против поноса, может, еще немно-го осталось.

— Цири, — буркнул ведьмак, подавая девочке отвязанный от седла кожушок. — Иди спать, ты валишься с ног. Нет, не на воз. На воз положим Трисс. Ты ложись у костра.

— Нет, — тихо возразила Цири, глядя на удаляющегося краснолюда. — Я лягу рядом с ней. Когда они увидят, что ты меня от нее убираешь, они тебе не поверят. Подумают, что это заразительно, и выгонят нас, как те, с заставы.

— Заразно, — поправил ведьмак.

— Геральт, — вдруг прошептала чародейка, — где... мы?

— У друзей.

— Я здесь, — сказала Цири, глядя ее каштановые волосы. — Я с тобой. Не бойся. Чувствуешь, как тут тепло? Горит ко-стер, а краснолюд сейчас принесет лекарство против... про-тив желудка, то есть от...

— Геральт, — простонала Трисс, пытаясь выпростаться из-под покрывал. — Никаких... никаких магических эликсиров, запомни...

— Помню, помню. Лежи спокойно.

— Мне надо... Ох...

Ведьмак молча наклонился, поднял чародейку вместе с

коконом покрывающих ее попон и отправился в лес, во тьму. Цири вздохнула и тут же повернулась, слыша тяжелые шаги. Из-за фуры вышел краснолюд, держа под мышкой большой сверток. Пламя костра играло на острие топора, засунутого за пояс, посверкивали пуговицы тяжелой куртки.

– Где больная? – буркнул он. – На помеле улетела?

Цири указала во мрак.

– Ясно, – кивнул Зигрин. – Я знаю эту боль и препаришвейшую слабость. Как был помоложе, жевал все, что удавалось отыскать или прибить, так что травился не раз. Кто она, чародейка ваша?

– Трисс Меригольд.

– Не знаю. Не слышал. Впрочем, я редко сталкиваюсь с Братством. Однако ж пора представиться. Меня зовут Ярпен Зигрин. А тебя, коза?

– Иначе, – буркнула Цири, сверкнув глазами.

– Так-так, – захохотал краснолюд. – Прощения просим. Не распознал во мраке-то. Так, стало быть, никакая не коза, а знатная девица. Низко кланяюсь. Ну и как же благородную девицу звать, ежели не секрет?

– Не секрет. Цири.

– Цири. Ага. И кто же ты такая, Цири?

– А вот это как раз и секрет. – Цири гордо задрала носик.

– Язычок у тебя, мазель, острый, как осиное жало, – снова захохотал Ярпен. – Ну прости. Я принес снадобья и немного перекусить. Извольте принять. Или прогоните старого,

неотесанного мужлана Ярпена Зигрина?

– Простите... – смутилась Цири, наклонила голову. – Трисс действительно необходима помощь, милсдарь... Зигрин. Она очень больна. Спасибо за лекарство.

– Пустое. – Краснолюд снова ослабился. – Пошли, Цири, поможешь нам. Снадобье-то еще приготовить надо. Накрутим пилюль по рецепту моей бабки. Супротив этих пилюль никакая засевшая в кишках зараза не устоит.

Он развернул сверток, вытащил что-то вроде куска торфа и небольшой глиняный горшочек. Цири заинтересовалась, подошла.

– Следует знать, милейшая Цири, – сказал Ярпен, – что моя бабка разбиралась в лечении как никто. Дока была. Увы, источником всех и всяческих хворей считала безделье, а безделье лучше всего вылечивать батогом. Ко мне и моим родственникам таковое лечение она в основном применяла в профилактических целях. Колошматила нас по любому случаю и без того тоже. Исключительная была яга. А однажды, когда ни с того ни с сего дала мне краюшку хлеба с салом и сахаром, то так меня этим удивила, что я от волнения упустил эту краюшку салом вниз. Ну а бабка отлупила меня, карга старая. А потом дала другую краюшку, правда, уже без сахара.

– Моя бабушка, – понимающе кивнула Цири, – тоже однажды меня высекла. Розгами.

– Розгами? – засмеялся краснолюд. – Моя как-то отдуба-

сила меня черенком от кайла. Ну, хватит приятных воспоминаний, давай-ка пилюли крутить. Бери рви это и скручивай в шарики.

– Что это? Липнет и мажется... Фу... А воняет... ужас какой-то!

– Это специальное тесто из дерти. Отличное лекарство. Мни шарики. Поменьше, поменьше. Для чародейки, чай, делаешь, не для коровы. А ну дай-ка одну. Нормально. Теперь обваляем шарики в снадобье.

– Фи...

– Завоняло? – Краснолюд сунул похожий на картофелину нос в горшочек. – Не может того быть. Растертый чеснок с горькой солью не должен так вонять, хочь сто лет простоит.

– Ну и отвратность! Трисс этого есть не станет!

– А мы сделаем, как моя бабка. Ты зажмешь ей нос, я стану запихивать пилюли.

– Ярпен, – прошипел Геральт, неожиданно появляясь из тьмы с чародейкой на руках. – Гляди, как бы я тебе чего-нибудь кой-куда не запихал.

– Это же лекарство, – обиделся краснолюд. – Помогает! Плесень, чеснок...

– Да, – слабо простонала Трисс из глубин своего кокона. – Верно, Геральт, это действительно должно помочь...

– Ну видишь? – Ярпен тыркнул Цири локтем, гордо задрав при этом бороду и показывая на Трисс, заглатывающую пилюлю с видом мученицы. – Мудрая волшебница. Знает что

к чему.

– Что ты говоришь, Трисс? – наклонился ведьмак. – А, понимаю. Ярпен, может, у тебя есть лекарственный дягель? Или шафран?

– Поспрашиваю у своих. Я тут принес немного воды и ёдо-
ва...

– Спасибо. Но им прежде всего нужен отдых. Ложись, Ци-
ри.

– Я еще сделаю компресс для Трисс...

– Сам сделаю. Ярпен, надо бы поговорить.

– Пошли к костру. Откроем бочонок...

– Мне надо только с тобой. Большая компания мне ни к
чему. Даже совсем наоборот.

– Ясно. Слушаю.

– Что это за обоз?

Краснолюд поднял на него свои маленькие пронизатель-
ные глаза, потом медленно и отчетливо сказал:

– Королевская служба.

– Об этом-то я догадался. – Ведьмак выдержал взгляд. –
Ярпен, я спрашиваю не из пустого любопытства.

– Знаю. И что тебе надо, тоже знаю. Но это транспорт...
хм... особого назначения.

– И что же вы транспортируете?

– Рыбу. Соленую, – не задумываясь сказал Ярпен, после
чего не сморгнув глазом продолжал врать: – Фураж, инстру-
мент, упряжь, всякую мелочевку для армии. Венцк – квар-

тирмейстер королевской армии.

– Он такой же квартирмейстер, как я друид, – усмехнулся Геральт. – Впрочем, дело ваше, я не привык совать носа в чужие секреты. Но ведь ты видел, в каком состоянии Трисс. Позволь нам присоединиться, Ярпен, и разреши положить ее на одну из телег. На несколько дней. Я не спрашиваю, куда вы направляетесь, этот тракт ведет прямо на юг, разветвляется только за Ликселью, а до Ликсели десять дней пути. За это время жар спадет, и Трисс сможет ехать верхом, а если даже и нет, то я остановлюсь в городе за рекой. Понимаешь, десять дней на повозке, как следует накрытая, теплая пища... Прошу тебя.

– Не я тут командую, а Венцк.

– Думаю, ты можешь повлиять на него, раз конвой состоит в основном из краснолюдов. Ясно же, что он вынужден считаться с тобой.

– Что тебе Трисс? Кто она тебе?

– А это важно? В нашей ситуации?

– В нашей – не важно. Я спрашиваю из пустого любопытства, чтобы потом пустить сплетню по кабакам. Но, честно сказать, тебя так и тянет к чародейкам.

Ведьмак грустно улыбнулся.

– А девочка? – Ярпен головой указал на Цири, которая никак не могла угнездиться под козушкой. – Твоя?

– Моя, – не раздумывая, ответил Геральт. – Моя, Зигрин.

Рассвет был мутным, мокрым, пахнущим ночным дождем и утренним туманом. Цири казалось, что она проспала всего несколько минут и, едва она успела прислониться к наваленным на телегу мешкам, ее разбудили.

Геральт в это время укладывал рядом с нею Трисс, которую только что принес из очередной вынужденной вылазки в лес. Попоны, которыми была укутана чародейка, искрились росой. У Геральта синели круги под глазами. Цири знала, что он так и не вздремнул – Трисс лихорадило всю ночь. Она очень страдала.

– Я тебя разбудил? Прости. Спи. Еще рано.

– Что с Трисс? Как она себя чувствует?

– Лучше, – простонала чародейка. – Лучше, но... Геральт, послушай... я хотела тебе...

– Да? – наклонился к ней ведьмак, но Трисс уже спала. Он выпрямился, потянулся.

– Геральт, – шепнула Цири, – нам позволят... ехать на телеге?

– Посмотрим. – Он закусил губу. – Пока можешь, спи. Отдыхай.

Он спрыгнул с воза. Цири слышала звуки, свидетельствующие о том, что бивак начали сворачивать, – топот коней, звон упряжи, скрип дышел, шелканье замков для пристяжных, разговоры и перебранку. А потом, совсем близко, хриплый голос Ярпена Зигрина, спокойный – высокого мужчины по имени Венцк и холодный – Геральта. Она приподнялась,

осторожно выглянула из-за полотнища, прикрывающего фуру.

– В отношении этого я не получал прямых запретов, – сказал Венцк.

– Прекрасно, – повеселел краснолюд. – Стало быть, дело решено?

Комиссар поднял руку, показав, что еще не кончил. Некоторое время все молчали. Геральт и Ярпен терпеливо ждали.

– Тем не менее, – сказал наконец Венцк, – я отвечаю головой за то, чтобы обоз добрался до места назначения.

Он снова замолчал. Никто не перебивал. Было ясно, что тому, кто надумал разговаривать с комиссаром, следовало привыкать к долгим паузам между фразами.

– Чтобы добрался без происшествий, – закончил он спустя минуту. – И в назначенный срок. А забота о больной может нас задержать.

– Мы идем с опережением, – заверил его Ярпен, немного переждав. – Идем впереди времени, господин Венцк, срок выдержим. А что касается безопасности... Сдается мне, ведьмак нам не помеха. Дорога до самой Ликсели идет лесами, по обе стороны дикая пуща. А по пуще, говорят, болтаются всякие вредные существа.

– Действительно, – согласился комиссар. Глядя ведьмаку в глаза, он, казалось, взвешивает каждое слово. – Последнее время в каэдвенских лесах можно встретить самых разных вредных существ, подзуживаемых не менее вредными

существами. Они могут угрожать нашей безопасности. Король Хенсельт, зная о том, дал мне право приглашать добровольцев в помощь вооруженному эскорту. Господин Геральт, я думаю, это решило бы нашу проблему.

Ведьмак молчал долго, дольше, чем заняла вся речь Венцка, густо пересыпанная паузами.

– Нет, – сказал он наконец, – нет, господин Венцк. Скажем ясно. Я готов отплатить за помощь, оказанную госпоже Меригольд, но не в такой форме. Могу присматривать за лошадьми, носить воду и дрова, даже кухарить. Но кнехтом у короля не стану. Прошу на мой меч не рассчитывать. Я не намерен убивать этих, как вы сообразовали выразиться, вредных существ по приказу других существ, которых отнюдь не считаю менее вредными.

Цири услышала, как Ярпен Зигрин громко засопел и кашлянул в кулак. Венцк спокойно смотрел на ведьмака.

– Понимаю, – бросил он сухо. – Люблю ясность. Хорошо. Господин Зигрин, прошу побеспокоиться, чтобы наше движение не замедлилось. Что же до вас, господин Геральт... Думаю, вы окажетесь полезным и нужным в том, в чем сочтете возможным. И вас, и меня оскорбило бы, если б вашу полезность я рассматривал как плату за помощь, оказанную страдающей женщине. Она сегодня чувствует себя лучше?

Ведьмак утвердительно наклонил голову, несколько ниже и любезнее, чем делал это обычно, как показалось Цири. Выражение лица Венцка не изменилось.

– Я рад, – сказал он после привычной уже паузы. – Взяв госпожу Меригольд на одну из фур, я принимаю на себя ответственность за ее здоровье, удобство и безопасность. Господин Зигрин, прикажите трогаться.

– Господин Венцк!

– Слушаю, господин Геральт.

– Благодарю вас.

Комиссар наклонил голову. Как показалось Цири, тоже несколько ниже и любезнее, нежели того требовали обычные, ни к чему не обязывающие приличия.

Ярпен Зигрин пробежал вдоль колонны, громко выкрикивая приказы и распоряжения. Затем взгромоздился на козлы, гикнул и стегнул лошадей. Фура дернулась и загромыхла по лесной дороге. Тряска разбудила Трисс, но Цири успокоила ее, сменила компресс на лбу. Качка действовала усыпляюще. Чародейка вскоре заснула. Цири тоже задремала, а когда проснулась, солнце уже стояло высоко. Она выглянула из-за бочек и тюков. Фура, на которой она ехала, возглавляла обоз. Следующей управлял краснолюд с повязанным вокруг шеи красным платком. Из разговоров, которые краснолюды вели между собой, Цири знала, что его зовут Паулье Дальберг. Рядом с Паулье сидел его брат Реган. Видно было и Венцка, едущего верхом в сопровождении двух коморников.

Плотва, кобыла Геральта, привязанная к телеге, тихо заржала, приветствуя Цири. Каштанки и буланого мерина нигде не было видно. Вероятно, они шли позади вместе с за-

пасными лошадьми обоза.

Геральт сидел на козлах рядом с Ярпенем. Они тихо беседовали, время от времени потягивая пиво из стоявшего между ними бочонка. Цири начала было прислушиваться, но вскоре это ей наскучило – разговор шел о политике, в основном о планах и намерениях короля Хенсельта и каких-то специальных службах и специальных задачах, сводящихся к тайной помощи оказавшемуся под угрозой войны соседу, королю Демавенду из Аэдирна. Ярпен, не обращая внимания на пробивающуюся в голосе ведьмака насмешку, объяснял, что некоторые виды рыб настолько ценны, что вполне хватает нескольких телег, чтобы покрыть годовое жалованье хоругви латников, а каждая новая хоругвь латников – это уже существенная помощь. Геральт с удивлением спросил, чего ради такой поклаже быть секретной, на что краснолюд ответил, что как раз в этом-то и состоит секрет.

Трисс дернулась во сне, сбросила компресс и что-то еле слышно пробормотала. Потребовала от какого-то Кевина, чтобы тот не давал воли рукам, и тут же отметила, что от Предназначения не уйдешь. Наконец, заявив, что все, ну абсолютно все вокруг являются в определенной степени мутантами, спокойно уснула.

Цири тоже почувствовала сонливость, но ее привел в себя громкий хохот Ярпена, который, как оказалось, напоминал Геральту о былых приключениях. Речь шла об охоте на золотого дракона, который, вместо того чтобы позволить себя

прикончить, взял да пересчитал охотникам кости, а сапожника по имени Козоед попросту съел. Цири стала прислушиваться с большим интересом.

Геральт спросил о судьбах рубайл, но Ярпен ничего не знал о них. В свою очередь Ярпен поинтересовался женщиной по имени Йеннифэр, а Геральт почему-то сделался удивительно немногословным. Краснолюд хлебнул пива и принялся сетовать на то, что упомянутая Йеннифэр все еще обижается на него, хоть с тех пор минул уже не один годок.

– Я столкнулся с ней на ярмарке в Горс Велене, – повествовал он. – Едва увидев меня, она фыркнула навроде кошки и самыми что ни на есть ужасными словами отозвалась о моей покойной матушке. Я удрал со всей доступной мне скоростью, а она крикнула вослед, что когда-нито еще достанет меня и уж тогда-то у меня из задницы трава вырастет.

Цири захихикала, представив себе Ярпена с травой, торчащей из штанов. Геральт буркнул что-то о женщинах и их неуравновешенных характерах, а краснолюд счел это чересчур мягким определением бабской зловредности, жестокости и мстительности.

Ведмак темы не поддержал, и Цири опять задремала.

На этот раз ее разбудили возбужденные голоса. Точнее, слова Ярпена, который кричал:

– Именно так! И не иначе! Я так решил!

– Тише, – спокойно сказал ведмак. – На телеге больная женщина. Пойми же, я не критикую ни твоих решений, ни

постановлений...

– Еще бы, – язвительно прервал краснолюд. – Ты всего лишь многозначительно ухмыляешься.

– Ярпен, я тебя по-дружески предупреждаю. Тех, что сидят верхом на заборе, ненавидят обе стороны. В лучшем случае относятся к ним с недоверием.

– Я не сижу верхом. Я четко держусь одной стороны...

– Для этой стороны ты на веки вечные был и останешься краснолюдом. Чужаком. А для противоположной...

Он замолчал.

– Ну! – буркнул Ярпен, отворачиваясь. – Ну давай, чего ждешь? Скажи, что я предатель и пес на поводке у чело-веков, готовый за горсть серебра и миску отвратной жрат-вы броситься на побратимов, которые восстали против вас и бьются за свободу. Ну давай, давай, выблюй это из себя. Не терплю недомолвок.

– Нет, Ярпен, – тихо сказал Геральт. – Ничего я выbleвы-вать не собираюсь.

– Ах не собираешься. – Краснолюд хлестнул лошадей. – Тебе не хочется? Ты предпочитаешь глядеть и ухмыляться? Мне ты не скажешь ни слова, да? Но Венцу мог? «Прошу не рассчитывать на мой меч». Ах как возвышенно, благород-но, по-рыцарски! Иди ты к псу под хвост со своим благород-ством! И затраханной гордостью!

– Я просто-напросто хочу быть честным. Не хочу впуты-ваться в этот конфликт. Хочу сохранить нейтралитет.

– Не выйдет! – рявкнул Ярпен. – Нейтралитет сохранить не удастся, понимаешь? Нет, ничего ты не понимаешь. Слушай, мотай с моей телеги и садись на коня. Прочь с глаз моих, зануда нейтральная. Ты действуешь мне на нервы.

Геральт отвернулся. Цири затаила дыхание. Но ведьмак не произнес ни слова. Просто прыгнул с телеги, быстро, мягко, ловко. Ярпен переждал, пока тот отвяжет Плотву, и снова хлестнул лошадей, бормоча себе в бороду какие-то непонятные, но исключительно ярко звучащие слова.

Цири поднялась, чтобы тоже прыгнуть и отыскать свою Каштанку. Краснолюд повернулся, окинул ее неприязненным взглядом.

– С тобой тоже одна мука, коза, – зло фыркнул он. – Больно нужны нам тут бабы и девчонки, черт побери, отлить с козел не могу, всякий раз приходится останавливать лошадей и лезть в кусты!

Цири уперлась кулачками в бока, потрянула пепельной челкой и задрала нос.

– Да? – пустила она петуха. – Пива надо меньше пить, господин Зигрин, так реже хотеться будет.

– Тебе-то что до моего пива, сопливка!

– Не верещите! Трисс только что уснула!

– Моя телега! Буду верещать, ежели мне так желается!

– Бревно!

– Чего-чего? Ах ты, коза бесстыжая!

– Бревно! Бревно!!!

– Я те щас покажу бревно... О дьявол! Тпрррр! Бревно!!!

Краснолюд сильно откинулся назад, натянул вожжи в последний момент, когда лошади уже собирались переступить через перекрывающий дорогу ствол сосны. Ярпен привстал на козлах, кроя по-человечьи и краснолюдски, свистя и рыча, остановил упряжку. Краснолюды и люди, соскочив с телег, подбежали, помогли отвести лошадей на свободную дорогу.

– Задремал никак, Ярпен? – буркнул, подходя, Паулье Дальберг. – Черт, если б наехал, ось бы полетела, колеса к черту. Что ты, мать твою...

– Мотай отседова, Паулье! – рывкнул Ярпен Зигрин и зло хлестнул вожжами по конским крупам.

– Счастливец, – сладенько проговорила Цири, усаживаясь на козлы рядом с краснолюдом. – Сами видите, лучше держать на телеге ведьмачку, чем ехать одному. Вовремя я крикнула. А вот если б вы в это время... отливали с козел и наехали на бревно? Ну-ну. Страшно подумать, что с вами могло тогда случиться.

– Ты заткнешься?

– Уже молчу. Ни словечка.

Она выдержала не больше минуты:

– Господин Зигрин?

– Никакой я не господин. – Краснолюд тыркнул ее локтем. Ухмыльнулся. – Я Ярпен. Ясно? Давай поведем телегу вместе, э?

– Ясно. Можно подержать вожжи?

– Погодь, не так. Наложил на палец указательный, прижми большим, о, вот так. Левую так же. Не дергай, не натягивай слишком.

– Так хорошо?

– Хорошо.

– Ярпен?

– Ну?

– Что значит «сохранять нейтралитет»?

– Быть равнодушным, безразличным, – нехотя буркнул он. – Не давай вожжам провисать. Левую сильнее на себя!

– Как это «безразличным»? К чему безразличным?

Краснолюди сильно наклонились и сплюнули под телегу.

– Если скоя’таэли нападут на нас, твой Геральт намерен стоять и спокойно посматривать, как они будут перерезать нам глотки. Ты, вероятно, приткнешься рядышком, ведь это будет наглядный урок. Тема занятий: поведение ведьмака в конфликте разумных рас.

– Не понимаю.

– Этому-то я как раз несколько не удивляюсь.

– Поэтому вы с ним ругались? Кто они, собственно, такие, эти скоя’таэли? Эти... «белки»?

– Цири. – Ярпен яростно растрепал бороду. – Это не для маленьких девчонок.

– Ну вот, теперь ты на меня злишься. Я вовсе не маленькая. Я слышала, как о «белках» говорили солдаты на заставе. Видела... двух убитых эльфов. А рыцарь говорил, что

они... тоже убивают. И что среди скоя'таэлей не только эльфы. Краснолюды тоже есть.

– Знаю, – сухо сказал Ярпен.

– А ты ведь тоже краснолюд.

– Это уж точно.

– Почему же ты боишься «белок»? Они вроде бы дерутся только с людьми.

– Все не так просто, – задумался он. – К сожалению.

Цири долго молчала, покусывая нижнюю губу и морща носик. Потом сказала:

– Знаю. «Белки» борются за свободу. А ты хоть и краснолюд, но работаешь в специальной секретной службе короля Хенсельта и ходишь как пес на поводке у человека.

Ярпен хмыкнул, утер нос рукавом и выглянул с козел, проверяя, не подъехал ли Венцк слишком близко. Но комиссар, занятый беседой с Геральтом, был далеко.

– Слух у тебя что надо, деваха, прям как у сурка, – широко ухмыльнулся он. – Да ты и попонятливее тех, кому на роду написано рожать детей, варить похлебки да прясть. Тебе кажется, будто ты знаешь все? Это потому, что ты еще ребенок. Не делай дурашливых рожиц, годков тебе это не прибавит, только становишься еще некрасивее, чем обычно. Удачно, признаю, ты поняла скоя'таэлей, понравилось тебе это словцо. Знаешь, почему ты так хорошо их понимаешь? Потому что скоя'таэли тоже вроде детишек. Шпань, которая не понимает, что ее подзуживают, науськивают, что кто-то

использует их ребячью дурость, подкармливая сказочками о свободе.

– Но ведь они действительно борются за свободу. – Цири подняла голову, взглянула на краснолюда широко раскрытыми зелеными глазами. – Как дриады в лесу Брокилон. Они убивают людей, потому что люди... некоторые люди творят им зло. Потому что когда-то это была ваша земля, краснолюдов и эльфов и этих, как их, низушков, гномов и других... А теперь тут поселились люди, вот эльфы и...

– Эльфы! – фыркнул Ярпен. – Уж если быть точным, как раз они-то тут такие не пришей кобыле хвост, как и вы, люди, хоть и прибыли на своих белых кораблях за добрых тысячу лет до вас. Теперь-то они наперебой лезут со своей дружбой, теперь-то мы братья, теперь-то лыбятся, болтают: «Мы сородичи, побратимы, мы Старшие Народы». А раньше ети их... хм, хм... Раньше-то у нас мимо ушей свистели их стрелы, когда мы...

– Так первыми в мире были краснолюды?

– Если быть точными – гномы. В этой части света. Потому что мир невообразимо велик, Цири.

– Знаю. Я видела карту...

– Не могла ты видеть. Никто еще не нарисовал такой карты, и сомневаюсь, что это вскоре случится. Никто не знает, что лежит там, за Огненными горами и Великим морем. Даже эльфы, хотя и похваляются, мол, знают все. Ни хрена они не знают, поверь мне...

– Хм... А теперь... Ведь людей гораздо больше, чем... чем вас.

– Потому что плодитесь вы как кролики, – скрежетнул зубами краснолюд. – Ничего вам не надо, только бы трахаться вокруг, без разбора, с кем попало и где попало. А вашим бабам стоит сесть мужику на штаны, как живот вздувается... Ну, чего покраснела, ровно мак полевой? Хотела понять? Вот тебе голая правда и верная история мира, которым владеет тот, кто удачнее разделявает другим черепа и быстрее накачивает своих баб. А с вами, людьми, трудно конкурировать как в смертоубийстве, так и в... траханье...

– Ярпен, – холодно сказал Геральт, подъехав на Плотве. – Сдержись немного, будь любезен, в выборе слов. А ты, Цири, перестань играть в возницу, загляни к Трисс, проверь, не проснулась ли и не надо ли ей чего.

– Давно уже проснулась, – проговорила слабым голосом чародейка из глубины фуры. – Но не хотела... прерывать очень, поверь, любопытную беседу. Не мешай, Геральт. Хотелось бы... побольше узнать о влиянии траханья на прогресс общества.

– Можно согреть немного воды? Трисс хочет умыться.

– Валяй, – разрешил Ярпен Зигрин. – Ксавьер, сыми вертел с огня, наш заяц готов. Давай котел, Цири. Ого! Полный до краев! Одна притащила от ручья такую тяжесть?

– Я сильная.

Старший из братьев Дальбергов прыснул.

– Не суди по внешности, Паулье, – серьезно сказал Ярпен, ловко разделявая обжаренного зайца на порции. – Не над чем смеяться. Она девица щупленькая, верно, но, вижу, крепенькая и выносливая. Она навроде кожаного ремня: тонкий, а руками не разорвешь. Да и повесишься – тоже выдержит.

Никто не засмеялся. Цири подошла к развалившимся вокруг костра краснолюдам. На этот раз Ярпен Зигрин и четверка его парней развели собственный костер, потому что зайцем, которого подстрелил Ксавьер Моран, делиться не собирались. Им самим едва хватало на один, ну два укуса.

– Подкинь-ка в огонь, – сказал Ярпен, облизывая пальцы. – Вода шибчей закипит.

– Вода – дурь, – заметил Реган Дальберг, выплюнув косточку. – Мытье хворой токмо навредить может. Да и здоровому тожить. Помните старого Шрадера? Жена ему однажды велела помыться, и вскорости после того помер Шрадер-то.

– Потому как бешеный пес покусал.

– А не мылся б, то и пес не покусал бы.

– Я тоже думаю, – заметила Цири, проверяя пальцем температуру воды в котле, – что ежедневно мыться – это уж слишком. Но Трисс просит, а однажды даже заплакала... Вот мы с Геральтом и...

– Знаем, – кивнул старший Дальберг. – Но то, что ведьмак... Никак надивиться не могу. Эй, Зигрин, ежели б у тебя

была баба, ты бы мыл ее и чесал? Носил бы на руках в кусты, чтобы она...

– Заткнись, Паулье, – прервал Ярпен. – Ты про ведьмака не того... Это порядочный мужик.

– А я чего? Я ничего. Удивляюсь токмо...

– Трисс, – задиристо вставила Цири, – вовсе не его баба.

– Тем больше удивляюсь.

– Тем больший ты дуб, стало быть, – подвел итог Ярпен. – Цири, отлей малость воды на кипяток, запарим чародейке еще шафрана с маком. Сегодня ей вроде получшало? А?

– Пожалуй, – буркнул Янник Брасс. – Ради нее пришлось задерживать обоз всего шесть разов. Я, конечным делом, знаю, нельзя отказывать в помощи на тракте, дурак тот, кто мыслит иначе. А кто откажет, тот воще сверхдурак и подлый сукин сын. Но слишком уж долго мы в этих лесах топчемся, слишком долго, говорю вам. Искушаем судьбу, холера, слишком уж мы судьбу испытываем, парни. Тут опасно. Скоя'таэли...

– Сплюнь, Янник.

– Тьфу, тьфу. Ярпен, я драки не боюсь, и кровь лить не впервой, но... Ежели придет дело драться со своими... Мать их! Почему это нам выпало? Этот засратый груз должна сопровождать засратая сотняга конных, не мы. Чтоб черти побрали умников из Ард Каррайга, чтоб их...

– Заткнись, говорю. Давай лучше горшок с кашей. Зайчатинкой, мать его так, червячка заморили, теперь надо че-

го-нибудь съесть. Цири, поешь с нами?

– Конечно.

Долго было слышно лишь чавканье, чмоканье да стук сталкивающихся в горшке деревянных ложек.

– Зараза, – сказал Паулье Дальберг и протяжно рыгнул. – Я б еще чего съел.

– Я тоже, – поддержала Цири и тоже рыгнула, восхищенная простецкими манерами краснолюдов.

– Только не каши, – сказал Ксавьер Моран. – Уже в глотке стоит эта пшенка. Солонина тоже обрыдла.

– Ну так нажрись травы, ежели у тебя такой изычный скус.

– Иль березу ошкурь зубами. Бобры – вон те этак делают и живы.

– Бобра б я, пожалуй, съел.

– А я – рыбки, – размечтался Паулье, с хрустом разгрызая добытый из-за пазухи сухарь. – Хоцца мне рыбки, ей-бо.

– Так наловим рыбы.

– Где? – проворчат Янник Брасс. – В кустах?

– В ручье.

– Тоже мне ручей. На другой берег насать можно. Какая там может быть рыба?

– Есть там рыбы. – Цири облизнула ложку и сунула за голенище. – Я видела, когда ходила по воду. Но какие-то большие. У них сыпь. Черные и красные пятна...

– Форель! – рыкнул Паулье, брызгая крошками сухаря. – А ну, ребята, к ручью! Реган! Скидывай портки! Сделаем

сачок из твоих портков.

– Почему из моих?

– Стаскивай мигом, не то по шее получишь, молокосос!
Тебе мать что сказала? Меня слушать!

– Поспешите, если хотите рыбачить, вот-вот стемнеет, – сказал Ярпен. – Цири, вода вскипела? Оставь, оставь, ошпарись и вымажешься котлом-то. Знаю, что сильная, но уж позволю, я отнесу.

Геральт уже ожидал. Они издалека заметили его белые волосы между раздвинутыми полотнищами фуры. Краснолюд перелил воду в бадейку.

– Помощь нужна, ведьмак?

– Спасибо, Ярпен, Цири поможет.

Температура у Трисс уже спала, но слабость была прямо-таки чудовищной. Геральт и Цири уже наловчились ее раздевать и мыть, научились притормаживать ее благородные, но пока непосильные порывы к самостоятельности. Дело шло на удивление справно – он держал чародейку в объятиях, Цири мыла и вытирала. Одно только Цири удивляло и раздражало – Трисс излишне уж крепко, по ее мнению, прижималась к Геральту. В этот раз даже пыталась его поцеловать.

Геральт движением головы указал на выюки чародейки. Цири поняла сразу, потому что это тоже входило в ритуал: Трисс всегда требовала, чтобы ее причесывали. Девочка отыскала гребень, опустилась на колени. Трисс, наклонив к

ней голову, обхватила ведьмака. По мнению Цири, слишком уж крепко.

– Ах, Геральт, – разрыдалась чародейка. – Как жаль... Какая жалость, что все, что было между нами...

– Трисс, прошу тебя...

– ...не случится теперь... Когда я выздоровею... Все было бы совсем иначе... Я могла бы... Я могла бы даже...

– Трисс!

– Я завидую Йеннифэр... Я ревную тебя к ней...

– Цири, уйди.

– Но...

– Прошу тебя...

Цири спрыгнула с телеги и налетела прямо на Ярпена, который ожидал, опершись о колесо и задумчиво покусывая длинную травинку. Краснолюд поймал ее. Ему не пришлось даже наклоняться, как Геральту. Он был вовсе не выше ее ростом.

– Никогда не совершай такой ошибки, маленькая ведьмачка, – буркнул он, косясь на телегу. – Если кто-нибудь проявит к тебе сочувствие, симпатию и преданность, если удивит благородством характера, цени это, но не перепутай с... чем-то другим...

– Подслушивать нехорошо.

– Знаю. И небезопасно. Я едва успел отскочить, когда ты выплеснула смывки из бадейки. Пошли глянем, сколько форелей попало в Регановы портки.

– Ярпен?

– Хе?

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже, коза.

– Но ты краснолюд. А я нет.

– А какое это... Да. Скоя'таэли. Ты имеешь в виду «белок», да? Это не дает тебе покоя, а?

Цири высвободилась из-под тяжелой руки.

– Тебе тоже не дает. И другим. Я же вижу.

Краснолюд молчал.

– Ярпен?

– Слушаю.

– Кто прав? «Белки» или вы? Геральт хочет быть... нейтральным. Ты служишь королю Хенсельту, хоть сам – краснолюд. А рыцарь на заставе кричал, что все – наши враги и что всех надо... Всех! Даже детей. Почему? Ярпен? Кто же прав?

– Не знаю, – с трудом проговорил краснолюд. – Я не набрался премудростей. Делаю так, как считаю нужным. «Белки» взяли за оружие, ушли в леса. Людей – в море, кричат, не зная даже, что это сомнительное требование им подбросили нильфгаардские лазутчики. Не понимая, что эти слова адресованы не им, а людям, что они должны пробудить людскую ненависть, а не боевой задор юных эльфов. Я это понял, поэтому то, что вытворяют скоя'таэли, считаю преступной глупостью. Что ж, через несколько лет меня за это,

возможно, окрестят предателем и продажной тварью, а их станут именовать героями... Наша история, история нашего мира знает такие случаи.

Он замолчал, поскреб бороду. Цири тоже молчала.

– Элирена... – неожиданно буркнул он. – Ежели Элирена была героиней, ежели то, что она сделала, называется геройством, то ничего не попишешь, пусть меня обзывают предателем и трусом. Потому что я, Ярпен Зигрин, трус, предатель и ренегат, утверждаю, что мы не должны истреблять друг друга. Я утверждаю, что мы должны жить. Жить так, чтобы позже ни у кого не пришлось просить прощения. Героическая Элирена... Ей пришлось. Простите меня, умоляла она, простите. Сто дьяволов! Лучше сгинуть, чем жить с сознанием, что ты сделал что-то такое, за что приходится просить прощения.

Он снова замолчал. Цири не задавала вопросов, так и просившихся на язык. Инстинктивно чувствовала, что этого делать не следует.

– Мы должны жить рядом, – продолжал Ярпен. – Мы и вы, люди. Другого выхода у нас нет. Двести лет мы об этом знаем и больше ста работаем на это. Ты хочешь знать, почему я поступил на службу к Хенсельту, почему принял такое решение? Я не могу допустить, чтобы то, над чем мы работаем, пошло коту под хвост. Сто лет с лишком мы пытались сжиться с людьми. Низушки, гномы, мы, даже эльфы. Я не говорю о русалках, нимфах и сильфидах, эти всегда были ди-

карками, даже когда о вас тут и слуху не было. Тысяча чертей, это тянулось сто лет, но нам как-никак удалось наладить совместную жизнь, бок о бок, вместе, нам удалось частично убедить людей, что мы очень мало отличаемся друг от друга.

– Мы вообще не отличаемся, Ярпен.

Краснолюд резко обернулся.

– Мы вообще не отличаемся, – повторила Цири. – Ведь ты мыслишь и чувствуешь так же, как Геральт. И как... как я. Мы едим одно и то же, из одного котла. Ты помогаешь Трисс, и я тоже. У тебя была бабушка, и у меня... Мою бабушку убили нильфгаардцы. В Цинтре.

– А мою – люди, – с трудом сказал Ярпен. – В Бругге. Во время погрома.

– Конные! – крикнул кто-то из людей Венцка, ехавший в головном дозоре. – Конные впереди!

Комиссар помчался к телеге Ярпена. Геральт приблизился с другой стороны.

– Назад, Цири! – резко бросил он. – Слезай с козел и назад. Будь при Трисс.

– Оттуда ничего не видно!

– Кончай базарить! – буркнул Ярпен. – А ну быстро назад! И дай мне чекан. Он под кожухом.

– Это? – Цири показала тяжелый, отвратно выглядевший предмет, напоминающий молот с острым, слегка искривленным крюком на стороне, противоположной бойку.

– Угу, – подтвердил краснолюд. Он засунул черенок чека-на за голенище, а топор положил на колени. Венцк, внешне спокойный, смотрел на дорогу, приставив руку ко лбу.

– Легкая кавалерия из Бен Глеана, – сказал он через мину-ту. – Так называемая Медвежья Хоругвь, узнаю по плащам и бобровым шапкам. Сохраняйте спокойствие. Внимание то-же. Плащи и бобровые шапки довольно легко меняют хозяев.

Конники быстро приближались. Их было около десятка. Цири видела, как на своем возу Паулье Дальберг кладет на колени два натянутых самострела, а Реган накрывает их по-поной. Она тихо вылезла из-под полотнища, спрятавшись, однако, за широкой спиной Ярпена. Трисс попробовала под-няться, чертыхнулась и упала на подстилку.

– Стой! – крикнул первый из конных, несомненно, коман-дир. – Кто такие? Откуда и куда?

– А кто спрашивает? – Венцк спокойно выпрямился в сед-ле. – И по какому праву?

– Армия короля Хенсельта! А спрашивает десятник Зы-вик. И повторять он не привык! Отвечай немедленно. Кто такие, а?

– Служба квартирмейстера королевской армии.

– Каждый может сказать! Не вижу никого в королевских цветах!

– Приблизься, десятник, и повнимательнее взгляни на мой перстень.

– Чего вы мне тута кольцами разблестелись? – выкрикнул

десятник. – Что я, все кольца в мире знаю, аль как? Такой перстень может быть у кого хошь. Тоже мне важный знак!

Ярпен Зигрин встал на козлах, поднял топор и резко под-
сунул его десятнику под нос.

– А такой знак тебе ведом? – буркнул он при этом. – Нюх-
ни и запомни запах.

Десятник рванул поводья, развернул лошадь.

– Пугать меня надумал? – рявкнул он. – Меня? Я на ко-
ролевской службе.

– И мы тоже, – тихо сказал Венцк. – И, думаю, подольше,
чем ты. Не ерепенься, солдат, миром советую.

– Я здесь охрану несую! Откедова мне знать, кто вы такие?

– Ты перстень видел? – процедил комиссар. – И если зна-
ков на камне не узнаешь, то меня начинает интересовать, ты-
то кто таков? На флажке Медвежьей Хоругви выткан такой
же знак. Должны знать.

Солдат явно опешил, на что, вероятно, одинаково повлия-
ло и спокойствие Венцка, и угрюмые, решительные лица,
выглядывающие из фургонов эскорта.

– Хм... – сказал он, сдвигая шапку к левому уху. – Ладно.
Если вы и вправду те, за кого себя выдаете, не будете, думаю,
супротив, ежели взгляну, что на возах.

– Будем, – насупился Венцк. – К тому же очень. Нет тебе
никакого дела до нашего груза, десятник. Да и не понимаю,
чего ты можешь в нем искать.

– Не понимаете, – покачал головой солдат, кладя руку на

рукоять меча. – Так скажу. Торговля людьми запрещена, а хватает таких, кои продают невольников Нильфгаарду. Ежели людей в колодках на возах найду, не докажете мне, что королю служите. Хоть дюжину колечек выставьте.

– Хорошо, – сухо сказал Венцк. – Если о невольниках речь... Ищи. Разрешаю.

Солдат шагом подъехал к среднему фургону, наклонился в седле, приподнял полотно.

– Что в бочках?

– А что должно быть? Невольники? – съязвил Янник Брасс, рассевшись на козлах.

– Спрашиваю – что? Так отвечайте.

– Соленая рыба.

– А в тех вона ящиках? – Солдат подъехал к следующему возу, пнул по бортику.

– Подковы, – проворчал Паулье Дальберг. – А там, позади, буйволиные шкуры.

– Вижу, – махнул рукой десятник, чмокнул коню, поехал вперед, заглянул в фургон Ярпена.

– А чтой-то там за баба лежит?

Трисс Меригольд слабо улыбнулась, приподнялась на локте, сделав рукой короткий сложный жест.

– Кто? Я? – тихонько спросила она. – Ты же меня вообще не видишь.

Солдат нервно заморгал, вздрогнул.

– Соленые рыбы, – убежденно сказал он, опуская полот-

но. – Порядок. А этот ребенок?

– Сушеные грибы, – сказала Цири, нахально глядя на него. Солдат замолк, замер с открытым ртом.

– Ну да? – спросил он минуту погодя. – Чего?

– Закончил осмотр, вояка? – холодно поинтересовался Венцк, подъезжая с другой стороны фургона. Солдат с трудом оторвал взгляд от зеленых глаз Цири.

– Закончил. Ехайте, ведите вас Бог. Но поглядывайте. Два дни тому скотоели под корень вырезали конный разъезд у Барсучьего Яра. Сильная, большая была ихая бригада. Конечным делом, Барсучий Яр отседова далече. Только эльф по лесу прет шибче ветра. Нам велено облаву замкнуть, да разве эльфа схватишь? Все едино что ветер в решето ловить...

– Ну, довольно, мы не любопытные, – нелюбезно прервал комиссар. – Время не ждет, у нас еще дальняя дорога.

– Ну, бывайте. Эй, там, за мной!

– Слышал, Геральт? – проворчал Ярпен Зигрин, глядя вслед удаляющемуся разъезду. – Чертовы «белки» в округе. Как чуял. Все время мурашки по спине бегали, словно мне из лука прямо в крестец кто метил. Нет, мать их, нельзя ехать все время вслепую, как доселе, посвистывая, подремывая да сонно попердывая. Надо знать, что впереди. Послушай, есть мысль.

Цири резко дернула Каштанку, сразу сорвалась в галоп, низко наклонившись в седле. Геральт, занятый разговором с

Венцком, выпрямился.

– Не дури! – крикнул он. – Без фокусов, девка! Хочешь шею сломать? И не отъезжай очень-то далеко...

Больше она не услышала ничего, слишком сильно вырвалась вперед. Сделала это нарочно, надоело выслушивать ежедневные поучения. «Не так быстро, не так резко, Цири. Та-та-та! Не отдайся! Па-па-па! Будь осторожна! Па-па! Ну совсем так, будто я девчонка малая, – подумала она. – А мне уже почти тринадцать, у меня резвая Каштанка и острый меч за спиной. И ничего я не боюсь! И... весна кругом».

– Эй, смотри, задок сотрешь!

«Ярпен Зигрин. Еще один мудрила! Па-па!»

Дальше, дальше, галопом по выбоинам, через зеленые травы и кустики, через серебристые лужи, через золотой влажный песок, через перистые папоротники. Испуганная лань умчалась в лес, только сверкнула в прыжках черно-белым фонариком зада. С деревьев взлетают птицы – цветастые сойки и золотистые шурки, черные болтливые сороки со смешными хвостами. Из-под копыт взмывается вода в лужах и выбоинах.

Дальше, дальше! Лошадь, которая слишком долго еле-еле шевелила ногами, плетясь за обозом, идет легко, мчится резво, быстро, ее радует скорость, играют мускулы, влажная грива хлещет Цири по лицу. Лошадь вытягивает шею. Цири отпускает поводья. Дальше, лошадка, не грызи удила и мундштук, дальше, в карьер, в карьер, быстрее, быстрее! Весна!

Она придержала Каштанку, оглянулась. Ну наконец-то одна. Наконец-то далеко. Уже никто не поругает, не станет увещевать, не обратит внимания, не будет грозиться, что покончит, мол, с такими поездочками. Наконец-то одна, свободна, вольна и независима.

Теперь помедленнее. Легкой рысью. Ведь это же прогулка не ради одного только удовольствия, у нее тоже есть определенные обязанности. Ведь сейчас она – конный разъезд, патруль, передовое охранение. «Ха, – думает Цири, осматриваясь, – безопасность всего обоза сейчас зависит от меня. Все с нетерпением ждут, когда я вернусь и доложу: дорога свободна, никого не видела, ни следов колес, ни копыт. Доложу, а тогда тощий господин Венцк с холодными голубыми глазами серьезно кивнет, Ярпен Зигрин оскалит желтые конские зубы, Паулье Дальберг кивнет: молодец, малыш! А Геральт едва-едва улыбнется. Улыбнется, хотя последнее время он улыбается так редко».

Цири осматривается, все фиксирует в памяти. Две поваленные березки – не проблема. Куча веток – не страшно, телеги пройдут. Промытый дождем ровик – что за преграда, колеса первой фуры пробьют колею, остальные пройдут следом. Большая поляна – отличное место для привала...

Следы? Какие тут могут быть следы! Никого тут нет. Лес. Птицы верещат среди свежих, зеленых листиков. Коричнево-рыжая лиса не спеша перебежала дорогу... И все пахнет весной.

Дорога переламывается на половине холма, скрывается в песчанистом яре, уходит под кривые сосенки. Цири съезжает с дороги, взбирается по склону, чтобы сверху осмотреть район. И коснуться мокрых, пахучих листьев.

Соскакивает с седла, забрасывает вожжи на сук, медленно идет через покрывающий холм можжевельник. По другую сторону холма видна проплешина, зияющая в гуще леса, словно кто-то выгрыз часть деревьев: вероятно, след после пожара, который полыхал здесь давным-давно, потому что нигде не видно пепелища, всюду зелено от невысоких березок и елочек. Дорога, докуда хватает глаз, кажется свободной и проезжей.

И безопасной.

«Чего они боятся? – подумала Цири. – Скоя’таэлей? А чего их бояться? Я не боюсь эльфов. Я им ничего не сделала.

Эльфы. «Белки». Скоя’таэли».

Прежде чем Геральт приказал ей отойти, Цири успела рассмотреть трупы на заставе. Особенно запомнился один – с лицом, закрытым слепившимися от коричневой крови волосами, с неестественно вывернутой и выгнутой шеей. Застывшая в жуткой гримасе верхняя губа приоткрывала зубы, очень белые и очень мелкие, нечеловеческие. Она запомнила обувь эльфа, потрепанную и истертую, длинную, до колен, внизу шнурованную, сверху защелкивающуюся на многочисленные кованые крючки.

Эльфы, которые убивают людей, сами гибнут в борьбе. Ге-

ральт говорит, что надо соблюдать нейтралитет... А Ярпен – что надо поступать так, чтобы потом не приходилось просить прощения...

Она пнула кротовую горку, задумчиво поводила носком ботинка по песку.

Кто, у кого и за что должен просить прощения?

«Белки» убивают людей. А Нильфгаард им за это платит. Использует их. Подзуживает, наускивает. Нильфгаард.

Нет, Цири не забыла, хоть очень бы хотела забыть. О том, что случилось в Цинтре. О бродяжничестве, отчаянии, страхе, голоде и боли. О маразме и отупении, которые наступили позже, гораздо позже, когда ее нашли и приютили друиды из Заречья. Она помнила это как в тумане, а хотела перестать помнить вообще.

Но это возвращалось. Возвращалось в наваждениях и снах. Цинтра. Топот коней и дикие крики, трупы, пожар... И Черный рыцарь в крылатом шлеме... А потом... Хаты в Заречье... Почерневшая труба на пепелище... Рядом, у нетронутого колодца, черный кот, зализывающий страшный ожог на боку. Колодец... Журавль... Ведро...

Ведро, полное крови.

Цири протерла лицо, глянула на ладонь. Ладонь была мокрая. Девочка хлопнула носом, вытерла слезы рукавом.

«Нейтралитет? Равнодушие? – Ей хотелось кричать. – Ведьмак, равнодушно вззирающий на бойню? Нет! Ведьмак должен защищать людей. От лешего, вампира, оборотня и не

только. Он обязан защищать от любого зла. А я в Заречье видела, что такое зло.

Ведьмак обязан защищать и спасать. Защищать мужчин, чтобы их не подвешивали, как мишени для стрел, за руки на деревьях и не насаживали на колья. Защищать светловолосых девушек, чтобы их не распинали между вбитыми в землю колышками. Защищать детей, чтобы их не резали и не бросали в колодцы. Защиты заслуживает даже кот, обгоревший в подожженном сарае. Поэтому я стану ведьмачкой, для того у меня и меч, чтобы защищать таких, как люди из Соддена и Заречья, потому что у них ведь нет мечей, они не знают выпадов, финтов, полуоборотов, вольтов и пируэтов, их никто не научил, как надо драться, они бессильны и безоружны против оборотня и нильфгаардского мародера. Меня драться учат. Чтобы я могла защищать безоружных. Всегда. Я никогда не буду нейтральной. Никогда не буду безразличной.

Никогда!»

Она не знала, что ее подтолкнуло – то ли тишина, холодной тенью опустившаяся на лес, то ли движение, пойманное краешком глаза. Но она отреагировала мгновенно – рефлекс, приобретенный и выработанный в лесах Заречья, когда, убегая из Цинтры, она мчалась наперегонки со смертью. Она упала на землю, вползла под куст можжевельника и замерла. Только б не заржала лошадь. Только б не заржала!

На склоне противоположного холма что-то снова пошеве-

лилось, она заметила мелькнувший силуэт, растворившийся в листве. Эльф осторожно выглянул из зарослей. Откинув с головы капюшон, несколько секунд осматривался, прислушивался, потом беззвучно и быстро пошел по склону. Вслед за ним выглянули из листвы еще двое. А потом двинулись остальные. Их было много. Они шли длинной цепью, гуськом, примерно половина была на конях. Эти ехали медленно, выпрямившись в седлах, напряженные, чуткие. Несколько секунд она видела всех четко и хорошо, когда в абсолютной тишине они передвигались на фоне неба, в светлом прорыве в стене деревьев, а потом скрылись, растворились в мерцающей тени чащи. Исчезли без шороха и шелеста, словно духи. Не топнула копытом, не заржала ни одна лошадь, не хрустнула ветка под ногой или подковой. Не звякнуло оружие, которым они были увешаны.

Эльфы скрылись, но Цири не шевелилась, продолжала лежать, прижавшись к земле под можжевельным кустом, стараясь дышать как можно тише. Она знала, что ее может выдать испуганная птица или зверь, а птицу или зверя может напугать любой шорох и любое движение, даже самое незаметное, самое осторожное. Она поднялась лишь тогда, когда лес успокоился совсем, а среди деревьев, между которыми скрылись эльфы, застрекотали сороки.

Поднялась только для того, чтобы оказаться в крепких объятиях. Черная кожаная перчатка зажала ей рот, приглушила крик ужаса.

– Тихо!

– Геральт?

– Тихо, я говорю.

– Ты видел?

– Видел.

– Это они... – шепнула она. – Ская'таэли, да?

– Да. А ну быстро на коней. Гляди под ноги.

Осторожно и тихо они спустились с холма, но не вернулись на тракт, а остались в чащобе. Геральт внимательно осматривался, не разрешал ей ехать, не отдавал поводья Каштанки, вел лошадь сам.

– Цири, – проговорил он вдруг. – Ни слова о том, что мы видели. Ни Ярпену, ни Венцку. Никому. Понимаешь?

– Нет, – буркнула она, опуская голову. – Не понимаю. Почему я должна молчать? Ведь их надо предупредить. За кого мы, Геральт? Против кого? Кто наш друг, кто враг?

– Завтра отделимся от обоза, – сказал он, помолчав. – Трисс уже почти здорова. Попрощаемся и поедем своим путем. У нас будут собственные проблемы, собственные тревоги и собственные трудности. Тогда, надеюсь, ты наконец поймешь, что не надо делить обитателей нашего мира на друзей и врагов.

– Мы должны быть... нейтральны? Безразличны, да? А если они нападут...

– Не нападут.

– А если...

– Послушай меня, – повернулся он к ней. – Как думаешь, почему такой важный транспорт, груз золота и серебра, тайную помощь короля Хенсельта Аэдирну, сопровождают краснолюды, а не люди? Я уже вчера видел эльфа, который наблюдал за нами с дерева. Я слышал, как они ночью прошли мимо обоза. Ская’таэли не нападут на краснолюдов, Цири.

– Но они здесь, – проворчала она. – Здесь. Вертятся, окружают нас.

– Я знаю, почему они здесь. Покажу тебе.

Он резко развернул коня, кинул ей поводья. Она тронула Каштанку пятками, лошадь пошла быстрее, но он жестом приказал оставаться позади. Они пересекли тракт, снова въехали в чащу. Ведьмак вел, Цири ехала следом. Оба молчали. Долго.

– Взгляни. – Геральт осадил лошадь. – Взгляни, Цири.

– Что это?

– Шаэrrаведд.

Перед ними, насколько позволяли видеть деревья, вздымались гладко отесанные гранитные и мраморные блоки с притупленными, скругленными ветром краями, покрытые промытыми дождями рисунками, растрескавшиеся от морозов, разорванные корнями деревьев. Меж деревьями проглядывали поломанные колонны, арки, остатки фриз, оплетенные плющом, окутанные плотным ковром зеленого мха.

– Это была... крепость?

– Дворец. Эльфы не строили крепостей. Слезь. Кони не

пройдут по развалинам.

– Кто все уничтожил? Люди?

– Нет. Они сами. А потом ушли.

– Почему?

– Знали, что больше сюда не вернутся. Это случилось после второго столкновения между ними и людьми, больше двухсот лет назад. До того, уходя, они оставляли города нетронутыми. Люди строили свои дома на фундаментах эльфовых построек. Так возникли Новиград, Оксенфурт, Вызима, Третогор, Марибор, Цидарис. И Цинтра.

– Цинтра тоже?

Он утвердительно кивнул, не отрывая глаз от руин.

– Ушли, – шепнула Цири. – Но теперь возвращаются. Зачем?

– Чтобы взглянуть.

– На что?

Он молча положил ей руку на плечо, легонько подтолкнул. Она спрыгнула с мраморных ступеней, спустилась ниже, придерживаясь за пружинящие ветви кустов орешника, пробивающегося из каждой щели в омшелых, потрескавшихся плитах.

– Здесь был центр дворца. Его сердце. Фонтан.

– Здесь? – удивилась Цири, глядя на ольхи и белые стволы берез, столпившихся среди идеальных глыб и блоков. – Здесь? Но тут ничего нет.

– Идем.

Поток, питавший фонтан, видимо, часто менял русло, терпеливо и неустанно подмывал мраморные и алебастровые плиты, а те спускались, образуя запруды и снова направляя воды потока в новую сторону. В результате вся территория оказалась иссечена неглубокими промоинами стариц. Кое-где вода стекала каскадами по остаткам постройки, смывая с них листья, песок – в этих местах мрамор, терракота и мозаика все еще искрились свежими красками, словно лежали тут не два столетия, а три дня.

Геральт перепрыгнул через ручей и пошел туда, где еще сохранились остатки колоннады. Цири шла следом. Они соскочили с крошившихся ступеней, наклонив головы, вошли под нетронутый свод арки, наполовину ушедшей в земляной вал. Ведьмак остановился, указал рукой. Цири громко вздохнула.

На многоцветной от раздробленной терракоты насыпи рос большой розовый куст, усыпанный десятками прелестных бело-лиловых цветов. На лепестках поблескивали капельки росы, сверкающей словно серебро. Куст оплетал своими побегами большую плиту из белого камня. А с плиты на них глядело печальное красивое лицо, тонкие и благородные черты которого не смогли стереть и размыть ни ливни, ни снега. Лицо, которое не сумели исковеркать зубила варваров, вылушивающих из барельефа золото орнаментов, мозаику и драгоценные камни.

– Аэлирэнн, – сказал Геральт после долгого молчания.

– Какая красивая, – шепнула Цири, ухватив его за руку. Ведьмак словно и не заметил. Он смотрел на барельеф и был в этот момент далеко-далеко, в ином мире и времени.

– Аэлирэнн, – повторил он спустя минуту. – Которую краснолюды и люди называют Элиреной. Она вела эльфов в бой двести лет тому назад. Старейшины возражали. Они знали, что шансов победить у них нет. Понимали, что могут уже не воспрянуть после поражения. Они хотели спасти свой народ, хотели выжить. И решили разрушить города, уйти в недоступные дикие горы... и ждать. Эльфы – долгожители, Цири. По нашим меркам почти бессмертны. Люди казались им чем-то таким, что минует, как засуха, как тяжелая зима, как налет саранчи, а потом снова пойдут дожди, наступит весна, проклюнется новый урожай. Они хотели переждать. Да, переждать. Решили уничтожить города и дворцы. В том числе и свою гордость – Шаэрраведд. Да, хотели переждать, но Элирена... Элирена подняла молодых. Они взяли за оружие и пошли за ней на последний отчаянный бой. И их истребили. Безжалостно истребили.

Цири молчала, не отрывая глаз от прекрасного мертвого лица.

– Они умирали с ее именем на устах, – тихо продолжал ведьмак. – Повторяя ее призыв, ее клич. Они погибали за Шаэрраведд. Потому что Шаэрраведд был символом. Они погибали в борьбе за камень и мрамор. И за Аэлирэнн. Как она и обещала, они умирали достойно, геройски, с честью.

Они сберегли честь, но обрекли на гибель собственную расу. Собственный народ. Помнишь, что тебе сказал Ярпен? Кто владеет миром, а кто вымирает? Он объяснил это тебе грубо, но правильно. Эльфы долговечны, но плодовита только их молодежь, только молодые могут иметь потомство, а почти вся молодежь пошла тогда за Элиреной. За Аэлирэнн, за Белой Розой из Шаэрраведда. Мы стоим в руинах ее дворца, у фонтана, плеск которого она слушала вечерами. А это... это были ее цветы.

Цири молчала. Геральт привлек ее к себе, обнял.

– Теперь ты знаешь, почему скоя’таэли были здесь, понимаешь, на что они хотели взглянуть? Но понимаешь ли, что нельзя допустить, чтобы юные эльфы и краснолюды снова позволили себя уничтожать? Понимаешь ли, что ни я, ни ты не имеем права участвовать в этой бойне? Эти розы цветут весь год. Они должны были бы одичать, а они – видишь – прекраснее, чем в ухоженных садах. В Шаэрраведд постоянно приходят эльфы, Цири. Разные эльфы. И запальчивые, и глупые, для которых символом остается потрескавшийся камень. И разумные, для которых символ – бессмертные, вечно возрождающиеся цветы. Эльфы, которые понимают, что если вырвать этот куст и спалить землю, то розы Шаэрраведда уже не расцветут никогда. Это ты понимаешь?

Она кивнула.

– Понимаешь ли ты теперь, что такое нейтралитет, который так взволновал тебя? Быть нейтральным – не значит

быть равнодушным и бесчувственным. Не надо убивать в себе чувства. Достаточно убить в себе ненависть. Ты поняла?

— Да, — шепнула она. — Теперь поняла. Геральт, я... я хотела бы взять одну... Одну из этих роз. На память. Можно?

— Возьми, — сказал он после недолгого колебания. — Возьми, чтобы помнить. Ну, пошли. Возвращаемся к обозу.

Цири вколола розу под шнуровку курточки. Неожиданно тихо ойкнула, подняла руку. Струйка крови стекла у нее с пальца в ладошку.

— Укололась?

— Ярпен... — прошептала девочка, глядя на кровь, заполняющую линию жизни. — Венцк... Паулье...

— Что?

— Трисс! — пронзительно крикнула она, сильно вздрогнула, потеряла лоб. — Быстрее, Геральт! Мы должны им... помочь! На коней, Геральт!

— Цири, что с тобой?

— Они умирают!

Она мчалась галопом, прижавшись ухом к шее лошади, подгоняя ее криком и ударами пяток. Песок лесной дороги взметнулся из-под копыт. Уже издалека она услышала крики, почувствовала дым.

Навстречу, перегораживая тракт, к ней мчалась пара лошадей, волокущих за собой сбрую, вожжи и сломанное дышло. Цири не стала сдерживать Каштанку, пронеслась ми-

мо на полном скаку, хлопья пены лизнули ей лицо. Позади слышала ржание Плотвы и ругань Геральта, которому пришлось остановиться.

Она вылетела на поворот дороги, на большую поляну.

Обоз полыхал. Из зарослей огненными птицами неслись к телегам горящие стрелы, дырявя полотно, врезаясь в доски. Скоя'таэли, визжа и вопя, кинулись в атаку.

Цири, не обращая внимания на доносящиеся сзади крики Геральта, направила лошадь прямо к двум первым выдвинутым вперед фурам. Одна была перевернута набок, рядом стоял Ярпен Зигрин с топором в одной руке и самострелом в другой. У его ног, неподвижная и бессильная, в голубом, задравшемся до середины бедер платье лежала...

– Трииисс! – Цири выпрямилась в седле, хватанула лошадь пятками. Скоя'таэли обернулись на ее крик, мимо головы девочки засвистели стрелы. Она закрутила головой, не замедляя галопа и слыша крик Геральта, приказывающего ей бежать в лес. Но она и не подумала. Наклонилась, помчалась прямо на целящихся в нее лучников. Неожиданно почувствовала запах белой розы, приколотой к курточке.

– Трииисс!

Эльфы отскочили от мчащейся лошади. Одного она легко задела стремением. Услышала резкий свист, лошадь дернулась, взвизгнула, метнулась вбок. Цири увидела стрелу, глубоко врезавшуюся пониже седла, у самого ее бедра. Она вырвала ноги из стремян, пригнулась к седлу, крепко оттолкну-

нулась и прыгнула.

Мягко упала на перевернутый фургон, забалансировала руками, прыгнула опять, опустившись на подогнутые ноги около рычащего и размахивающего топором Ярпена. Рядом, на другом возу, дрался Паулье Дальберг, а Реган, откинувшись назад и упершись ногами в доски, с трудом сдерживал упряжку. Кони дико ржали, топали, рвали дышло в ужасе от пожирающего полотно огня.

Цири кинулась к Трисс, лежащей среди рассыпавшихся бочек и ящиков, схватила ее за платье и потащила к перевернутому возу. Чародейка стонала, держась за голову выше уха. Совсем рядом с Цири застучали копыта, захрапели кони – два эльфа, размахивая мечами, теснили к ней яростно защищавшегося Ярпена. Краснолюд крутился волчком, ловко отражая топором сыпавшиеся на него удары. Цири слышала проклятия, звон и стонущий звук металла.

От горящего обоза отделилась еще одна телега, она неслась в их сторону, волоча за собой дым и пламя, разбрасывая горящие тряпки. Возница бессильно свисал с козел, рядом стоял Янник Брасс, с трудом удерживая равновесие. Одной рукой он держал вожжи, другой отбивался от двух эльфов, галопирующих по обеим сторонам фуры. Третий скоя'таэль, поравнявшись с лошадьми, на бегу всаживал им в бока стрелу за стрелой.

– Прыгай! – рявкнул Ярпен, перекрывая гул. – Прыгай, Янник!

Цири увидела, как к мчащейся телеге галопом подлетает Геральт, как коротким, экономным ударом меча сметает с седла одного эльфа, а Венцк, подскочив с противоположной стороны, рубит второго, того, который стрелял в лошадей. Янник бросил вожжи и спрыгнул прямо под коня третьего скоя'таэля. Эльф поднялся на стремянах и рубанул его мечом. Краснолюд упал. В тот же момент пылающий воз врезался между бьющимися противниками, разбросал их по сторонам. Цири в последний момент ухитрилась оттащить Трисс из-под копыт взбесившихся лошадей. С треском вырвалась вага, фургон подскочил, потерял колесо и перевернулся, раскидывая груз и тлеющие доски.

Цири подтащила чародейку к перевернутому возу Ярпена. Ей помог Паулье Дальберг, который вдруг оказался рядом, и обоих прикрыл Геральт, вогнав Плотву между ними и нападающими скоя'таэлями. Вокруг телеги закипел бой. Цири слышала удары клинков, крики, храп лошадей, стук копыт. Ярпен, Венцк и Геральт, окруженные эльфами со всех сторон, бились как ошалевшие черти.

Неожиданно дерущихся раскидала упряжка Регана, борющегося на козлах с толстым низушкой в кафтане из рысьего меха. Низушек сидел на Регане и пытался заколоть его длинным ножом.

Ярпен ловко заскочил на телегу, схватил низушка за шею и пинком выкинул за обрешетку. Реган пронзительно взвизгнул, схватил вожжи, хлестнул коней. Упряжка рванулась, те-

лега покати́лась, мгновенно набирая скорость.

– Кругом, Реган! – закричал Ярпен. – Кругом! Вокруг!

Телега выверну́лась и снова рину́лась на эльфов, раскидывая их.

Один подскочил, схватил правую пристяжную за удила, но не сумел удержать, инерция кинула его под копыта и колеса. Цири услышала ужасающий крик.

Второй эльф, скакавший рядом, наотмашь рубанул мечом. Ярпен уклонился, оружие звякнуло по поддерживающему полотно фургона обручу, инерция занесла эльфа вперед. Краснолю́д вдруг сгорбился, резко махнул рукой. Ско-я́таэль взвизгнул, напружинился в седле и тут же рухнул на землю. Между лопатками у него засел чекан.

– Ну давайте, сукины дети!!! – рычал Ярпен, крутя топором мельницу. – Который еще? Гони в круг, Реган! В круг!

Реган, тряся окровавленным чубом, ссутулившись на козлах под свист стрел, был как сумасшедший и безжалостно стегал лошадей. Упряжка мчалась по тесному кругу, создавая подвижную, пылающую огнем и полыхающую дымом преграду вокруг перевернутой фуры, под которую Цири за-тащи́ла почти потерявшую сознание чародейку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.